

СКАЗКИ КОТА УЧЕНОГО

Художник Е. Ю. Михайлова
Технический редактор Л. И. Иванова
Корректор Г. Л. Кокосова

ISBN 5-86406-006-2

© Составление, оформление
"Книжный дом", 1991

Сдано в набор 28.08.91. Подписано в печать 25.11.91. Формат 84×108^{1/32}.
Бумага офсетная. Гарнитура «Тайме». Усл. печ. л. 12,6. Тираж 200 000 экз.
Заказ 2534.
«Книжный дом» СП «Инметалл», Московская обл., Калининград-5, ул. Ильича, 7.

Российский государственный информационно-издательский Центр «Республика»
Полиграфическая фирма «Красный пролетарий», 103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

АЛИ-БАБА И СОРОК РАЗБОЙНИКОВ

(арабская сказка)

В одном персидском городе жили два брата: Касим и Али-Баба. Отец оставил им очень небольшое состояние, которое они и поделили между собой.

Но затем Касим женился на купеческой дочери, получившей в приданое большой капитал и лавку с товаром, так что стал богатым купцом. Брату же его, женившемуся на бедной девушке, пришлось жить в жалкой лачуге и добывать пропитание себе и своей семье тяжелым трудом: они рубили дрова в ближнем лесу, возили их на трех ослах, составлявших все его достояние, в город и там продавали.

Раз как-то Али-Баба, работая в лесу, собирался уже грузить дрова на ослов, когда вдруг заметил густое облако пыли, приближавшееся к нему. Присмотревшись повнимательнее, он вскоре различил, что это скачет довольно большой отряд всадников. Хотя в этой местности о разбойниках и не было слышно, Али-Баба все-таки счел за лучшее подумать о своей безопасности и влез на большое дерево, бросив ослов на произвол судьбы. Ветви дерева были так густы, что в

них прекрасно можно было скрыться, а между тем сам Али-Баба отлично видел все происходившее внизу; надо заметить, что дерево это росло у подножия очень крутой скалы.

Отряд всадников, нарядно одетых и отлично вооруженных, приблизился к скале, и здесь все они спешили. Али-Баба насчитал их сорок человек и, судя по их виду и вооружению, уже не сомневался, что это были разбойники. Он не ошибся: действительно, это была разбойничья шайка, грабившая, однако, не в этой местности, а выезжавшая на разбой подальше; здесь же у разбойников было сборное место. Сойдя с коней, они разнуздали их, привязали к деревьям и подвязали им торбы с овсом; затем они сняли с седел большие мешки, по-видимому, очень тяжелые.

Самый видный из разбойников, атаман, — как верно определил Али-Баба, — подошел со своим мешком к дереву, на котором скрывался Али-Баба, раздвинул кусты перед скалой и громко сказал:

— Сезам, отворись!

Тотчас же дверь в скале отворилась, и все разбойники вошли туда; последним вошел атаман, и дверь за ним закрылась сама собой.

Разбойники оставались в пещере довольно долго. Все это время Али-Баба принужден был сидеть на дереве, хотя ему и приходила мысль слезть, вскочить на одну из разбойничьих лошадей и ускакать в город, причем угнать и своих ослов. Но так как разбойники каждую минуту могли выйти, то он побоялся исполнить это намерение и остался на дереве.

Наконец дверь снова открылась и все сорок разбойников вышли. Атаман вышел

первым, пропустил перед собой всех остальных, а затем произнес:

— Сезам, затворись!

И дверь закрылась.

Али-Баба не решился покинуть тотчас свое убежище, опасаясь, что разбойники, пожалуй, еще вернутся, забыв что-нибудь, и схватят его. Наконец, когда они совсем скрылись из виду, он спустился вниз.

Помня слова, произнесенные атаманом, он решил испытать, послушается ли и его дверь, ведущая в пещеру. Он раздвинул кусты и громко сказал:

— Сезам, отворись!

Дверь тотчас же широко распахнулась перед ним.

Али-Баба ожидал увидеть перед собой небольшую темную пещеру. Каково же было его удивление, когда перед ним оказался обширный высокий свод, освещаемый через отверстие в потолке!

Кроме всевозможных съестных припасов здесь находилось множество дорогих шелковых тканей, парча, роскошные ковры, серебро и золото в слитках и монетах. Все это было нагромождено в таком количестве, что для накопления такого богатства потребовалось, вероятно, несколько веков.

Али-Баба вошел в пещеру, и дверь за ним немедленно закрылась; он этого не испугался, так как знал, как ее открыть. Не теряя времени, он стал таскать наружу мешки с золотом и выучить их на своих ослов. Затем он сказал:

— Сезам, затворись!

И дверь за ним закрылась. Поверх мешков он навалил дрова и направился к городу.

Когда Али-Баба вернулся домой, он загнал

ослов во двор, запер ворота, внес мешки с золотом в комнату и поставил их перед своей женой. Она ощупала их и, видя, что там деньги, испугалась, подумав, что муж их украл. Но Али-Баба успокоил ее, рассказав подробно все происшедшее. Затем он развязал мешки и высыпал целую грудку золота.

Тогда жена поразовалась вместе с мужем выпавшему на их долю счастьем и начала было считать деньги.

— Это немисливо, жена, — сказал Али-Баба. — Надо поскорее спрятать эти деньги. Я вырою сейчас яму и ссыплю их туда.

— Ты прав, дорогой супруг, — сказала она, — но мне хотелось бы знать хоть приблизительно, сколько у нас денег. Я пойду к соседям возьму мерку и, пока ты будешь копать яму, перемеряю деньги.

— Не советовал бы я тебе этого делать, жена, — сказал Али-Баба, — но если уж тебе так хочется, то ступай за меркой, но смотри не проболтайся.

Жена, получив разрешение, побежала к брату мужа Касиму, жившему неподалеку, и, не застав его дома, попросила его жену дать ей небольшую мерку на самое короткое время.

Та согласилась и сказала, что сейчас же принесет ее. Зная, однако, бедность Али-Баба, она решила разузнать, что за зерно они собираются мерить, и смазала для этого салом дно мерки и передала ее жене Али-Баба.

Эта поспешила домой и стала мерить золото; она была в восторге, видя, как много раз ей приходится наполнять мерку, и поделилась радостью с мужем, который уже закончил копать яму.

Пока Али-Баба зарывал золото, жена его побежала возвратить мерку, не заметив, что на дне ее пристала одна золотая монетка.

Лишь только она ушла, жена Касима заглянула внутрь мерки и очень удивилась, заметив на дне золотую монету. Зависть зашевелилась в ее сердце.

— Как, — воскликнула она, — у Али-Баба столько денег, что он мерит их мерками?! Откуда у этого нищего взялось такое богатство?!

С нетерпением ожидала она возвращения мужа из лавки, чтобы рассказать ему эту поразительную новость. Когда он наконец пришел, она встретила его следующими словами:

— Ты, наверно, считаешь себя очень богатым, Касим, и очень ошибаешься: Али-Баба несравненно богаче тебя, он даже не может сосчитать своих денег, а мерит их мерками.

Касим попросил разъяснить эти слова, и она рассказала ему про свою хитрость и показала золотую монету.

Касим отнюдь не поразовался счастьем брата, а напротив, почувствовал сильную зависть. Всю ночь он не мог сомкнуть глаз, и чуть только забрезжило утро, он поспешил к брату.

— Али-Баба, — сказал он, входя к нему, — ты стал очень скрытен; выдаешь себя за бедняка, и в то же время меришь золото мерками.

— Что ты говоришь, брат, — ответил Али-Баба, — я что-то тебя не понимаю...

— Не притворяйся, пожалуйста, — сказал Касим, показывая золотую монету, найденную его женой. — Сколько у тебя таких мо-

нет? Моя жена нашла эту на дне мерки, которую давала вам вчера.

Из этих слов Али-Баба понял, что вследствие неосторожности его жены Касим и его супруга проникли отчасти в его тайну, и, так как дела уже нельзя было поправить, он счел за лучшее рассказать брату всю историю, предложив ему вместе пользоваться сокровищами, тщательно храня тайну.

— Разумеется, — отвечал Касим, — но я должен знать, где находятся эти сокровища и как туда проникнуть; и если ты все это не объяснишь подробно, то я донесу на тебя властям и тогда у тебя отнимут и то, что ты уже успел взять, а я буду награжден за то, что донес на тебя.

Али-Баба исполнил это его желание — больше по своему природному добродушию, чем из страха перед его угрозами. Он сообщил брату и слова, которые нужно было крикнуть перед дверью пещеры.

Узнав все, что было нужно, Касим ушел, решив предупредить брата и завладеть всеми сокровищами.

На следующее утро он встал еще до рассвета и, следуя указаниям Али-Баба, направился в лес с десятью мулами, навьючив их большими мешками для золота. Вскоре он нашел скалу и дверь, скрытую кустарником. Встав перед ней, он громко произнес:

— Сесам, откройся!

Дверь отворилась, а когда он вошел в пещеру, она немедленно закрылась за ним. При первом взгляде на сокровища Касим убедился, что их было гораздо больше, чем он думал, судя по словам Али-Баба. Глаза его разгорелись при виде таких богатств, и он готов

был весь день, не отрываясь, глядеть на них, пока не вспомнил, зачем, собственно, пришел сюда, и не принялся таскать к двери мешки с золотом. Однако ум его был так поражен окружающим богатством, что он совершенно забыл слова, открывавшие дверь. Для Касима это было такой неожиданностью, что он совсем растерялся. Он бросил мешки с золотом и стал бегать взад и вперед по пещере, не обращая внимания на находившиеся перед ним сокровища.

Около полудня разбойники подъехали к скале; они очень удивились, увидев целый десяток мулов Касима, навьюченных большими мешками. Встревоженные необычным явлением, они поспешили к дверям пещеры, спугнув мулов, которых Касим не позаботился привязать, и животные разбежались во все стороны; разбойники не стали преследовать их, обеспокоенные мыслью о том, кто привел их сюда. В то время как несколько разбойников осматривали местность вокруг скалы, атаман с остальными подошел к двери, держа наготове обнаженные сабли, и произнес слова, заставившие дверь отвориться.

Касим, услышав из пещеры лошадиный топот, не сомневался, что это едут разбойники и что гибель его неминуема; и все-таки он решил попытаться спастись. Он стал как можно ближе к дверям. Когда раздалось слово "сесам", которое он забыл, и двери отворились, он выскочил так стремительно, что сбил с ног атамана; однако остальные разбойники немедленно кинулись на него и изрубили его саблями.

После этого первой заботой их было осмотреть пещеру. У самых дверей они нашли

мешки, принесенные сюда Касимом, но не заметили пропажи тех, которые были раньше похищены Али-Баба. Они стали соображать, каким образом Касим пробрался в пещеру.

Отверстие в потолке пещеры находилось на такой высоте, и скала с наружной стороны была так недоступна, что оттуда невозможно было пробраться внутрь. А между тем они не могли допустить, чтобы кто-нибудь, кроме них, знал тайну, как открыть дверь.

Как бы то ни было, важнее всего им было обезопасить сокровища от дальнейших хищений, и поэтому они решили разрезать труп Касима на четыре части и положить внутри пещеры у самых дверей. Таким способом они думали отбить охоту к новым посещениям у всякого другого. Сделав это, разбойники заперли свою сокровищницу и ускакали на новые грабежи.

Жена Касима обеспокоилась, когда муж ее не вернулся до ночи. Встревоженная, она поспешила к Али-Баба и сказала:

— Дорогой родственник, не знаешь ли ты, зачем Касим отправился в лес? Он до сих пор еще не возвращался, и я боюсь, не случилось ли с ним беды.

Али-Баба догадался о намерениях брата и нарочно в этот день не пошел в лес, чтобы избежать ссоры. Он постарался успокоить жену Касима, говоря, что Касим, наверно, с какой-нибудь целью хочет попозже вернуться в город. Жене Касима это показалось вероятным, так как она хорошо понимала, как важно было держать все дело в тайне. Поэтому она вернулась домой и терпеливо стала ждать полуночи. Затем на нее напал страх, и она тревожилась тем более, что должна была

держат свои опасения про себя. Горько раскаивалась она теперь в своем любопытстве и зависти, причинивших ей такое горе! Проплавав всю ночь, она на рассвете снова побежала к родственникам, которые, прежде чем она начала говорить, догадались по ее заплаканным глазам, в чем дело.

Али-Баба немедленно отправился искать Касима, захватив с собой своих ослов.

Не встретив в лесу ни брата, ни его мулов, он поспешно направился к скале и здесь заметил кровавый след, сильно встревоживший его. Он произнес известные ему слова, дверь открылась, и он увидел у порога труп Касима. Завернув его в холст, найденный в пещере, он положил труп на одного из ослов, а двух других навьючил мешками с золотом, и все это заботливо прикрыл дровами. Затем он покинул пещеру, но из предосторожности переждал в лесу до вечера и вернулся в город с наступлением темноты. Ослов, навьюченных золотом, он отвел к себе в дом, предоставив жене разгружать их, и сообщил ей в двух словах о судьбе, постигшей Касима. А третьего осла с телом Касима он погнал к жене убитого.

Здесь ему отворила дверь служанка Касима: это была ловкая, хитрая и находчивая девушка по имени Моргiana. Загнав осла во двор, Али-Баба сказал Моргiane:

— Прежде всего тебе необходимо хранить глубочайшее молчание, Моргiana: слушай внимательно! На этом осле я привез тело твоего хозяина, и теперь надо устроить так, чтобы все думали, что он умер естественной смертью, а сейчас мне надо поговорить с твоей хозяйкой.

Узнав от Моргианы о приходе Али-Баба, жена Касима стала расспрашивать его, какие известия он принес. Али-Баба рассказал ей обо всем случившемся и стал убеждать ее умерить свою печаль. Он обещал с помощью Моргианы устроить так, что все будут думать, будто Касим умер естественной смертью. А чтобы ей не тосковать в одиночестве, он согласился переселиться к ней со своей женой. Затем он возвратился домой, а Моргиана отправилась немедленно в ближайшую аптеку и попросила отпустить ей сильного средства, употребляемого при опасных болезнях. Аптекарь дал ей лекарство и спросил, кто у них болен.

— Мой добрый хозяин Касим заболел, — отвечала она с глубоким вздохом. — У него очень тяжелая болезнь; он ничего не говорит и не ест.

И она поспешила домой с лекарством, в котором Касим, конечно, более не нуждался.

На следующее утро Моргиана опять явилась к аптекарю и со слезами на глазах попросила у него средства, которое дают обыкновенно только умирающим.

— Ах, — сказала она, — боюсь, что и это лекарство не спасет моего хозяина от смерти.

С другой стороны, все видели, что и Али-Баба с женой, оба опечаленные, посещали дом Касима, и поэтому никто не удивился, услышав вечером похоронные причитания жены Касима и Моргианы, возвещавшие о смерти хозяина.

На следующее утро, еще до восхода солнца, Моргиана пошла к старому башмачнику Баба-Мустафе, который раньше всех отпирал

поутру свою лавку. Она поздоровалась с ним и сунула ему в руку золотую монету.

— Плата не дурна, — сказал башмачник, — говори, чем я могу тебе услужить.

— Захватите с собой все принадлежности вашего ремесла и идите за мной, любезный Мустафа; только позвольте завязать вам глаза, когда мы дойдем до одной улицы.

Услыхав это, Баба-Мустафа сначала заупрямился.

— Может быть, от меня потребуют такого дела, которое опозорит мою честь?! — сказал он.

— Не опасайтесь ничего, — успокоила его Моргиана, сунув ему в руку еще золотую монету, — и пойдете.

Тогда Баба-Мустафа последовал за ней, а Моргиана завязала ему глаза на углу улицы, где жил Касим, и привела его к себе в дом. В комнате она сняла с его глаз повязку, указала ему на разрубленный труп хозяина и сказала:

— Вот что вам надо сшить. Работайте скорее и тогда получите еще золотую монету.

Когда Баба-Мустафа окончил работу, Моргиана опять завязала ему глаза, дала обещанную монету и, велев ему никому не рассказывать о виденном, довела его до угла улицы, сняла с него повязку и отпустила домой.

Затем Моргиана вымыла тело Касима, а Али-Баба окурил его ладаном, и труп одели в саван. Гробовщик принес заказанный Али-Баба гроб, Моргиана приняла его у дверей, заплатила гробовщику и немедленно отпустила его, чтобы он не заподозрил чего-либо. Вместе с Али-Баба она положила тело в гроб; заколотили крышку, а затем она позвала имама

ближней мечети, который пришел к ним со своими помощниками.

Четверо соседей подняли гроб на плечи и двинулись к мечети; впереди шел имам, все время читая молитвы; за гробом следовала Моргана с распущенными волосами; она громко причитала, била себя в грудь и рвала на себе волосы. За нею шел Али-Баба, в сопровождении соседей, поочередно несших гроб. Вдова Касима оставалась дома, где и оплакивала покойника, как того требовал обычай, вместе с собравшимися к ней соседками. Таким образом, никто в городе не узнал, какою смертью умер Касим.

Дня через три-четыре после похорон Касима Али-Баба переселился со своей женой, имуществом и деньгами, взятыми из пещеры разбойников, в дом Касима.

Между тем разбойники вскоре опять вернулись в пещеру и очень удивились, не найдя здесь трупа Касима и заметив убыль своего золота.

— Наша тайна открыта, — сказал атаман, — и если мы не примем решительных мер к отысканию похитителя, то вскоре лишимся богатства, скопленного с таким трудом нами и нашими предшественниками. Убитый нами вор, очевидно, знал, как открыть дверь; но эта тайна известна еще и тому, кто унес его тело и продолжает похищать наше золото. Его-то нам и надо непременно отыскать.

Разбойники согласились с мнением атамана и решили на время отказаться от грабежей и все усилия направить на поимку похитителя.

— Прежде всего, — сказал атаман, — кто-

нибудь из нас, самый отважный, ловкий и предприимчивый, должен отправиться в город, переодевшись купцом или путешественником, и стараться разузнать, не говорят ли в городе о насильственной смерти убитого нами человека, кто он такой и где он жил. Нам необходимо узнать это для нашей же безопасности. Но если тот, кто возьмет на себя это дело, обманет нас ложным сообщением, он погибнет.

В ответ на эти слова один разбойник добровольно вызвался взять на себя это поручение, обещая приложить для выполнения его все старания.

Он переоделся так удачно, что даже товарищи не могли его узнать, и ночью отправился в город, куда прибыл с рассветом; все дома и лавки были еще закрыты, и один только Баба-Мустафа уже работал у дверей своего дома.

Пожелав ему доброго утра, разбойник сказал Мустафе:

— Рано же вы принялись за работу, дедушка. Неужели вы можете шить при таком слабом свете?

— Вы, наверно, не здешний, — отвечал Баба-Мустафа, — а то вы знали бы, что у меня очень хорошее зрение; вот еще недавно мне пришлось сшивать труп в таком месте, где было еще темнее, чем здесь.

Разбойник очень обрадовался, что сразу набрел на человека, который может дать ему нужные сведения.

— Вы говорите, что сшивали мертвое тело? — сказал он с притворным удивлением. — Вы, должно быть, шутите? Как это вы

могли сшивать труп? Может быть, вы шили только саван?

— Да нет же, — возразил Баба-Мустафа, — я вижу, вам хотелось бы выведать у меня эту тайну, но я больше вам не скажу ничего.

— Я вовсе не любопытствую знать вашу тайну, — сказал разбойник, сунув в руку башмачника золотую монету, — но мне очень хотелось бы посмотреть дом, где вы занимались таким странным делом.

— Я с удовольствием исполнил бы вашу просьбу, — отвечал Баба-Мустафа, — но не могу этого сделать. Меня довели до угла одной улицы и там завязали глаза, в таком виде меня довели до дома и отвели опять назад.

— Но вы все-таки можете же припомнить дорогу, по которой вас вели с завязанными глазами? Пойдемте, и я завяжу вам глаза на том же самом месте. Мы пойдем вместе, и вы, может быть, узнаете, в какой дом вы вошли. — С этими словами он сунул ему в руку еще золотой.

Баба-Мустафа не мог устоять при виде денег и согласился выполнить просьбу разбойника.

Они отправились; разбойник завязал ему глаза на том же самом месте, где Моргiana, и повел его. Спустя некоторое время Баба-Мустафа закричал:

— Стой здесь! Кажется, меня довели именно до этого места.

Башмачник не ошибся и остановился как раз у дома Касима, где теперь жил Али-Баба.

Разбойник, прежде чем снять повязку с глаз Баба-Мустафы, сделал на двери дома знак мелом, и тогда уже развязал башмачнику

глаза и спросил его, чей это дом; но Баба-Мустафа ответил, что он этого не знает, так как живет далеко отсюда.

Вскоре после этого Моргiana вышла из дома за покупками и при возвращении заметила меловой знак, начерченный разбойником.

— Что это такое? — спросила она себя. — Наверное, кто-нибудь замышляет против нас недоброе. Надо предупредить этот умысел.

Она взяла кусок мела и отметила еще несколько дверей соседних домов, не сказав об этом ни слова своим хозяевам.

Между тем разбойник, вернувшись в лес к товарищам, донес им об успехе своих поисков.

Атаман решил тогда, переодевшись, отправиться вместе с ним в город, а остальным разбойникам велел прийти туда же по одному и собираться в условленном месте, где и будет решено, что им предпринять.

План этот всеми был одобрен и выполнен. Разбойник повел атамана на ту улицу, где он пометил дверь. Придя туда, они заметили, однако, что отмечена была не одна, а несколько дверей, так что разбойник не мог уже отыскать меловой знак, сделанный им. Ничего не добившись, оба они должны были возвратиться в лес, где разбойнику, невольно обманувшему всех, отрубили голову.

Смерть его не помешала другому разбойнику отважиться на новую попытку.

Он, по примеру первого, отправился переодетым в город, и также был приведен Баба-Мустафой к дому Касима и отметил дверь красным мелом.

Моргiana, в свою очередь, увидела и эту

пометку и такими же знаками отметила соседние дома.

Таким образом и этот разбойник не мог указать атаману дом Касима и тоже был предан смерти.

Атаман, лишившись двух удальцов из своей шайки, решил приняться за дело сам.

Приведенный к тому же дому Баба-Мустафою, он не стал метить дом, а только внимательно осмотрел его и запомнил местность.

Вернувшись в лес, он сказал:

— Теперь, товарищи, я хорошо знаю дом и уже придумал, как отомстить негодяю за все зло, которое он причинил нам.

Он велел товарищам пойти в окрестные селения и купить девятнадцать мулов и тридцать восемь мехов, из которых один они должны были наполнить растительным маслом.

Дня через два все было куплено, и в каждый из пустых мехов атаман велел влезть одному вооруженному разбойнику; эти мехи он натер снаружи маслом, будто и в них было масло.

Нагрузив на мулов все мехи, атаман, в наряде торговца, отправился с мехами в город и прибыл туда при заходе солнца. Он погнал мулов прямо к дому Али-Баба, решив попроситься у него на ночлег. Али-Баба сидел перед домом.

Атаман, остановив мулов, обратился к нему со следующими словами:

— Почтенный, я привез сюда растительное масло и хочу продать его завтра утром на базаре, но не знаю, где переночевать. Может быть, вы позволите мне провести у вас эту ночь?

Али-Баба не узнал переодетого атамана,

хотя уже видел его в лесу, и охотно согласился исполнить его просьбу.

Он позвал слугу, велел ему отворить ворота, загнать во двор мулов, снять поклажу, разместить животных в конюшне и дать им сена и овса. Затем он пошел в кухню и велел Моргiane приготовить вкусный ужин и ночлег для гостя.

В то время как слуги снимали кладь с мулов, Али-Баба повел гостя в дом. Здесь он угостил его ужином, и сам все время сидел и беседовал с ним.

Когда они встали из-за стола, атаман сказал Али-Баба, что он хочет, прежде чем лечь спать, взглянуть на мулов. Али-Баба, проходя кухней, еще раз поручил Моргiane позаботиться о госте, приготовить ему к утру ванну и завтрак, и отправился спать.

Между тем атаман переходил от одного меха к другому и шептал каждому разбойнику:

— Когда я из комнаты, куда меня поместили, буду бросать камешки, порежьте сейчас же мехи своими ножами и вылезайте из них.

Затем он вернулся в дом. Увидев его у кухонных дверей, Моргiana провела его в назначенную для него комнату. Чтобы не возбудить подозрения, он скоро потушил огонь и лег, не раздеваясь, в постель.

Моргiana приготовила ванну для Али-Баба и стала варить суп. Вдруг лампа ее погасла; она хотела подлить в нее масла, но в доме его не оказалось ни капли.

Слуга, видя ее недоумение, сказал ей:

— Пойди и возьми немного масла из мехов на дворе.

Моргiana согласилась и вошла во двор.

Когда она приблизилась к первому меху, находившийся в нем разбойник тихо спросил ее:

— Что же, пора?

Разбойник сказал это очень тихо, но все-таки Моргiana услышала его вопрос и хотя испугалась, однако тотчас же смекнула в чем дело и отвечала:

— Нет, еще не скоро!

Потом она стала переходить от одного меха к другому и везде слышала тот же вопрос, на который давала один ответ. Теперь Моргiana знала, что в хозяйский дом в мехах проникли разбойники. Она спешно нацедила из последнего меха масла для лампы, вернулась в кухню и, взяв большой котел, налила масла в него и поставил его на угли; когда масло вскипело, она подлила в каждый мех столько горячего масла, сколько нужно, чтобы сварить находившихся в мехах разбойников.

Совершив это смелое дело, она вернулась с пустым котлом в кухню, потушила лампу и огонь и стала поджидать у окна, что будет дальше.

Немного спустя она услышала, как атаман встал, открыл окно и стал бросать во двор камешки, стараясь попасть в меха. Затем он стал прислушиваться, но все было тихо.

Встревоженный этим, он вторично подал условленный знак, но также безуспешно. Тогда он тихо вошел во двор и подошел к первому меху. Нагнувшись к отверстию, он почуял запах горячего масла и, открыв мех, увидел, что сидевший в нем разбойник был уже мертв. В других мехах оказалось то же самое. Тогда на атамана напал такой страх, что он перелез через забор на улицу и убежал из города.

Моргiana, не слыша более движения на дворе, поняла, что разбойник убежал, и, радуясь, что ей так легко удалось спасти весь дом, легла в постель и уснула.

Али-Баба, встав рано поутру, взял ванну, ничего не подозревая о случившемся, так как Моргiana сочла лишним будить его, раз опасность уже миновала. Когда затем он вышел на двор, солнце было уже высоко, и он очень удивился, увидев меха с маслом все еще на дворе. Он спросил у Моргiany, почему купец не отправил их на базар.

— Добрый господин, — сказала она, — да сохранит Бог вас и весь ваш дом. Я сейчас расскажу вам все, следуйте за мной.

И она повела Али-Баба к мехам. Каково же было его изумление, когда увидал в них не масло, а тридцать семь вооруженных людей!

— А где же купец? — спросил он наконец, придя в себя.

— Купец этот был таким же купцом, как и я. Но войдемте в дом, и я вам все расскажу. Надо все это дело скрыть от соседей.

Дома Моргiana подробно сообщила ему все происшествие и рассказала даже о знаках, замеченных ею раньше на двери и на стене дома.

— Все это, очевидно, дело разбойников, — заключила она свой рассказ. — Они, наверно, решили погубить вас, и потому вы должны быть очень осторожны, пока жив еще хоть один из них. Я же и впредь буду заботиться о вашей безопасности.

Али-Баба был глубоко признателен верной служанке, спасшей ему жизнь, и объявил ей, что наградит ее за важные услуги, оказанные ему.

Прежде всего они решили зарыть трупы. У Али-Баба был очень большой, густо заросший сад. Али-Баба со своим слугою вырыл в этом саду большую глубокую яму, побросал в нее трупы, засыпал их землею и тщательно сровнял землю; мехи и оружие он спрятал, мулов же Али-Баба продал на базаре.

Между тем атаман сорока разбойников вернулся в пещеру в отчаянии от неудачи и гибели всех товарищей. Он решил прежде всего жестоко отомстить виновнику своих несчастий, а затем уже набрать новую шайку и продолжать грабежи.

На другой день, тщательно обдумав план мщения, он отправился в город, в одну из городских гостиниц. Он надеялся услышать здесь что-нибудь о происшествии в доме Али-Баба, но обманулся и понял, что Али-Баба все случившееся держал в тайне, желая скрыть ото всех существование пещеры с ее сокровищами. Это еще более утвердило в нем решение как можно скорее покончить со своим врагом.

Он снова нарядился купцом и, купив несколько мулов, перевез на них дорогие шелковые материи и тонкое полотно из своей пещеры в нанятый им для этого магазин, находившийся как раз против лавки Касима, где теперь торговал сын Али-Баба.

Он принял имя Ходжи-Гуссейна и, как подобало вновь прибывшему, отнесся к соседним купцам с большой предупредительностью и любезностью.

Скоро он свел дружбу с сыном Али-Баба, как с ближайшим своим соседом. Он всячески льстил ему, приглашал к себе и угощал. Сыну Али-Баба хотелось в свою очередь ока-

зать внимание своему любезному соседу, и он попросил у отца разрешения пригласить его.

Али-Баба с удовольствием согласился принять в свой дом Ходжу-Гуссейна и сказал:

— Пригласи его завтра прогуляться с тобой и на обратном пути попроси его зайти к нам. Моргана приготовит вам ужин.

На другой день сын Али-Баба предложил своему новому приятелю пройтись с ним и, когда они на обратном пути проходили мимо дома его отца, сказал ему:

— Вот дом моего отца, который очень желал бы с вами познакомиться. Прошу вас оказать нам честь своим посещением.

Хотя Ходжа-Гуссейн именно этого и добивался, но для вида стал было отговариваться и уступил только настоятельным просьбам молодого человека.

Али-Баба встретил его чрезвычайно радушно и благодарил за внимание и ласки, оказанные его сыну.

Гуссейн, в свою очередь, отвечал ему любезностями.

Побеседовав таким образом некоторое время, Ходжа-Гуссейн стал прощаться, но Али-Баба удержал его, говоря:

— Неужели, государь мой, вы хотите уже уйти? Прошу вас оказать мне честь поужинать у меня. Конечно, я не могу предложить вам роскошного ужина, но надеюсь, вы так же радушно примете мое предложение, как я вам его делаю.

— Али-Баба, — сказал Ходжа-Гуссейн, — я вполне уверен в вашем дружеском расположении, и если я отказываюсь от вашего приглашения, то на это существует совсем особая

причина — я не могу есть тех кушаний, в которых есть соль.

— Из-за этого вы, надеюсь, не лишите меня чести откусать со мной, — сказал Али-Баба. — Во-первых, хлеб у меня печется без соли, а что касается до других кушаний, то я сейчас отдам приказание, чтобы их не солили.

Али-Баба немедленно отправился в кухню и приказал Моргiane не солить мясо, которое будет подано на ужин, и в несколько других блюд тоже не класть соли.

У Моргiane ужин был уже готов, и она была недовольна новым распоряжением.

— Что же это за странный человек, что не ест соли? — сказала она.

— Не сердись, Моргiane, и делай, что я приказываю, — сказал Али-Баба.

Моргiane повиновалась, затаив свою досаду и решив непременно взглянуть на человека, не евшего соли. Поэтому она сама вместе с прислужником понесла кушанья в столовую, где в Гуссейне сейчас же узнала атамана разбойников, а приглядевшись повнимательнее заметила также, что под его одеждою скрыт кинжал.

— Теперь меня не удивляет, — сказала она про себя, — что этот злодей не хочет есть соли с моим господином; ведь он его злейший враг и замышляет убить его, а ни один магометанин не станет убивать человека, с которым ел соль.

Во время ужина Моргiane придумала план, как предупредить козни разбойника, и приготовила все для его выполнения.

Вскоре Али-Баба приказал подавать фрукты и вино. Собрав все остальное со стола, Моргiane ушла вместе со слугой.

Переодетый разбойник решил, что теперь настало удобное время для выполнения его замысла.

"Я постараюсь напоить их вином, — подумал он про себя, — а там убью отца и убегу садом, как и раньше".

Однако Моргiane, угадав намерение атамана, помешала ему его исполнить.

Она вошла в комнату в наряде танцовщицы, с кинжалом за поясом, отвесила присутствующим низкий поклон и спросила, желают ли они посмотреть на ее танцы. Ее сопровождал невольник с бубном в руке.

Получив утвердительный ответ, она исполнила несколько танцев с большой ловкостью и грацией, затем она вынула из-за пояса кинжал и стала плясать новый танец, полный разнообразных фигур, легких движений, неожиданных причудливых оборотов, причем она то взмахивала кинжалом, будто собираясь нанести удар, то направляла его на собственную грудь, — так она мало-помалу, быстро вращаясь, приблизилась к гостю. Гуссейн, заметив ее приближение, вынул было свой кошелек, чтобы наградить ее, по обычаю, деньгами, как вдруг Моргiane с такой силой вонзила ему кинжал в сердце, что он повалился на землю мертвым.

Али-Баба и сын его громко вскрикнули от ужаса.

— Несчастная, — воскликнул первый, — что ты сделала? Ты хочешь погубить меня со всем моим семейством?!

— Наоборот, — возразила Моргiane, — я спасла вас всех.

С этими словами она достала кинжал,

скрытый под одеждой Гуссейна, и, показав его своему господину, продолжала:

— Смотрите, с каким ужасным врагом вы имели дело! Разглядите его получше и вы узнаете в нем торговца маслом и атамана разбойников. Как вы не обратили внимания на то, что он не хотел с вами есть соли? Еще не видя его, я уже заподозрила в нем злодея, а увидев, сразу узнала.

Тогда Али-Баба понял, что Моргиана вторично спасла ему жизнь, обнял ее и сказал:

— Я тебе даровал уже свободу и обещал еще больше наградить тебя. Теперь я сдержу свое слово, выдав тебя замуж за своего сына.

Тут он обратился к сыну, говоря:

— Дорогой сын, ты, может быть, находишь странным, что я решаю твою судьбу, не спросив твоего согласия. Но ты ведь и сам обязан Моргиане жизнью. Ты видишь, что Гуссейн искал твоей дружбы только для того, чтобы найти случай убить меня, и в случае удачи ты, конечно, тоже не ушел бы от его мести.

Сын охотно согласился на предложение отца, так как и сам был очень тронут поступком Моргианы.

Прежде всего они все-таки позаботились зарыть тело атамана в саду, рядом с его разбойниками.

Через несколько дней свадьба сына Али-Баба с Моргианой была справлена великолепным пиром.

Из опасения, что кто-нибудь из разбойников еще остался в живых, Али-Баба долго не решался посещать пещеру; лишь по истечении года он отважился отправиться туда. Придя к дверям, он громко произнес:

— Сезам, отворись!

Дверь немедленно растворилась. Он вошел и убедился, что оттуда пропали только вещи, взятые мнимым гуссейном для своего магазина; из этого он заключил, что кроме него никто больше не посвящен в тайну пещеры и все сокровища находятся в полном его распоряжении.

Он посвятил впоследствии в свою тайну сына, и они жили счастливо, умеренно пользуясь своим богатством.

ПРИНЦ-САМОЗВАНЕЦ

(сказка Гауфа)

У одного портного в Александрии была большая мастерская.

Один из его мастеров, Лабакан, отлично знал свое дело и был ретив, так что нередко целыми днями шил, не разгибая спины, и иголка так и сновала в его руках. Правда, бывали дни, когда он подолгу сидел, задумавшись, не замечая, что делается вокруг него. Хозяин и мастера смеялись в эти дни над ним, говоря:

— Наш Лабакан сегодня опять замечтался!

По пятницам — магометанским воскресеньям, когда народ возвращался домой из мечети, Лабакан важно прогуливался в праздничной одежде по базарной площади и на приветствия друзей и знакомых лишь кивал снисходительно головой. Когда хозяин его шутил: "Ты, Лабакан, не портной, а настоящий принц!", Лабакан обыкновенно отвечал:

— Да, мне это часто и самому кажется, и я очень рад, что вы такого же мнения.

В эти дни хозяин тем не менее не сердился на Лабакана за его странное поведение, так как, в общем, Лабакан был очень хорошим работником.

Однажды проездом в Александрии был принц Селим, брат султана; он прислал портному в переделку свое праздничное платье, и портной поручил эту работу Лабака-ну.

Когда наступил вечер и мастера кончили работу, Лабакан остался один в мастерской и долго любовался роскошным платьем принца — шелковым с богатою вышивкой. Он не утерпел и примерил его; оно сидело на нем как нельзя лучше.

— Чем я не принц? — говорил он себе. — Чем я хуже Селима? Ведь и хозяин всегда говорит, что я больше похож на принца, чем на портного.

Глядя на себя в зеркало, Лабакан все больше убеждался в том, что он высокого происхождения, и в конце концов решил покинуть свой город, жители которого были так ограничены, что видели в нем только простого портного. Ему казалось, что наряд принца послан ему в подарок доброй волшебницей. И вот, захватив с собой свои скромные пожитки, он вышел ночью из Александрии.

Вскоре, однако, новый "принц" заметил, что его гордая осанка и великолепный наряд не идут к пешеходу, и недорого купил себе старую лошадь. Сесть на горячего коня он побоялся бы, так как был совсем плохим наездником.

Едучи потихоньку на своей лошаденке, он повстречался с всадником, который попросил у него разрешения сопутствовать ему и ока-

зался очень любезным и добродушным молодым человеком. Он спросил у Лабакана, откуда и куда тот едет, и оказалось, что путь их лежит в одном направлении. Молодой человек назвался Омаром, племянником Эльфи-бея, каирского паши, и сказал, что едет по поручению умершего дяди.

Лабакан не был так откровенен; он сказал Омару только, что он человек знатного происхождения и путешествует для своего удовольствия.

На другой день путники разговорились и Лабакан пожелал узнать, в чем заключается поручение Омара. Тогда последний рассказал ему следующее:

Эльфи-бей, каирский паша, воспитывал Омара с самых ранних его лет; Омар даже совсем не знал своих родителей. Но во время последней войны Эльфи-бей был опасно ранен в сражении, принужден бежать, и тогда только он открыл своему воспитаннику, что последний — не племянник его, а только приемщик, сын владетельного князя, который после одного предсказания, грозившего бедствиями молодому принцу, если тот останется до совершеннолетия при дворе отца, отослал его к каирскому паше. Эльфи-бей не назвал ему имени отца, а велел, когда Омару исполнится двадцать два года, то есть на четвертый день следующего месяца, Рамазана, быть в условленном месте — у столба Эль-Серуя, на расстоянии четырехдневного пути на восток от Александрии. Там его будут ждать люди, которым он должен вручить кинжал со словами: "Я тот, кого вы ждали".

Если они на это ответят: "Хвала пророку,

сохранившему тебя", то он может спокойно следовать за ними, и они отведут его к отцу.

Лабакан был очень поражен этим рассказом. Досада охватила его при мысли, что незнакомец так щедро взыскан судьбой; он не только воспитанник могущественного бея, но и княжеский сын; он же, Лабакан, обладающий наружностью и всеми достоинствами настоящего принца, ведет происхождение от людей простых и должен был заниматься портновским ремеслом. Сравнивая себя с принцем, он принужден был сознаться, что тот красив и изящен, и тем не менее ему казалось, что отец принца обрадуется больше возвращению его, Лабакана, чем своего сына.

Думы эти преследовали Лабакана весь день, и с ними же он лег спать. Когда на следующее утро он проснулся и взгляд его упал на спокойно спавшего Омара, ему пришла мысль силою или хитростью добиться того, в чем ему отказала судьба. Он тихо вынул из-за пояса Омара кинжал и хотел вонзить его спящему в грудь. Но на убийство он все-таки оказался неспособным; тогда он сунул кинжал себе за пояс, оседлал коня принца и быстро ускакал, прежде чем обманутый спутник его проснулся.

Сделал все это Лабакан как раз в первый день Рамазана; следовательно, ему оставалось еще четыре дня срока, чтобы доехать до хорошо известного ему столба Эль-Серуя, куда можно было добраться и в два дня. Он все-таки спешил, опасаясь, как бы настоящий принц не нагнал его.

На второй день к вечеру Лабакан издали увидел столб Эль-Серуя, на небольшом холме среди равнины. Сердце у него сильно заби-

лось; хотя за эти два дня он и успел подготовиться к той роли, которую собирался играть, однако совесть укоряла его, и потому он не был уверен в себе.

Местность вокруг столба была пустынной, и Лабакан расположился на ночлег под пальмами.

На другой день около полудня он увидел большой караван, подходивший пустыней к столбу Эль-Серуя. Караван остановился у подножия холма, на котором возвышался столб, и разбил здесь роскошные палатки. Лабакан догадался, что караван прибыл сюда ради него, и ему очень захотелось в этот же день явиться к прибывшим в виде их повелителя, но потом он решил выждать назначенного дня.

Дождавшись утра, он вскочил на коня и поскакал к холму. Здесь он слез, достал кинжал принца Омара и взошел на холм. Около столба стоял величественный старик в расшитом золотом кафтане, подпоясанном белым шарфом, на голове его была чалма, украшенная драгоценными камнями. За ним стояло шесть человек свиты.

Лабакан подошел к старику с низким поклоном и сказал, вручая ему кинжал:

— Я тот, кого вы ждете.

— Слава пророку, сохранившему тебя, — ответил на это старик со слезами радости, — обними своего старика-отца, дорогой мой сын Омар!

Портной был очень тронут и бросился в объятия старого князя.

Недолго, однако, пришлось ему наслаждаться своим новым положением; не успел старик выпустить его из объятий, как на рав-

нине показался всадник, подъезжавший к холму. Всадник и конь его представляли странное зрелище: лошадь из упрямства или от утомления тихо подвигалась вперед, несмотря на то, что всадник погонял ее изо всех сил. Лабакан не замедлил узнать свою лошадь и настоящего принца Омара, однако решил упорно отстаивать свои незаконные права.

Всадник уже издали стал махать руками; подъехав к столбу, он слез с лошади и быстро взбежал на холм.

— Стойте! — воскликнул он. — Кто бы вы ни были, подождите! Этот негодяй вас обманывает! Я — Омар, а не он!

Все стояли в удивлении, особенно был поражен старик; в недоумении он глядел то на одного, то на другого.

— Отец и повелитель, — сказал Лабакан, стараясь сохранить спокойствие, — не смущайтесь словами этого человека. Это — сумасшедший портной из Александрии по имени Лабакан. Он заслуживает скорее сожаления, чем гнева.

Слова эти окончательно вывели принца из себя. Вне себя от гнева он хотел броситься на Лабакана, но окружающие удержали его, князь же сказал Лабакану:

— Ты прав, дорогой мой сын, этот несчастный помешан; свяжите его и посадите на одного из верблюдов, может быть, он еще образумится.

Услышав это, принц разрыдался и воскликнул:

— Сердце говорит мне, что ты — мой отец. Умоляю именем моей матери, выслушай меня!

— Он опять начинает заговаривать-

ся, — сказал князь, — и откуда только взялись у него такие безумные мысли!

С этими словами князь взял Лабакана под руки и спустился с ним с холма. Здесь оба сели на прекрасных коней, покрытых дорогими чепраками, и двинулись во главе каравана по пустыне. А несчастного принца посадили со связанными руками на верблюда, причем двое всадников, ехавших по сторонам, приглядывали за ним.

Старый князь Сауд был султаном Вехабитов. Долгое время он был бездетен; наконец у него родился желанный сын. Предсказатели, которых он спросил о судьбе мальчика, объявили ему, что до двадцатидвухлетнего возраста принцу будет грозить опасность, что враги будут строить ему козни. Во избежание этого султан отдал мальчика на воспитание своему другу Эльфи-бею и с тех пор с нетерпением ждал его возвращения.

Все это султан рассказал своему мнимому сыну, любуясь им.

Когда они прибыли во владения султана, народ всюду встречал их с ликованием. Слух о прибытии принца быстро распространился по всем селам и городам. Улицы, по которым они проезжали, были украшены гирляндами цветов, дома были увешаны коврами, и народ радостно приветствовал принца.

Портной чувствовал себя на вершине блаженства, но тем ужаснее было положение Омара, которого везли сзади связанным: никто не обращал на него внимания; если же кто и любопытствовал узнать, кого это везут связанным, то конвойные, к отчаянию бедного принца, отвечали, что это — помешанный портной.

Наконец торжественный поезд прибыл в столицу султана, где встреча была еще великолепнее, чем в остальных городах. Мать Омара, пожилая почтенная особа, ожидала их со всем придворным штатом в самой роскошной зале дворца. Пол этой залы был покрыт огромным ковром, стены были увешаны голубым сукном, подобранным золотыми шнурами с кистями.

Когда они прибыли, уже стемнело, и поэтому в зале были зажжены круглые разноцветные лампы, благодаря чему там было светло как днем. Ярче всего была освещена та часть залы, где сидела мать Омара; к золотому с аметистами трону вели четыре ступени. Четыре знатных сановника держали над ней шелковый балдахин, а шейх мединский махал над ней опахалом из павлиньих перьев.

Так ждала она своего супруга и сына; последнего она не видела со дня рождения; впрочем, он не раз являлся ей во сновидениях, так что она была уверена, что немедленно узнает его даже среди тысячной толпы.

Наконец послышался шум приближавшейся процессии: звуки труб и барабанов смешались с ликующими криками толпы, уже топот коней раздался во дворе дворца, вот уже по комнатам слышны шаги, двери распахнулись, и султан, ведя за руку сына, поспешил мимо толпы придворных, павших перед ним ниц, к трону матери Омара.

— Вот, — воскликнул он, — я привел тебе того, кого ты так долго ожидала!

Но супруга султана перебила его:

— Нет, это не сын, — сказала она, — это не тот, кого пророк показывал мне во сне!

Султан хотел возразить ей, но в эту минуту

в комнату вбежал настоящий принц Омар, преследуемый конвойными, из рук которых он вырвался, он бросился к ногам матери, воскликнув:

— Я умру здесь, вели меня убить, жестокий отец, я не могу больше выносить такого позора!

Все придворные смутились, они столпились вокруг несчастного, и стража уже хотела схватить его и снова связать, но его мать поднялась на троне.

— Стойте! — воскликнула она. — Это мой сын. Хотя я его никогда не видела, но сердце подсказывает мне, что это он!

Стража невольно отступила, но султан, вне себя от гнева, велел немедленно связать его.

— Меня вы должны слушаться! — крикнул он. — Нельзя же верить женским снам, у меня есть более верное доказательство — вот этот кинжал моего друга, Эльфи, врученный мне моим сыном, — при этом он указал на Лабакана.

— Он похитил его у меня, — закричал Омар, — я ему доверился, а он меня обманул!

Но султан не слушал сына, он был упрям и привык решать все лично сам. Он велел силою увести несчастного Омара из залы, а сам ушел с Лабаканом к себе, гневаясь на супругу, с которой прожил двадцать пять лет в мире и согласии.

Мать Омара была в большом горе, она была вполне уверена, что прибывший с султаном принц — обманщик, а несчастный, которого султан считает помешанным, — ее сын, которого она не раз видела во сне. Успокоившись немного, она стала придумывать, как бы ей убедить в этом супруга. Дело было нелег-

кое, мнимый принц привез условный кинжал и так много знал из рассказа Омара о его жизни, что прекрасно играл свою роль.

Она призвала к себе лиц, сопровождавших султана к столбу Эль-Серуя, и подробно расспросила их, как было дело; потом стала советоваться с невольницами. Долго обсуждала она дело вместе с ними, наконец старая умная черкешенка Мелехзала сказала ей:

— Если я не ошибаюсь, мнимый принц называл того, кого ты считаешь своим сыном, Лабаканом, помешанным портным?

— Да, — отвечала мать Омара, — но что же из этого?

— А может быть, обманщик и называл твоего сына своим же настоящим именем? Если это так, то я знаю отличное средство, как изобличить обманщика. Но надо сохранить это в тайне.

И невольница шепотом сообщила своей повелительнице совет, который та вполне одобрила.

Супруга султана была умной женщиной, она хорошо знала слабые стороны мужа и умела ими пользоваться. Она притворилась, будто подчинилась его воле и согласна признать сыном того, кого он желает, но только с одним условием. Султан, уже раскаявшись в своей недавней вспыльчивости, согласился на все, и тогда она сказала:

— Я хотела бы испытать, кто из них двух искуснее; другая бы заставила их, может быть, состязаться в верховой езде, фехтовании и метании копий. Я задам им другую задачу, в которой они могут показать свое искусство и сообразительность. Пусть каждый сошьет по

кафтону, и посмотрим, у кого он выйдет лучше.

Султан засмеялся, говоря:

— Умно же ты придумала! Чтобы сын мой состязался с безумным портным, кто лучше сошьет кафтан! Нет, этого не будет!

Но супруга напомнила ему, что он уже дал согласие на поставленное ею условие, и султан уступил, объявив, однако, что как бы хорошо сумасшедший портной ни сшил кафтан, он все равно не признает портного сыном.

Султан сам подошел к сыну и попросил его исполнить прихоть матери, которая непременно желала иметь кафтан его работы. Лабакан, услышав это, очень обрадовался: он знал, что шитьем он может угодить кому угодно.

Принцу и портному отвели две комнаты, где каждый из них должен был показать свое искусство. Им дали по куску шелковой материи, ножницы и нитки.

Для выполнения работы им был назначен двухдневный срок; на третий день султан послал за супругой и велел принести кафтаны и позвать тех, кто их шил. Лабакан вошел с торжествующим видом и развернул свою работу перед султаном.

— Вот, смотри, отец, — сказал он, — и суди сам, разве не прекрасно сделана работа? Я думаю, самый искусный придворный портной не мог бы тягаться со мной.

Супруга султана улыбнулась и обратилась к Омару:

— А где же твоя работа, сын мой?

Омар с досадой бросил на пол шелковую материю.

— Меня учили укрощать лошадей и метать копья, — воскликнул он, — с нитками и ножницами я обращаться не умею и считаю такое занятие недостойным питомца Эльфи-бея, каирского властителя!

— Вот настоящий сын мой! — воскликнула супруга султана. — Ах, если б я могла обнять тебя и назвать сыном. Прости, супруг и повелитель, — сказала она, обращаясь к султану, — что я прибегла к хитрости. Неужели ты и теперь не убедился в том, кто принц и кто портной? Без сомнения, кафтан сшит прекрасно, и мне бы очень хотелось знать, у какого портного этот молодой человек научился портновскому искусству.

Султан задумался, недоверчиво поглядывая то на жену, то на Лабакана, который покраснел и смутился, поняв, как глупо он выдал себя.

— Этого доказательства недостаточно, — сказал наконец султан, — у меня есть еще средство узнать правду.

Он велел оседлать лучшего коня и поскакал в соседний лес. Там жила добрая волшебница по имени Альзаида, уже не раз помогавшая своими советами в трудные времена предкам султана; туда и направился султан.

Среди леса находилась поляна, окруженная высокими кедрами. Там жила волшебница, и редкий из смертных решался явиться туда — страх издавна удерживал всех от этого.

Приехав туда, султан слез с лошади, привязал ее к дереву, стал среди поляны и громко воскликнул:

— Если правда, что ты выручала предков своими советами в трудные минуты жизни, то не откажись помочь и потомку их!

Едва он успел произнести эти слова, как из ствола одного кедра вышла женщина в длинной белой одежде.

— Я знаю, зачем ты пришел, султан Сауд, — сказала она, — ты хочешь узнать правду, и я помогу тебе. Возьми эти два ларчика. Пусть оба юноши, назвавшие себя твоими сыновьями, выберут по ларчику. Я знаю, что настоящий сын твой выберет то, что следует.

С этими словами она подала ему два ларчика слоновой кости, богато украшенные золотом и жемчугом; на крышках, которые султан при всем старании не мог открыть, находились надписи, осыпанные бриллиантами.

На обратном пути султан долго раздумывал о том, что могло находиться в ларчиках. Надписи не облегчали дела; одна была такова: "честь и слава", другая: "счастье и богатство". Он подумал, что даже сам он затруднился бы в выборе из этих двух одинаково заманчивых вещей.

Вернувшись во дворец, он призвал султаншу и рассказал ей о решении волшебницы; она очень обрадовалась, надеясь, что тот, к кому лежало ее сердце, сделает выбор, доказывающий его высокое происхождение.

К трону султана придвинули два столика, и султан сам поставил на них ларчики, сел на трон и подал знак невольнику открыть двери залы. Блестящее собрание знатнейших сановников наполнило залу. Она уселись на роскошных диванах, поставленных вдоль стен. Затем, по вторичному знаку султана, в залу ввели Лабакана. Гордо и самоуверенно прошел он по зале, опустился на колени перед троном и сказал:

— Что прикажешь, мой отец и повелитель?

Султан поднялся с трона и сказал:

— Сын мой! Некоторые еще сомневаются в том, что ты действительно принц Омар. В одном из ларчиков находится доказательство твоего происхождения, выбирай! Я уверен, что выбор твой будет удачен.

Лабакан подошел к ларчикам. Долго обдумывал он, какой из них выбрать, наконец сказал:

— Дорогой отец, что может сравниться со счастьем быть твоим сыном и разве я не богат твоей милостью? Я беру ларчик с надписью: "счастье и богатство".

— Мы после узнаем, правильно ли ты выбрал, а пока сядь на диван рядом с мединским беєм, — сказал султан и снова махнул рукою.

В залу ввели Омара, его унылый вид и грустное лицо тронули всех присутствующих. Он пал ниц перед троном и спросил, чего от него требуют.

Султан объяснил ему, что он должен выбрать один из ларчиков. Омар встал и подошел к столу.

Внимательно прочитав надписи, он сказал:

— В последние дни я по опыту узнал, как непрочное счастье и ненадежно богатство, но эти же дни научили меня, что единственное неотъемлемое сокровище — это честь и что слава прочнее богатства. И хотя бы мне пришлось отказаться от короны, я избираю славу и честь!

Он положил руку на избранный им ларчик, но султан остановил его и вновь подозвал Лабакана к столу.

При нем султан велел открыть ларчики, и

крышки их, которые раньше не поддавались никаким усилиям, теперь отскочили сами.

В ларчике, выбранном Омаром, лежали на бархатной подушке маленькая золотая корона и скипетр, в ларчике же Лабакана — большая иголка с ниткой. Султан приказал подать себе ларчики. Он взял корону в руки, и она вдруг сделалась больше. Тогда султан возложил ее на голову своему сыну Омару, преклонившему перед ним колени, поцеловал его и посадил рядом с собой. Затем он обратился к Лабакану, говоря:

— Есть старая пословица: "Всяк сверчок знай свой шесток!" Тебе, видно, не судьба расставаться с иголкой. Хотя ты и не заслуживаешь снисхождения, но за тебя просит тот, кому я нынче ни в чем отказать не могу, поэтому я дарую тебе жизнь, но советую поскорее убраться из моих владений.

Пристыженный, униженный, бедняга-портной бросился к ногам принца, со слезами прося у него прощения.

— Верность другу и великодушие врагу — этому правилу всегда следовали Аббасиды, — сказал принц, поднимая Лабакана. — Иди с миром!

— Ты, конечно, мой сын! — воскликнул султан, заключая в свои объятия принца.

Сановники громко приветствовали принца, Лабакан же, пользуясь всеобщим ликованием и шумом, взял свой ларчик и тихо побрел из залы.

Он пошел в конюшню султана, оседлал свою старую клячу и выехал из города по дороге в Александрию. Все происшедшее казалось ему сном, и только ларчик напоминал

ему дорогой о том, что все произошло в действительности.

Прибыв в Александрию, он подъехал к дому своего прежнего хозяина, здесь он слез с лошади, привязал ее к дверям и вошел в мастерскую. Хозяин не узнал его, принял за важного заказчика и спросил, что ему угодно, когда же узнал в посетителе бывшего своего мастера Лабакана, призвал работников, и все они злобно кинулись на него, стали бить его утюгами и аршинами, колоть иголками и ножницами, пока Лабакан в изнеможении не упал на грудь старого платья. Хозяин осыпал его упреками за увезенное платье. Напрасно Лабакан уверял, что он для того и вернулся, чтобы вознаградить хозяина за понесенный убыток, никто не слушал его; хозяин с мастерами снова стали бить его и выгнали из дому.

Весь избитый, он снова сел на свою лошадь и отправился на постоялый двор. Здесь, бросившись в постель, он стал размышлять о непрочности всех земных благ и заснул с твердым решением отказаться от всех честолюбивых помыслов и впредь честным трудом зарабатывать свой хлеб.

Он продал свой ларчик за дорогую цену ювелиру, купил себе дом и открыл мастерскую. Он повесил вывеску "Портной Лабакан" и в ожидании заказчиков принялся чинить иголкой с ниткой, взятыми из ларчика, свой кафтан, сильно пострадавший от побоев хозяина. Кто-то оторвал его от работы, вернувшись и принимаясь снова за работу, он с удивлением заметил, что иголка сама продолжала шить мелкими красивыми стежками, и притом лучше самого Лабакана.

Вот как полезен даже самый ничтожный

подарок волшебницы! Но подарок имел еще другое достоинство, а именно: нитка была вечная, сколько бы иголка ни шила, она не уменьшалась.

Вскоре к Лабакану стали являться заказчики, его завалили работой, и он стал первым портным в городе. Он только кроил и делал первый стежок, все остальное доканчивала сама иголка. Все желали шить у него, так как он работал хорошо и дешево.

Таким образом оправдалась надпись на ларчике: "счастье и богатство". Лабакан разбогател и жил счастливо; когда же до него доходил слух о славе молодого султана Омара, когда ему говорили, как его любит народ и боятся враги, бывший принц думал про себя:

"Хорошо все-таки, что я остался портным, это много спокойнее, чем добывать себе славу и честь".

И Лабакан жил, довольный своей судьбой, уважаемый своими согражданами, и если иголка его не потеряла своей силы, то, наверно, и теперь еще шьет вечной ниткой доброй волшебницы Альзаиды.

ИВАН-КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН И МУЖИЧОК-САМ С ПЕРСТ, УСЫ НА СЕМЬ ВЕРСТ

(русская народная сказка)

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; у этого царя на дворе был столб, а в этом столбе три кольца: одно золотое, другое серебряное, а третье медное.

В одну ночь царю привиделся такой сон:

будто у золотого кольца был привязан конь — что ни шерстинка, то серебрянка, а во лбу светел месяц. Поутру встал он и приказал клич кликать: "Кто этот сон рассудит и коня того достанет, за того свою дочь отдам и половину царства в придачу". Собралось на царский клич множество князей, бояр и всяких господ; думали-думали — никто не может сна растолковать, никто не берется коня достать. Наконец доложили царю, что у какого-то нищего старичка есть сын Иван, который может сон растолковать и коня достать. Царь приказал призвать его. Призвали Ивана.

Спрашивает его царь:

— Рассудишь ли ты мой сон и достанешь ли коня?

Иван отвечает:

— Расскажи наперед, что за сон и какой тебе конь надобен?

Царь говорит:

— В прошлую ночь привиделось мне, будто у золотого кольца на моем дворе был привязан конь — что ни шерстинка, то серебрянка, а во лбу светел месяц.

— Это не сон, а быль, потому что в прошлую ночь на этом коне приезжал к тебе двенадцатиглавый змей и хотел царевну украсть.

— А можно ли достать этого коня?

Иван отвечает:

— Можно — только тогда, когда минет мне пятнадцать лет.

В то время было Ивану только двенадцать годочков; царь взял его во дворец, кормил и поил до пятнадцати. Вот как минуло Ивану пятнадцать лет, сказал он царю:

— Давай, государь, мне коня, на котором

можно бы доехать до того места, где змей находится.

Царь повел его в конюшни и показал всех своих лошадей, только Иван не мог ни одной выбрать по своей силе и тяжести: как наложит на лошадь свою богатырскую руку, она и упадет. И сказал он царю:

— Пусти меня в чистое поле поискать себе под силу коня.

Царь его отпустил.

Иван-крестьянский сын три года искал, нигде не мог сыскать. Идет со слезами обратно к царю; попадаетеся ему навстречу старичок и спрашивает:

— Что ты, парень, плачешь?

Он ему на спрос грубо отвечал, просто-напросто от себя прогнал; старичок молвил:

— Смотри, малый! Не помяни меня.

Иван немного отошел от старика и подумал: "За что я старика обидел? Старые люди много знают". Воротился, догнал старика, упал ему в ноги и сказал:

— Дедушка! Прости меня, со кручины тебя обидел. Я плачу вот о чем: три года ходил я по полю, по разным табунам — нигде не мог сыскать по себе коня.

Старик отвечает:

— Поди в такое-то село, там у мужичка на конюшне стоит лошадь, а у той лошади есть жеребенок; ты возьми его и выкорми: он тебе будет под силу.

Иван поклонился старику и пошел в село.

Приходит к мужику прямо в конюшню, увидал лошадь с жеребенком и наложил на того жеребенка руку. Жеребенок нимало не испугался; Иван взял его у крестьянина, покормил несколько времени, приехал к царю и

рассказал ему, как добыл себе коня. Потом стал снаряжаться в гости к змею.

Царь спросил:

— Сколько тебе, Иван-крестьянский сын, надобно силы?

Отвечает Иван:

— На что мне твоя сила? Я один могу достать; разве только для посылок дай человек шесть.

Дал ему царь шесть человек; вот они собрались и поехали. Долго ли, коротко ли они ехали — никому не ведомо; ведомо только то, что приехали они к Огненной реке, через реку мост лежит, а кругом реки огромный лес. В том лесу раскинули шатер, начали пить, есть, веселиться.

Иван-крестьянский сын говорит товарищам:

— Давайте, ребята, каждую ночь поочередно караулить: не будет ли кто проезжать через эту реку?

И случилось так — кто ни пойдет из его товарищей караул держать, никто ничего не видит.

Наконец пошел караулить Иван-крестьянский сын; смотрит — в самую полночь едет через реку змей о трех головах и подает голос:

— Нет мне ни спорщика, ни наговорщика; есть разве один спорщик и наговорщик — Иван-крестьянский сын, да и то ворон сюда его костей не заносил!

Иван-крестьянский сын из-под моста выскочил:

— Неправда! Я здесь.

— А если здесь, то давай поспорим!

И выехал змей против Ивана на коне, а Иван выступил пеший, размахнулся своей

саблей и срубил змею все три головы, а коня себе взял и привязал у шатра. На другую ночь Иван-крестьянский сын убил шестиглавого змея, на третью ночь девятиглавого и побросал их в Огненную реку. А как пошел караулить на четвертую ночь, то приехал к нему двенадцатиглавый змей и стал говорить гневно:

— Кто таков Иван-крестьянский сын? Сейчас выходи ко мне! Зачем побил моих сыновей?

Иван-крестьянский сын выступил и сказал:

— Позволь мне наперед сходить к своему шатру, а после сражаться будем.

— Хорошо, ступай!

Иван побежал к товарищам: "Ну, ребята, вот вам таз! Смотрите в него: когда он полон нальется крови, приезжайте ко мне".

Воротился и стал против змея, и когда они разошлись и ударились, то Иван с первого раза срубил у змея четыре головы, а сам по колена в землю ушел; во второй раз разошлись — Иван три головы срубил, а сам по пояс в землю ушел; в третий раз разошлись — еще три головы отсек, а сам по грудь ушел; наконец одну срубил — по шейку ушел! Тогда только вспомнили про него товарищи, посмотрели в таз и увидели, что кровь через край льется; прибежали и срубили у змея последнюю голову, а Ивана из земли вытащили.

Иван-крестьянский сын взял змеиного коня и увел к шатру. Вот прошла ночь, настает утро; начали добрые молодцы пить, есть, веселиться. Иван-крестьянский сын встал от веселья и сказал своим товарищам: "Вы, ребята, меня подождите!" А сам оборотился котом, пошел по мосту через Огненную реку, пришел

в тот дом, где змеи жили. А в целом доме остались в живых только сама змеиха да три ее снохи; сидят они в горнице и говорят между собою:

— Как бы нам злодея, Ивана-крестьянского сына, стубить?

Младая сноха говорит:

— Куда бы ни поехал Иван-крестьянский сын, сделаю на пути голод, а сама оборочусь яблоней — как он съест яблочко, сейчас разорвет его!

Средняя сказала:

— А я на пути их сделаю жажду и оборочусь колодцем, пусть попробует выпить!

Старшая сказала:

— А я наведу сон, а сама сделаюсь кроватью — если Иван-крестьянский сын ляжет, то сейчас помрет.

Наконец сама свекровь сказала:

— А я разину пасть от земли до неба и всех проглочу!

Иван-крестьянский сын выслушал все, что они говорили, вышел из горницы, оборотился человеком и пришел к своим товарищам:

— Ну, ребята! Сряжайтесь в путь.

Собрались, поехали в путь, и в первый раз на пути сделался ужасный голод, так что нечего было перекусить; видят они — стоит яблоня: товарищи Ивановы хотели нарвать яблоков, но Иван не велел. Это, говорит, не яблоня и начал ее рубить; из яблони кровь пошла. Во второй раз напала на них жажда; Иван увидел колодезь, не велел пить, начал его рубить — из колодца кровь потекла.

В третий раз напал на них сон; стоит на дороге кровать, Иван и ее изрубил. Подъезжают они к пасти, разинутой от земли до неба:

что делать? Вздумали с разлету через пасть скакать. Никто не мог перескочить; только перескочил один Иван-крестьянский сын, вынес его из беды чудесный конь — что ни шерстинка, то серебринка, а во лбу светел месяц.

Приехал он к одной реке; у той реки стоит избенка. Тут попадается ему навстречу мужичок-сам с перст, усы на семь верст и говорит ему:

— Отдай мне коня, а коли не отдашь честию, то силой возьму!

Отвечает Иван:

— Отойди от меня, пока я тебя конем не раздавил!

Мужичок-сам с перст, усы на семь верст сшиб его наземь, сел на коня и уехал.

Входит Иван в избенку и сильно о коне тужит. В той избенке лежит на печи безногий-безрукий и говорит Ивану:

— Послушай, добрый молодец, — не знаю, как тебя по имени назвать: зачем ты связался с ним бороться? Я не этакой был богатырь, как ты, да и то он у меня и руки и ноги отъел!

— За что?

— А за то, что я у него на столе хлеб поел!

Иван начал спрашивать, как бы назад коня достать. Говорит ему безногий-безрукий:

— Ступай на такую-то реку, сними перевоз, три года перевози, ни с кого денег не бери, может, тогда достанешь!

Иван-крестьянский сын поклонился ему, пошел на реку, снял перевоз и целых три года перевозил безденежно.

Однажды случилось ему перевозить трех старичков; они дают ему денег, он не берет.

— Скажи, добрый молодец, почему ты денег не берешь?

Он отвечает:

— По обещанию.

— По какому?

— У меня злой человек коня отбил; так меня добрые люди научили, чтоб я перевоз снял да три года ни с кого денег не брал.

Старички сказали:

— Пожалуй, Иван-крестьянский сын, мы готовы тебе услужить — твоего коня достать.

— Помогите, родимые!

Старички были не простые люди — это были: Мороз, Обьедало и Колдун.

Колдун вышел на берег, нарисовал на песке лодку и говорит:

— Ну, братцы! Видите вы эту лодку?

— Видим!

— Садитесь в нее.

Сели все четверо в эту лодку. Говорит Колдун:

— Ну, легкая лодочка! Сослужи мне службу, как прежде служила.

Вдруг лодка поднялась по воздуху и мигом, словно стрела, из лука пущенная, привезла их к большой каменной горе. У той горы дом стоит, а в том доме живет Сам с перст, усы на семь верст. Послали старики Ивана коня спрашивать. Иван начал коня просить; мужичок-сам с перст, усы на семь верст сказал ему:

— Возьми у царя дочь и привези ко мне, тогда отдам коня.

Иван сказал про то своим товарищам, и тотчас они его оставили, а сами к царю отправились.

Приезжают; царь узнал, зачем приехали, и

приказал слугам баню истопить, докрасна накалить; пусть-де задохнутся! После попросил гостей в баню; они поблагодарили и пошли. Колдун велел наперед Морозу идти. Мороз взошел в баню и прохладил; вот они вымылись, выпарились и пришли к царю.

Царь приказал большой обед подавать, множество всяких яств на столе было подано; Обьедало принялся есть и все поел. Ночью собрались гости потихоньку, взяли царевну, привезли к мужичку-сам с перст, усы на семь верст, царевну ему отдали, а коня выручили.

Иван-крестьянский сын поклонился старичкам, сел на коня и поехал к царю. Ехал-ехал, остановился в чистом поле отдохнуть, разбил шатер и лег опочив держать. Проснулся, хват — возле него царевна лежит. Он обрадовался, начал ее спрашивать:

— Как сюда угодила?

Царевна сказала:

— Я оборотилась булавкою, да в твой воротник воткнулась.

В ту же минуту оборотилась она опять булавкою; Иван-крестьянский сын воткнул ее в воротник и поехал дальше.

Приезжает к царю; царь увидал чудного коня, принимает доброго молодца с честью и рассказывает, как у него дочь увезли.

Иван говорит:

— Не горюй, государь! Я ее назад привез.

Вышел в другую комнату; царевна оборотилась красной девицей. Иван взял ее за руку и привел к царю. Царь еще больше обрадовался, взял себе коня, а дочь отдал замуж за Ивана-крестьянского сына. Иван и поныне живет с молодой женою.

ДЮЙМОВОЧКА

(сказка Андерсена)

Жила-была женщина, которая очень жале-
ла, что у нее нет детей. Пошла она од-
нажды к старой колдунье и сказала:

— Мне очень грустно, что нет у меня ма-
ленького ребенка; не скажешь ли ты мне, где
я могу его достать?

— Ну, этой беде я помогу, — сказала кол-
дунья. — Вот тебе ячменное зерно. Оно не из
тех, что растут на полях, и не из тех, ко-
торыми кормят кур; посади его в цветочный
горшок и увидишь, что из этого выйдет!

— Благодарю! — сказала женщина и дала
колдунье двенадцать монет — такую плату
брала за совет колдунья. Придя домой, жен-
щина посадила ячменное зерно, и в то же
мгновение из него вырос великолепный боль-
шой цветок, похожий на тюльпан, но лепест-
ки его, как у почки, были плотно сомкнуты.

— Какой красивый цветок! — сказала жен-
щина и поцеловала красноватые лепестки;
лишь только она это сделала, почка с очень
слабым треском лопнула. Цветок оказался
действительно тюльпаном, но в чашечке его
на зеленом бархатном пестике сидела преле-
стная крошечная девочка. Она была ростом
не больше полумизинца, и поэтому прозвали
ее Дюймовочкой.

Хорошенькая лакированная ореховая
скорлупка была колыбелью Дюймовочки, си-
ние лепестки фиалки служили ей перинкой, а
лепесток розы — одеялом. Здесь она спала
ночью, днем же играла на столе. Женщина
ставила на стол тарелку с водой, окружая ее

венком из цветов, стебельки которых лежали
на воде, в тарелке плавал большой тюльпано-
вый лист, и на нем Дюймовочка могла катать-
ся с одного края тарелки на другой, причем
веслами ей служили два белых конских воло-
са. Это было прелестно! Она умела петь, и
притом нежным и тонким голосом, какого
никто еще никогда не слышал.

Однажды ночью, когда она лежала в своей
хорошенькой постельке, в разбитое стекло ок-
на забралась старая Жаба. Это было отврати-
тельное животное, огромное и мокрое: она
вскочила прямо на стол, где Дюймовочка спа-
ла под розовым лепестком.

— Славная супруга моему сынку! — сказала
Жаба, взяла ореховую скорлупу, в которой
спала Дюймовочка, и выскочила с ней через
окно в сад.

Там протекал большой, широкий ручей с
болотистыми берегами, здесь-то и жила Жаба
со своим сыном. Уж как же он был противен
и безобразен — совсем как его матушка!

— Ква, ква!.. — вот все, что он мог сказать,
увидев прелестную малютку, спавшую в
ореховой скорлупе.

— Не кричи так громко, а то она проснет-
ся! — сказала старая Жаба. — Она, пожалуй,
убежит от нас, ведь она легка, как лебяжий
пух! Мы посадим ее в ручей на широкий лист
кувшинки. Ей, такой маленькой и легонькой,
лист покажется целым островом! И с него она
не убежит, а тем временем мы устроим ей по-
мещение под болотом, в котором вы будете
жить.

В ручье было много кувшинок с широкими
зелеными листьями, лежавшими на поверхно-
сти воды, самый большой лист находился да-

леко от берега; к нему-то и поплыла старая Жаба и на нем поместила ореховую скорлупу с Дюймовочкой.

Рано утром крошечная Дюймовочка проснулась и, увидев, где она, горько расплакалась — большой зеленый лист кувшинки был со всех сторон окружен водой, и выбраться на берег не было никакой возможности.

Старая Жаба была в это время в болоте и украшала тростником и желтым цветоцветом помещения для молодой невестки; ей так хотелось устроить все красивее...

Потом вместе со своим безобразным сыном она поплыла к листу, где сидела Дюймовочка. Они намеревались взять ее кроватку и поставить в приготовленное помещение, прежде чем девочка перейдет туда сама. Старая Жаба сделала низкий поклон и сказала:

— Вот мой сын, он будет тебе мужем, и вы отлично заживете в болоте.

— Ква, ква! — только и сумел ответить сын.

Потом жабы взяли хорошенькую кроватку и поплыли с ней, а Дюймовочка осталась одна на зеленом листе и горько заплакала. Не хотелось ей жить с противной Жабой и выходить замуж за ее безобразного сына.

Маленькие рыбки, плававшие в воде, видели Жабу и слышали все ее слова; они высунули из воды головки, чтобы посмотреть на маленькую девочку. И когда увидали, какая она маленькая, то очень пожалели, что ей придется жить с противной Жабой.

Они решили не допускать этого. Они собрались в кружок у зеленого стебля, на котором держался лист кувшинки, и перегрызли

его, лист поплыл вниз по ручью далеко-далеко, так что Жаба уже не могла догнать его.

Дюймовочка плыла мимо многих городов, а маленькие птички, сидевшие в кустах, пели:

— Какая миленькая крошка!

Лист плыл все дальше и дальше, и наконец Дюймовочка попала на чужбину.

Красивая белая Бабочка все время порхала вокруг девочки и наконец села к ней на лист, девочки она не пугалась, Дюймовочка же была счастлива: Жаба уже не могла ее догнать, а места, где она плыла, были так красивы, солнечные лучи играли в воде, и вода блестела как серебро. Девочка взяла свой пояс и один его конец надела петлей на Бабочку, а другой прикрепила к листу; теперь лист стал двигаться еще быстрее, а вместе с ним и девочка, так как ведь она стояла на нем.

Вдруг прилетел большой майский Жук; увидев ее, он тотчас вцепился лапами в ее стройный стан и взлетел с ней на дерево. Зеленый лист поплыл вниз по ручью, а с ним вместе и Бабочка — ведь она была привязана к листу и не могла освободиться.

Боже, как испугалась Дюймовочка, когда майский Жук взлетел с ней на дерево! Больше всего она тужила о хорошенькой белой Бабочке. Ведь та умрет с голоду, если ей не удастся освободиться! Но майскому Жуку до этого не было никакого дела.

Он спустился с Дюймовочкой на самый зеленый лист, угостил ее сладким цветочным соком и сказал ей, что она очень мила, хоть и не похожа на майского жука. Потом собрались все майские жуки, жившие на этом дереве. Осмотрев Дюймовочку, они стали ворчать:

— У нее только две ноги, как это некрасиво!

— У нее нет щупальцев!

— Какая у нее тонкая талия! Фи! Она походит на человека!

— Как она некрасива, — жужжали жучихи, а Дюймовочка была очень миленькой. Это понимал и похитивший ее майский Жук. Но когда все другие стали жужжать, что она дурнушка, он в конце концов этому поверил и не хотел уже держать ее у себя. Жуки слетели вместе с ней с дерева и посадили ее на маргаритку; Дюймовочка снова заплакала при мысли, что она так нехороша, что не нравится даже майским жукам, а между тем она была прелестнейшее создание, какое только можно себе представить, — такая нежная и изящная, как розовый лепесток.

Все лето прожила Дюймовочка одна в большом лесу. Она сплела себе колыбельку из былинок и повесила ее под листом клевера, тут она была защищена от дождя; она питалась цветочным соком и росой, которая лежала утром на листьях.

Так прошли лето и осень, и наступила зима, холодная долгая зима. Все птички, развлекавшие ее своим пением, улетели, деревья и кусты обнажились, большой лист клевера, под которым она жила, упал, и остался только поблекший стебелек, она очень зябла, платье ее изнашивалось.

Бедной Дюймовочке предстояло замерзнуть. Пошел снег, и каждая попавшая на нее снежинка была для нее тем же, чем для нас целая лопата снега, ведь мы большие, а она была ростом с мизинчик. Она закуталась

было высохшим листом, но он разорвался пополам и не грел ее, она дрожала от холода.

Как раз вблизи леса, где она теперь жила, находилось большое ржаное поле, рожь давно уже была убрана, и из мерзлой земли торчали только короткие сухие стебли. Для Дюймовочки, проходившей среди этих стеблей, они казались целым лесом. Как дрожала она от холода! Она дошла до норки полевой Мыши. Мышь жила в теплой и уютной норке, полной зерен, у нее была прекрасная кухня и кладовая. Бедная Дюймовочка стала у входа, как нищенка, и попросила кусочек ячменного зерна — она уже два дня ничего не ела.

— Ах ты бедняжка! — сказала добрая старушка Мышь. — Зайди ко мне погреться и поешь вместе со мной.

Дюймовочка понравилась Мышке, и та сказала:

— Оставайся у меня на зиму, ты будешь убирать мою норку и рассказывать мне сказки — я их очень люблю.

Дюймовочка старалась угождать доброй старой Мыши, и ей жилось в норке очень хорошо.

— Скоро у нас будут гости! — сказала однажды полевая Мышь. — Сосед мой навещает меня каждую неделю. Он живет еще лучше меня, у него большое помещение и красивая черная бархатная шубка! Если бы он женился на тебе, ты была бы обеспечена. Только он ничего не видит. Ты будешь рассказывать ему самые занимательные сказки, какие только знаешь!

Но Дюймовочку это занимало мало, сосед совсем не интересовал ее, ведь это был Крот.

Он действительно пришел в своей черной бархатной шубке.

— Он такой богатый и ученый, — сказала полевая Мышь, — дом его в двадцать раз лучше моего.

Учености у него действительно было много, но солнце и цветы он ненавидел и очень дурно отзывался о них, потому что никогда их не видал.

Дюймовочку заставили петь, и она пропела две песенки: "Майский жук, лети, лети" и "Вот идет крестьянин в поле". Крот сразу полюбил ее за прекрасный голос, но, впрочем, не подал вида, так как ведь был слишком учен.

Незадолго перед тем он прорыл длинный подземный ход от своего дома к дому соседки, и полевая Мышь с Дюймовочкой получили разрешение прогуливаться в подземелье, сколько им угодно. Он даже предупредил их, чтобы они не пугались лежащей там мертвой птички. Эта птичка умерла, по-видимому, недавно и была зарыта в том месте, где Крот прорыл свой ход.

Крот держал во рту гнилушку, которая светится в темноте, и пошел вперед, освещая длинный, темный ход. Когда все они подошли к тому месту, где лежала мертвая птица, Крот уперся своим широким носом в верхний земляной свод и обвалил землю, так что образовалось большое отверстие, через которое мог проникать свет. На полу лежала мертвая ласточка; красивые крылышки ее точно прилипли к бокам, а головку она спрятала на груди, бедная птичка, верно, умерла от холода. Дюймовочке было очень жаль ее — она так любила всех маленьких птичек! Ведь они все лето весело пели и щебетали. Крот же толкнул ласточку лапой, сказав:

— Теперь она уж не свистит! Что за несчастье родиться маленькой птичкой! Слава Богу, что мои дети избавлены от этого несчастья; такая птичка летом только и знает свое "тью-вить", а зимой ей приходится умирать с голоду.

— Вы говорите очень дельно, — сказала полевая Мышь. — Что толку от ее "тью-вить", когда наступает зима? Ей приходится и холодать и зябнуть. И как еще они важничают своим пением!

Дюймовочка ничего не сказала; когда же оба ее спутника повернулись спиной к птице, она нагнулась и поцеловала птичку в закрытые глазки.

"Может быть, именно она и пела так хорошо летом, — подумала девочка. — Как много удовольствия она доставила мне, эта милая, хорошенькая птичка!"

Крот засыпал отверстие, через которое проникал свет, и проводил спутниц домой. Ночью Дюймовочке не спалось; она встала с постели, сплела из сена красивый коврик и отнесла его туда, где лежала мертвая птичка. Она покрыла ее ковриком, потом обложила по бокам мягкими, как вата, цветочными тычинками, найденными в норке полевой Мыши, чтобы птичке было теплее лежать в земле.

— Прощай, маленькая птичка, — сказала она, — прощай! Спасибо тебе за твое чудное пение летом, когда деревья были зелены и солнышко так тепло светило нам!

Потом она положила свою маленькую головку на грудь птички. Птичка, однако, была жива, она только окоченела от холода. Теперь же согрелась и ожила.

Дело в том, что осенью все ласточки улета-

ют в теплые края, но если какая-нибудь из них запоздает, то она замерзнет. Она падает на землю, точно мертвая, и ее заносит холодным снегом.

Когда птичка ожила, Дюймовочка испугалась: ведь птичка-то оказалась большою, даже очень большою в сравнении с нею, которая была ростом с мизинчик. Впрочем, Дюймовочка не растерялась, она обложила бедную ласточку ватой еще плотнее, принесла листок кудрявой мяты, который служил ей самой одеялом, и накрыла им голову птицы.

На следующую ночь она опять пробралась к птичке. Птичка совсем ожила, но была еще слаба; она лишь на минуту могла открыть глаза и поглядеть на Дюймовочку, стоявшую перед ней с гнилушкой, — другого фонаря у нее не было.

— Благодарю тебя, милая крошка! — сказала ей ласточка. — Я так славно согрелась! Скоро ко мне опять вернутся силы, и я буду летать под теплыми лучами солнца.

— Нет, — сказала Дюймовочка, — на дворе холодно, идет снег и морозит. Оставайся в этой теплой постельке, а я буду за тобой ухаживать.

Она принесла ласточке воды в цветочном лепестке; птичка напилась и рассказала, как она поранила себе крылышко о терновый куст и не могла поспеть за другими ласточками, улетавшими далеко-далеко в теплые края. Как она упала на землю, и что было дальше, не помнит и не знает, как попала сюда.

Всю зиму она оставалась в подземелье и Дюймовочка заботливо ухаживала за ней. Ни Крот, ни полевая мышь об этом не узнали, да они и не любили бедную ласточку.

Как только настала весна и солнце согрело землю, ласточка простилась с Дюймовочкой, которая открыла ей отверстие, сделанное сверху Кротом. Солнце светило ярко, и ласточка спросила, не отправится ли и Дюймовочка в путь вместе с ней — девочка могла бы сесть к ней на спину и лететь далеко-далеко в зеленый лес. Но Дюймовочка знала, что она огорчит полевую Мышь, если покинет ее.

— Нет, мне нельзя, — сказала Дюймовочка.

— Прощай, прощай же, моя милая добрая девочка! — сказала тогда ласточка и полетела туда, где сияло солнце. Дюймовочка посмотрела ей вслед, и слезы выступили у ней на глазах: уж больно полюбила она бедную ласточку.

— Тью-вить! Тью-вить! — запела птичка и полетела в зеленый лес.

Дюймовочка загрустила. Ей не позволяли выходить на солнечный свет; к тому же рожь, посеянная на поле, над домом полевой Мыши, поднялась и казалась Дюймовочке громадным густым лесом — ведь Дюймовочка была ростом с мизинчик.

— Ну, теперь ты — невеста, Дюймовочка, — сказала полевая Мышь, — сосед просит твоей руки. Для тебя, бедняжка, это большое счастье! Теперь ты должна шить себе приданое, разные шерстяные и полотняные вещи; раз ты будешь супругой Крота, у тебя должно быть всего вдоволь.

Дюймовочка должна была сесть за веретено. Кроме того, полевая Мышь наняла четырех пауков ткать ткань день и ночь. Каждый вечер их навещал Крот, который говорил только о том, что когда кончится лето, солнце уже не будет греть так сильно: теперь земля

накаляется и сохнет и делается твердой, как камень. А когда лето кончится, они отпразднуют свадьбу с Дюймовочкой. Дюймовочку это совсем не радовало, она терпеть не могла скучного Крота.

Каждое утро, когда солнце всходило, и каждый вечер, когда оно заходило, Дюймовочка тихонько выбиралась на Божий свет, и когда ветер раздвигал колосья так, что она могла видеть голубое небо, она думала о том, как здесь хорошо и светло, и ей очень хотелось увидеть снова милую ласточку. Но та не возвращалась, верно, она улетела далеко в чудный зеленый лес.

Когда наступила осень, у Дюймовочки уже было готово все приданое.

— Через четыре недели будет твоя свадьба! — сказала ей полевая Мышь. Дюймовочка заплакала и сказала, что не хочет выходить замуж за скучного крота.

— Глупости! — сказала полевая Мышь. — Не упрямясь, не то укушу тебя! Подумай только, какой у тебя будет красивый муж! Даже у царицы нет такой красивой бархатной шубы! Кладовая и погреб у него полны разными запасами. Тебе надо благодарить Бога!

Наступил день свадьбы. Крот пришел за Дюймовочкой. Теперь ей придется жить вместе с ним под землею и никогда не выходить на Божий свет, ведь Крот боится света. Бедная малютка была очень огорчена: теперь она должна навсегда проститься с солнышком, на которое у полевой Мыши ей разрешалось полюбоваться хотя бы у двери.

— Прощай, яркое солнышко! — сказала

она, протягивая к нему ручки, и немного отошла от норки полевой Мыши; рожь была уже сжата, и на поле оставались только сухие стебли. — Прощай, прощай, — говорила она, обняв низенький красный цветок. — Поклонись от меня ласточке, если увидишь ее.

— Тью-вить, тью-вить! — раздалось вдруг над ее головой, ласточка пролетала как раз мимо. Увидев Дюймовочку, она очень обрадовалась, Дюймовочка рассказала ей, как ей не хочется выходить замуж за Крота, как ей придется жить в подземелье, куда солнце не проникает никогда. При этих словах она не могла удержаться от слез.

— Теперь скоро уже наступит холодная зима, — сказала ласточка, — я улечу далеко в теплые края. Хочешь отправиться со мною? Ты можешь сесть ко мне на спину, мы улетим далеко от Крота и его подземелья, полетим через горы в края, где солнце светит еще ярче, чем здесь, где всегда бывает лето и цветут дивные цветы. Полетим, милая Дюймовочка, спасшая мне жизнь, когда я, окоченевшая от холода, лежала в темном подземелье!

— Да, я лечу с тобою, — сказала Дюймовочка, села на спину птички, уперлась ногами в распушенные крылья и привязала себя поясом к одному из самых крепких перьев.

Ласточка взвилась с ней высоко на воздух и полетела через моря, леса, через высокие горы, на которых всегда лежал снег. Дюймовочка временами зябла в холодном воздухе и тогда пряталась в теплых перьях птички, высывая лишь маленькую головку, чтобы полюбоваться красивыми видами, расстилавшимися внизу.

Наконец они прилетели в теплые края.

Среди пышных зеленых деревьев у голубого озера стоял старинный ослепительно белый мраморный замок.

Виноградные лозы вились вокруг его высоких колонн, наверху же было множество ласточкиных гнезд, и в одном из них обыкновенно жила ласточка, несшая Дюймовочку.

— Вот мой домик! — сказала ласточка. — Но тебе нельзя поселиться в нем вместе со мной, тебе будет неудобно. Выбери себе один из чудных цветов, которые растут внизу, я снесу тебя туда и там тебе будет отлично!

— Это великолепно! — сказала Дюймовочка.

Поблизости лежала большая белая мраморная колонна, она упала и разбилась на три части, и между этими тремя кусками росли чудные белые цветы. Ласточка опустилась к ним с Дюймовочкой и посадила ее на один из широких листьев. Каково же было ее удивление, когда среди цветов она увидела крохотного человека, светленького и прозрачного, как будто он был стеклянный, на голове у него была красивая корона, а за плечами — прехорошенькие крылышки, он был не больше Дюймовочки.

Это был эльф. В каждом цветке жил такой же маленький эльф, этот же был королем их всех.

— Ах, как он мил! — шепнула Дюймовочка ласточке. Маленький король сильно испугался при виде птицы, ведь она была настоящим великаном в сравнении с ним, таким крохотным и слабым.

Когда эльф увидел Дюймовочку, он очень обрадовался, он никогда еще не видал такой хорошенькой девочки.

Он снял с головы золотую корону, надел ее на Дюймовочку и спросил, как ее зовут и согласна ли она выйти за него замуж.

Такой муж был, конечно, лучше, чем сын Жабы или Крот со своей черной бархатной шубкой. Поэтому Дюймовочка приняла его предложение.

Тотчас из каждого цветка вышли мальчик и девочка, такие маленькие, — просто прелесть, — и каждый поднес Дюймовочке подарок. Самым лучшим из них была пара чудных крылышек от большой белой мухи, их прикрепили к спине Дюймовочки, и теперь она могла порхать с цветка на цветок. То-то была радость!

А маленькая ласточка сидела наверху в своем гнездышке. Ее попросили спеть свадебную песенку, и она спела так хорошо, как могла, но ей, в сущности, было грустно — она очень полюбила Дюймовочку, и ей трудно было расстаться с ней.

— Ты не должна теперь называться Дюймовочкой, — сказал ей эльф. — Это плохое имя, а ты так хороша. Мы будем звать тебя Майей.

— Прощай, прощай! — уныло сказала ласточка и полетела из теплых краев — назад в Данию. Там у нее было маленькое гнездышко над окном, где живет человек, умеющий рассказывать сказки.

Она ему пела: "Тью-вить, тью-вить!"

Так мы и узнали всю эту историю.

СОСВАТАННЫЕ ДЕТИ

(русская народная сказка)

Жили-были два богатых купца: один в Москве, другой в Киеве; часто они съезжались по торговым делам, вместе дружбу водили и хлеб-соль делили. Вот однажды приехал киевский купец в Москву, свиделся со своим приятелем и говорит ему:

— А мне Бог радости дал — сына!

— А у меня дочь родилась! — отвечает московский купец.

— Ну-ка, давай по рукам ударим! У меня — сын, у тебя — дочь, чего лучше! Жених и невеста! Как вырастут, обвенчаем их и породнимся.

— Ладно, только это дело нельзя просто делать. Пожалуй, еще твой сын отступится от невесты; давай мне двадцать тысяч залогу.

— А если твоя дочь да помрет?

— Ну, тогда и деньги назад.

Киевский купец вынул двадцать тысяч и отдал московскому; тот взял, приезжает домой и говорит жене:

— Знаешь ли, что скажу? Ведь я свою дочь просватал!

Купчиха изумилась:

— Что ты! Или с ума сошел, она еще в люльке лежит!

— Ну, что ж, что в люльке? Я все-таки ее просватал: вот двадцать тысяч залогу взял.

Вот хорошо. Живут купцы всякий в своем городе, а друг друга не навещают — далеко, да и дела так пошли, что надо дома оставаться. А дети растут да растут: сын хорош, а дочь еще лучше.

Прошло восемнадцать лет; московский купец видит, что от старого знакомого нет ни вести, ни слуху, и просватал дочь свою за полковника.

В это самое время призывает киевский купец своего сына и говорит ему:

— Поезжай-ка ты в Москву; там есть озеро, на том озере я поставил пленку, если в эту пленку попалась утка — то утку вези, а ежели нет утки — то пленку назад.

Купеческий сын собрался и поехал в Москву; ехал-ехал, вот уже близко, всего один перегон остался. Надо ему через реку переправиться, а на реке мост: половина замощена, а другая — нет.

Тою же самою дорогою случилось ехать и полковнику, подъехал к мосту и не знает, как ему перебраться на ту сторону. Увидал он купеческого сына и спрашивает:

— Ты куда едешь?

— В Москву.

— Зачем?

— Там есть озеро, в том озере — лет восемнадцать, как поставил мой отец пленку, а теперь послал меня с таким приказом: если попалась в пленку утка — то утку возьми, а если утки нет — то пленку назад!

"Вот задача! — думает полковник. — Разве может простоять пленка восемнадцать лет? Ну, пожалуй, пленка еще простоит, а как же утка-то проживет столько времени?"

Думал-думал, гадал-гадал, ничего не разгадать.

— Как же, — говорит, — нам через реку переехать?

— Я пойду задом наперед! — сказал купеческий сын, погнал лошадей, доехал до поло-

вины моста и давай задние доски наперед перемасивать, намости́л и перебрался на другую сторону, а вместе с ним и полковник переехал.

Вот приехали они в город.

— Ты где остановишься? — спрашивает купеческого сына полковник.

— А в доме, где весна с зимой на воротах.

Распрощались и повернули всякий в свою сторону.

Купеческий сын пристал у одной бедной старухи, а полковник поехал к невесте. Приехал и рассказывает:

— Повстречался я с таким-то купеческим сыном, спросил его: зачем в Москву едет? А он в ответ: есть-де в Москве озеро, на том озере — лет восемнадцать прошло, как мой отец пленку поставил, а теперь послал меня с таким приказом: если попалась в пленку утка — то утку возьми, а ежели утки нет — то пленку назад! Тут пришлось нам через реку переправляться; на той реке мост: половина замощена, а другая — нет. Раздумался я, как на другую сторону переехать? А купеческий сын сейчас смекнул, задом наперед переехал и меня перевез.

— Где же он на квартире стал? — спрашивает невеста.

— А в том доме, где весна с зимой на воротах.

Вот купеческая дочь побежала в свою комнату, позвала служанку и приказывает:

— Возьми кринку молока, да ковригу хлеба, да лукошко яиц; из кринки отпей, ковригу почни, из лукошка яйцо скушай. Потом ступай в тот дом, где на воротах трава с сеном привязаны; разыщи там купеческого сына, отдай

хлеб, молоко и яйца, да спроси: в своих ли берегах море, или упало? полон ли месяц, или в ущербе? все ли звезды на небе, или скатились?

Пришла служанка к купеческому сыну, отдала гостинцы и спрашивает:

— Что море — в своих берегах или упало?

— Упало.

— Что месяц — полон или в ущербе?

— В ущербе.

— Что звезды — все ли на небе?

— Нет, одна скатилась.

Вот служанка воротилась домой и рассказывает эти ответы купеческой дочери.

— Ну, батюшка! — говорит отцу купеческая дочь. — Ваш жених мне не годится; у меня есть свой давнишний — с его отцом по рукам ударено, договором скреплено.

Сейчас послали за настоящим женихом, стали свадьбу справлять да пир пировать, а полковнику отказали. На той свадьбе и я был, мед-вино пил, по усам текло, а в рот не попало.

ЗАГАДКИ

(русская народная сказка)

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был старик; у него был сын. Ездили они по селам, по городам, да торговали помаленьку. Раз поехал сын в окольные деревни торг вести. Ехал долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, приехал к избушке и попросился ночевать.

— Милости просим! — отвечала стару-

ха. — Только с тем уговором, чтоб ты загадал мне загадку неразгаданную.

— Хорошо, бабушка!

Вошел в избушку; она его накормила-напоила, в бане выпарила, на постель положила, а сама села возле и велела загадывать загадку.

— погоди, бабушка, дай подумаю!

Пока купец думал, старуха уснула; он тотчас собрался и вон из избушки. Старуха услышала шум, пробудилась — а гостя нет, выбежала на двор и подносит ему стакан с питьем:

— Выпей-ка, — говорит, — посошок на дорожку!

Купец не стал на дорогу пить, вылил питье в кувшин и уехал со двора.

Ехал-ехал, и застигла его в поле темная ночь; остановился ночевать, где Бог привел, под открытым небом. Стал он думать да гадать, что такое поднесла ему старуха? Взял кувшин, налил себе на ладонь, с той ладони помазал плеть, а той плетью ударил коня: только ударил — коня вмиг разорвало!

Поутру налетело на пададь тридцать воронов; наклевались-наелись, да тут же и попадали мертвыми.

Купец собирал мертвых воронов и развесил по деревьям.

В это самое время ехал мимо караван с товарами; увидели приказчики птиц на деревьях, взяли их поснимали, изжарили и съели; только съели — тут им и смерть пришла.

Купец захватил караван и поехал домой. Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли — заехал опять к той же старухе ночь ночевать. Она его накормила-напоила, в бане выпарила, на постель положила и велит задавать загадку.

— Хорошо, бабушка! Скажу тебе загадку; только уговор лучше денег: коли отгадаешь — возьми у меня весь караван с товарами, а коли не отгадаешь — заплати мне столько деньгами, сколько стоит караван с товарами.

Старуха согласилась.

— Ну, вот тебе загадка: из стакана в кувшин, из кувшина на ладонь, из ладони на плетку, с плетки на коня, с коня в тридцать воронов, из воронов в тридцать молодцов.

Старуха маялась-маялась, так и не отгадала: делать нечего, пришлось платить денежки. А купец воротился домой и с деньгами, и с товарами и стал себе жить-поживать, добра наживать.

ТРИ СОБАКИ

(шведская сказка)

I

У одного короля были три прекрасные дочери. В этом, конечно, нет еще удивительного: три прекрасные дочери могут быть у всякого, хотя бы он и не был королем. Но вот участь этих королевен была необыкновенна: все они были заключены в высокую башню и не смели выходить оттуда.

Король заключил их, конечно, не из прихоти, а имея на то серьезные причины. Он очень любил своих дочерей и охотно разрешил бы им гулять по полям и лесам, но это было невозможно.

Дело в том, что на крестинах его первой дочери появилась странная старушка, вероятно — волшебница, и положила в колыбельку дочери золотой ларец, а в нем пергаменты.

На последнем было написано, что девочка будет непременно похищена лесными гномами, если только до двадцатилетнего возраста выйдет на улицу.

Сначала король не обратил было внимания на такое предостережение; когда же на крестинах двух других принцесс во дворце появилась та же старушка и оставила детям такой же пергамент, король уже не решался слушаться и поместил всех дочерей в высокой башне.

Бедные девочки влачили печальную жизнь и через решетки окон с грустью смотрели на освещенные солнцем поля и луга, где в кустах весело пели птички. На все это великолепие они могли любоваться только издали и пролили немало слез.

Между тем время шло, и принцессам исполнилось уже семнадцать, восемнадцать и девятнадцать лет.

Однажды утром младшая из них, Гильдегард, увидела в окно неведомую ей красивую птицу. Это был великолепный павлин, гордо выступавший по дворцовому двору, распустив свой хвост, пестревший всеми цветами радуги. Принцесса позвала своих сестер и сказала:

— Как бы мне хотелось погладить эту красивую птицу!

— И мне также, — вздохнула Мария, вторая сестра, — по крайней мере, я хоть бы подышала свежим воздухом!

— Пойдем спросим сторожа, не позволит ли он нам спуститься вниз. Если хорошенько попросить его, он, наверно, отпустит нас, — посоветовала Ирмтраут, третья сестра.

— Это великолепная мысль! — воскликнула Гильдегард, хлопав в ладоши.

И вот они пристали к сторожу, охранявшему их с малолетства, умоляя его выпустить их из башни.

Старик упорно отнекивался, не решаясь нарушить строгое приказание короля. Но наконец его доброе сердце, давно уже сокрушавшееся о бедных принцессах, не устояло против их совместных просьб, и он отпер дверь, взяв с них обещание погулять лишь перед башней и немедленно вернуться.

Павлин все еще гордо прохаживался перед башней. Принцессы подошли к нему, рассчитывая поймать его, но он побежал от них вниз по дорожке, так что девушки, преследуя его, удалились от башни. Дряхлый сторож, больными ногами не поспевавший за принцессами, кричал им вслед, чтобы вернулись, но они его не слышали и продолжали догонять красивую пеструю птицу.

Вдруг из-за кустов выбежало множество гномов, которые схватили и утащили принцесс.

Все это произошло так быстро, что сторожу оставалось лишь протереть глаза, чтобы убедиться, что это был не сон.

Как раз в это время в башню пришел король, проведать, по обыкновению, дочек. Сторож с ужасом рассказал ему, что принцесс похитили какие-то странные маленькие люди.

Король разгневался и велел опустить сторожа в самое глубокое подземелье замка, куда не проникал ни один луч солнца.

Теперь надо было разыскать принцесс. Целое войско было послано искать их, но, проискав целую неделю, послы не напали на

след пропавших девушек. Тогда король решил посоветоваться со своим придворным шутом.

— По-моему, — сказал шут, — ты должен обещать выдать принцесс замуж за того, кто их отыщет. Конечно, не всех трех за одного. Вели объявить об этом по всей стране и увидишь, как быстро они найдутся.

— Это неглупый совет, — сказал король и немедленно велел объявить по всему королевству, что тот, кто найдет принцесс, может жениться на одной из них, получив в приданое часть королевства.

Это объявление, конечно, сразу подняло всех на ноги. Даже старый горбатый хромым сапожник, живший в жалкой лачуге на краю города, бросил шило и дратву и заковылял к горам, за которыми исчезли принцессы.

Узнав об этом, король в недоумении покачал головой.

— Что же это будет, — сказал он, — если хромым горбун-сапожник найдет моих дочерей? Ведь мне придется отдать ему одну из них да еще часть моего королевства!

Вдруг его осенила прекрасная мысль. При дворе его гостили как раз два принца из соседнего королевства; король предложил им разыскать принцесс, и каждому обещал одну из них в жены, а в приданое — уже не часть, а целое королевство.

Как он исполнит такое обещание, он еще не знал и сам. Для него было важно только то, чтобы его дочерей нашел кто-нибудь из принцев и чтобы ему не пришлось отдавать их за сапожника или свинопаса.

II

На самой окраине города в жалкой лачуге жила бедная вдова. Все ее достояние заключалось в трех свиньях, которых сын ее, Ганс, красивый молодой парень, должен был ежедневно гонять на пастбище.

Пока животные лакомились желудями, Ганс сидел обыкновенно под деревом, играя на флейте, которую смастерил сам.

Однажды он сидел, наигрывая веселую песенку, как вдруг перед ним появился странный старичок ростом не более трех футов, длинная седая борода его почти касалась земли. Рядом с ним была громадная собака.

— Здравствуй, сын мой, — сказал маленький старичок густым басом, — не променяешь ли ты одну из своих свиней на эту прекрасную собаку?

Ганс сейчас же согласился, мена показалась ему очень выгодной. Ведь ему не надо будет стеречь оставшихся двух свиней, он может лежать на траве и забавляться игрой на флейте, а собака будет их стеречь.

— Так я беру среднюю свинью с черным пятном на спине, — сказал человек. — Впрочем, я должен сказать, что моя собака необыкновенная, — прибавил он.

— Значит, она умеет проделывать какие-нибудь штуки? — с любопытством спросил Ганс.

— Замечательные штуки. Но кроме того, она отличается мертвой хваткой, — схватив что-нибудь, она ни за что не выпустит, пока не разрешит хозяин.

— А как ее зовут?

— Зовут ее Шнип.

Таким образом мена состоялась. Человек увел свинью за ухо и исчез с ней в кустах. Ганс погладил собаку, а она приветливо замахала хвостом и лизала ему руки.

Когда наступил вечер и Ганс погнал свиней домой, он уже предчувствовал, как мать его обрадуется удачной мене.

— Подумай только, матушка, — закричал он еще в дверях, — какое выгодное дело я сделал нынче: променял одну из свиней на собаку!

— Как это можно, Ганс, — в ужасе воскликнула старуха, — ведь свинья стоит в десять раз дороже такой собаки!

Но Ганс стоял на своем, что он обменялся очень выгодно, и очень довольный лег спать.

На следующее утро он опять сидел под деревом и пас свиней. Соскучившись, он вынул флейту и стал играть веселую песенку. При первых же звуках Шнип стал на задние лапы и начал презабавно плясать. В конце концов он перекувырнулся несколько раз, чем до слез рассмешил Ганса.

Ганс еще смеялся, когда перед ним вдруг появился все тот же человечек, но рядом с ним была уже другая большая собака.

— Здравствуй, сын мой, — сказал он, — не променяешь ли ты одну из своих свиней на эту прекрасную собаку?

Ганс немного заколебался, вспомнив укоры матери, но уж очень ему хотелось иметь такую же забавную собаку, как и первая.

— А эта тоже умеет проделывать всякие штуки? — спросил он.

— Конечно, сын мой, презабавные штуки! Кроме того, она замечательна тем, что броса-

ется на всякого, на кого бы ее ни натравили, будь это громаднейший великан или самое свирепое животное. Кличка ей Шнап.

— Шнип, Шнап! Это легко запомнить, — сказал Ганс. — Ну, так и быть, давай меняться!

— Я беру свинью с белой ногой, — решил карлик, повел животное за ухо и исчез с ним в кустах.

Когда Ганс вечером пришел домой, мать едва не побила его, так она рассердилась за то, что Ганс снова выменял хорошую свинью на никуда не годную собаку.

Но сделанного не воротишь, и она, повздыхав, улеглась спать. Ганс же и во сне продолжал еще улыбаться, так он был доволен своей удачной меной.

Когда на следующее утро он, по обыкновению, заиграл на флейте, его обе собаки начали так забавно плясать, что Ганс покатывался со смеха.

Вскоре перед ним снова появился маленький человечек с третьей собакой и предложил Гансу променять ее на последнюю свинью. Однако на этот раз юноша упорно отказывался.

— Возьми ее, друг мой, послушайся моего совета, — убеждал его старичок, — эта собака дороже всех остальных, вместе взятых. У нее такой чуткий слух, что она слышит, как растет трава.

— Вот как?! — сказал Ганс. — Это действительно замечательная собака! А как ее зовут?

— Ее кличка Шнуп!

— Шнип, Шнап, Шнуп! Это легко запомнить! — сказал Ганс. — Ну, старик, ладно. По-

меняемся и нынче. Наверно, и эта собака знает какие-нибудь штуки.

— Конечно, и еще какие интересные! — С этими словами старик взял третью свинью за ухо и исчез с ней в кустах.

Когда вечером Ганс пришел домой с тремя собаками, мать его так рассердилась, что разбила об его голову все кухонные горшки. Ганс же старался ее успокоить, говоря:

— Ты напрасно сердишься, матушка, я со своими собаками заработаю теперь много денег. Они умеют делать такие штуки, каких еще никто никогда не видал. Тебе не придется больше жить здесь в этой старой лачужке, ты будешь жить в великолепном замке, будешь ходить в бархате и шелке и каждый день вкусно есть и пить.

Старушка плохо верила ему и, улегшись, долго еще плакала в постели. Сын же ее был так счастлив, что всю ночь не мог уснуть, с нетерпением ожидая утра, чтобы отправиться в путь со своими собаками.

— Прощай, матушка, — сказал он, забирая с собой в дорогу большой ломоть хлеба, — ты скоро услышишь обо мне, я часто буду присылать тебе денег.

— Дай-то Бог! — грустно сказала мать. — А то я и не знаю, чем буду жить зимой.

— Зимой ты уже будешь ездить в золотой карете, — уверял ее Ганс. Потом он окликнул своих трех собак и весело отправился в путь.

Пройдя немного, он встретил слепца, который попросил у него милостыни.

— У меня нет денег, — откровенно сказал Ганс, — но если ты голоден, я дам тебе свой хлеб. — С этими словами он достал ломоть

хлеба и отдал его слепому. Последний очень обрадовался и сказал:

— В благодарность я отплачу тебе тем, что дороже денег, — я дам тебе добрый совет. Иди все прямо, никуда не сворачивай, пока не придешь в королевский замок, и попроси, чтобы тебя провели к королю, а что случится дальше, будет видно.

Ганс поблагодарил и бодро зашагал вперед, пока не достиг королевского замка. Здесь королевская стража не хотела его впустить. Как раз в это время по дворе проходил с озабоченным видом королевский врач. Увидев юношу с тремя прекрасными псами, он спросил, кто он и что ему надо.

— Я хозяин этих собак, которые умеют проделывать разные забавные штуки, — ответил Ганс. — А пришел я сюда по совету слепца-нищего, направившего меня к королю.

Толстый врач в раздумье оперся подбородком на золотой набалдашник высокой трости. Подумав, он спросил:

— А очень забавные штуки проделывают твои собаки?

— Ну, конечно, — воскликнул Ганс. — Я, глядя на них, так и покатывался со смеха.

— В таком случае, пойдем со мной, — сказал доктор. — С тех пор как пропали принцессы, король так грустит, что я боюсь за его здоровье.

Во дворце все ходили на цыпочках и у придворных был такой печальный вид, будто они только что вернулись с похорон. Перед дверью в королевские покои наклонился обергофмаршал, приложив ухо к замочной скважине. Около него стояли четыре секретаря.

— Король только что опять вздох-

нул, — сказал он. — Сегодня это уже двести девяносто пятый раз. — Секретари немедленно записали это число.

— Двести девяносто пятый раз? — повторил доктор. — Это очень серьезно. Придется прописать ему новое лекарство. А впрочем, вот здесь со мной молодой человек с учеными собаками. Это будет, пожалуй, действенное всех микстур и пилюль.

Когда он вошел к королю, тот лежал на диване и как раз вздохнул в двести девяносто шестой раз. Перед ним на маленьком столике стоял нетронутый обед, поданный на темных тарелках. Все предметы в комнате были затянуты черным сукном, или окрашены в черный цвет.

После долгих увещаний, доктору удалось уговорить короля посмотреть на ученых собак. Все прошли в приемную залу, и король сел на трон. Затем вошел Ганс и заиграл на флейте.

При первых же звуках собаки поднялись на задние лапы и стали плясать так забавно, что король не мог удержаться от смеха. Когда же придворный шут, до сих пор напрасно старавшийся развеселить короля своими шутками и прибаутками, тоже принял участие в пляске, король расхохотался так, что придворным пришлось поддержать его, чтобы он не упал с трона.

Затем Ганса щедро наградили и отпустили. Он, как добрый сын, отложил половину денег в кожаный кошель, повесил его на шею Шнипа и послал собаку к матери, приказав тотчас же возвращаться обратно.

И вот юноша стал странствовать со своими верными собаками из города в город. Ког-

да он уставал, то садился верхом на Шнапа, самую сильную из трех собак, и тот вез его не хуже любого коня.

Однажды Шнуп вдруг исчез в довольно пустынной местности. Когда он вернулся, вид у него был таинственный.

— Где ты пропадал столько времени? — спросил Ганс.

— Я услышал, как за десять миль отсюда вертелось и кружилось веретено, — сказал Шнуп, — а когда побежал посмотреть, кто это прядет, я увидел в маленьком домике прехорошенькую девушку, которая золотым веретеном пряла тончайшие золотые нитки. Дверь была заперта, так что я мог заглянуть только в окно.

— Это, наверно, одна из пропавших дочерей короля! — воскликнул Ганс. — Вот какое мне счастье.

Он сейчас же сел на спину Шнапа и велел скорее везти себя туда, где Шнуп видел девушку.

— Кто ты? — крикнул он, увидев ее в окно.

— Я — несчастная девушка и нахожусь в плену у лесного духа.

— Не принцесса ли ты? — спросил Ганс.

— Да, я принцесса Ирмтраут, — ответила девушка, — но лесной дух запретил мне говорить об этом. Уходи скорее отсюда, он убьет тебя, если застанет здесь.

Шнуп, припав к земле, стал прислушиваться. Затем он сказал:

— Я слышу его шаги. Он не далее двух миль отсюда.

И действительно, вскоре показался злой лесной дух. Он гневно взглянул на Ганса и хотел его схватить. Однако собаки вмиг

расправились с ним. Шнип так вцепился в него, что он не мог пошевелинуться, а Шнап сбил его с ног и стал ему передними лапами на грудь.

— Отпирай скорей дверь, королевна, ты свободна! — крикнул Ганс. — Лесной дух не тронет тебя больше.

Принцесса бросила веретено и золотые нити, открыла дверь и, счастливая, выбежала из дома.

— Благодарю тебя за то, что ты избавил меня от лесного духа, — сказала она, — но надо еще освободить двух моих сестер. Сзади дома стоят четыре белоснежных коня, и мы захватим их с собой.

Ганс с Ирмтраут быстро поскакали, сев на лошадей, а три собаки, бросив лесного духа, которого они порядочно потрепали, побежали за ними.

По прошествии часа Шнуп снова припал ухом к земле и сказал:

— В десяти милях отсюда я слышу стук ткацкого станка.

Умная собака не ошиблась и на этот раз: проехав десять миль, они действительно очутились у домика, где прекрасная девушка за золотым станком ткала чудесную золотую ткань. Но не успел Ганс подойти к окну, как дверь отворилась и на пороге показался великан такого громадного роста, что лошадь едва доходила ему до колена. Сделав шаг, он подошел к Гансу, собираясь растерзать его, но Шнап не испугался и этого чудовища: высоко подпрыгнув, он впился ему в горло, великан упал, а Шнап прихватил его так крепко, что тот не мог пошевелинуться.

— Выходи, королевна, ты свободна! — крикнул Ганс.

Девушка тотчас же выбежала из дома и бросилась в объятия сестры.

Потом все сели на лошадей и поскакали дальше. Несколько времени спустя Шнуп сказал:

— Я слышу, что в десяти милях отсюда кто-то треплет золотую коноплю.

— Пойдем скорее туда! — воскликнул Ганс.

И вот они прибыли к третьему домику и увидели прекрасную девушку, трепавшую своими нежными ручками золотую коноплю.

— Это наша младшая сестра Гильдегард! — воскликнули в один голос Ирмтраут и Мария.

Они постучали в окно и крикнули, чтобы она вышла к ним.

— Я с радостью вышла бы к вам, но не могу этого сделать! — жаловалась Гильдегард. — Меня сторожит громадная собака, ростом с быка. Уходите скорее, не то она растерзает вас всех.

Однако Ганс не испугался и открыл дверь. Когда огромная собака со злыми сверкающими глазами и оскаленными зубами кинулась к нему, Шнап вцепился ей в горло и перекусил его, так что она тотчас упала мертвой.

Все три сестры с восторгом обнимали друг друга и благодарили Ганса за свое спасение.

— Вот какое мне счастье! — воскликнул Ганс. — Я освободил всех трех принцесс! Но на которой же из них мне теперь жениться?

Ирмтраут была красива, Мария была еще лучше, а Гильдегард была лучше всех.

Когда Ганс предложил младшей принцессе сесть на лошадь, она сказала:

— Посмотрите! Сзади Ганса стоит великолепная золотая карета!

И вот они впрягли всех четырех коней в карету и весело покатали к столице короля. Шнип, Шнап и Шнуп бежали вслед за каретой. Вдруг Шнуп сказал:

— Я слышу, как в двадцати милях отсюда жарят целого оленя!

— Это недурно, — воскликнули Шнип и Шнап, — мы очень проголодались! Хотя это и не близко, но мы догоним карету.

Шнуп согласился с ними, и все три собаки умчались.

Пробежав двадцать миль, они увидели в лесу цыганский табор, где на костре жарился чуть не целый олень.

Пока Шнап держал старую цыганку, вертевшую вертел, Шнип и Шнуп схватили жаркое.

Наевшись досыта, они сказали:

— Теперь нам надо поскорее догнать хозяина. — И с быстротой ветра помчались назад по той же дороге.

Тем временем Ганс ехал вперед с тремя принцессами. По дороге им встретились два путника, имевшие очень печальный вид; их изношенная, запыленная одежда свидетельствовала о том, что они прошли длинный, трудный путь. Они, видимо, сильно устали и едва передвигали ноги.

Добрый Ганс взял их к себе в карету. Они рассказали ему, что оба они принцы и ходили на поиски пропавших принцесс. Но на них напали лесной дух, великан и собака, ростом с быка, и так изувечили, что они лишь чудом остались в живых.

В свою очередь принцы узнали, что Гансу

удалось уже найти и спасти принцесс; оба принца позавидовали ему и между собой решили отделаться от него. И вот на полном ходу внезапно они вытолкнули Ганса из кареты.

Бедный парень ударился при этом головой о камень и лишился сознания. Принцессы расплакались, но принцы пригрозили им смертью, если только они проговорятся о случившемся отцу.

Они прибыли в замок при общем ликовании. Король наградил обоих принцев, дав каждому половину королевства и в жены одному — принцессу Ирмтраут, а другому — принцессу Марию. Но принцессы были недовольны, — они сердились на принцев за то, что те солгали, и им очень хотелось рассказать отцу всю правду, но они боялись, что принцы их убьют. Поэтому они промолчали и стали готовиться к свадьбе, которую король решил отпраздновать с большой пышностью.

А что же делали собаки? Догоняя карету, они спешили вернуться. В это время Шнуп вдруг остановился, говоря:

— В десяти милях отсюда кто-то ударился головой о камень и там же заплакали три девушки!

— Это принцессы, — сказал Шнип, — бежим скорее, а то опоздаем!

Вскоре они увидели своего хозяина лежащим на дороге без сознания с пробитой головой. Они осторожно отнесли его в лес и уложили на мягкий мох. Верные умные животные заботливо зализывали ему рану и ухаживали за ним. Немало, однако, прошло времени, пока Ганс оправился настолько, чтобы

встать на ноги. Тогда он сел на спину Шнапа и поехал в столицу.

Проезжая по улицам города, Ганс заметил, что жители украшали дома гирляндами и вывешивали флаги.

— Что случилось? — спросил он у одного из встречных.

— Неужели ты ничего не знаешь? Разыскались все три дочери короля и выходят замуж за принцев, которые их нашли.

У Ганса при мысли о Гильдегарде, которую он очень любил, забилося сердце.

— Какие же принцессы выходят замуж? — спросил он.

— Обе старшие.

"Слава Богу, — подумал Ганс, — еще не все пропало!"

Когда он подъехал к королевскому дворцу, как раз начиналось свадебное шествие в церковь. Лишь только принцессы заметили Ганса с его собаками, они бросились к нему с приветом. В то же время оба принца так перетрусили, что придворной свите пришлось их поддержать.

— Что тут произошло? — спросил с удивлением король.

И вот дочери рассказали ему, кто был их настоящим избавителем. Обоих принцев немедленно заключили в тюрьму.

Ганс же в тот же день женился на младшей принцессе Гильдегарде.

Шнипа, Шнапа и Шнупа на свадебном пиру хорошо угостили, но на следующее утро все три собаки исчезли. Маленький старичок с длинной бородой взял их себе, а перед хижиной, где жила мать Ганса, на другой день снова появились три жирные свиньи.

Старушка хотела загнать их в хлев и тут только заметила, что свиньи были не живые, а из чистого золота. Таким образом у матери Ганса оказалось столько богатства, что она могла переселиться в город и купить себе великолепный дом, как ей предсказал сын. Там она и прожила еще много лет богато и счастливо.

А Ганс после смерти старого короля вступил на престол и мудро правил страной.

ВЕЛИКАН МИША

(немецкая сказка)

В стародавние времена в царстве Великанов жили муж с женой, у которых было одиннадцать сыновей; младшего из них звали Мишей. Все братья занимались каждый своим делом, Миша же был отчаянным лентяем. Ничем нельзя было заставить его работать; братья нередко били его за лень, а родители постоянно выговаривали.

Однако ни слова, ни побои не оказывали на мальчика никакого действия; вместо того, чтобы работать, Миша весь день сидел под большим дубом и, если не спал, играл на гармонике, которую ему кто-то подарил.

Играть же на ней он научился мастерски. Лежа на спине в мягкой траве и вперив глаза в небо, он извлекал из гармоники такие дивные звуки, что птицы отовсюду слетались слушать его музыку. Дрозды, зяблики и скворцы сидели смернехонько, стараясь запомнить прелестные песенки, чтобы, подражая им, получить первую награду на ближайшем состязании в пении.

Гармонику свою Миша прятал обыкновенно в дупле большого дерева и даже никому из родных не говорил о ее существовании. Родители его и братья так и не знали, что Миша музыкант, да они, пожалуй, этого и не оценили бы, так как в стране Великанов совсем не знали толку в музыке. Там в чести был тот, кто больше всех съест или выпьет.

Поэтому над Мишей, который ел и пил умеренно, дома смеялись, так что он стал даже избегать обедать дома, а все время проводил в лесу со своей гармоникой.

Вероятно, жизнь его и дальше текла бы так же, если бы другая семья Великанов не пригласила наших Великанов на состязание в еде. Дело в том, что один очень богатый Великан назначил награды лучшим едокам, весь город взволновался — только и было толку, что об этом важном событии. Состязание должно было быть открытым, и сам король обещал появиться к тридцать первому блюду.

Десять Мишиных братьев в ожидании этого дня стали усердно подготавливаться, надеясь получить награду, но ленивый Миша, к огорчению, не принимал в этих приготовлениях никакого участия. Ему как младшему не сочли нужным даже сообщить о предстоящем состязании, а поэтому он делал вид, что ничего не знает.

Родителей это расстраивало, и даже мать, обыкновенно защищавшая младшего сына, сказала:

— Не стыдно ли тебе, неблагодарный, так позорить нашу семью?!

— Мне очень жаль, матушка, что я огорчаю вас, — ответил Миша. — Но по правде сказать еда и питье привлекают меня мало, есть мно-

го вещей, которые мне нравятся гораздо больше.

Ничего обиднее этого в царстве Великанов ни один почтительный сын не мог сказать своим родителям. Мать в отчаянии всплеснула руками. Братья пришли в негодование, и старший спросил своим густым басом:

— Ты, значит, хочешь нас подвести, Миша?

— Думайте обо мне что хотите! — сказал он решительно и объявил, что не намерен участвовать в состязании.

Даже старик отец не мог снести этого. Он вскочил в гневе и обратился к сыну, указывая рукой на дверь.

— Если ты так мало дорожишь честью нашей семьи, то тебе не место более в моем доме, негодный мальчишка!

Миша, ни слова не говоря, тихо вышел из дома. Хотя ему было жаль покинуть мать и родной дом, но, с другой стороны, ему давно уже хотелось постранствовать.

Он взял свою дорожную палку, достал из дупла гармонику и, взяв ее под мышку, бодро отправился в путь.

Пройдя немного, он услышал сзади себя спешные шаги. Обернувшись, он увидел старуху мать.

— Ах, Миша, вернись назад, — просила она со слезами на глазах. — Будь милым мальчиком! Я знаю, если ты захочешь, то можешь съесть не менее других, если не больше!

Но молодой Великан покачал головой.

— Нет, матушка, — сказал он, — я не вернусь больше к отцу и братьям. Мне скучно здесь, в нашей стране, где все только и говорят об еде и питье.

— Но куда же ты пойдешь? — спросила

мать, утирая слезы фартуком величиною в двадцать две простыни.

— Я пойду куда глаза глядят, — сказал Миша. — А пропитание я заработаю себе игрой на гармонике.

— Игрой на гармонике?! — повторила старуха. — Да ведь ты с голоду помрешь! Разве ты когда-нибудь слышал, чтобы Великан играл на гармонике? — прибавила она, покачивая головой.

— Не беспокойся, я не пропаду, — утешал Миша свою мать.

Видя, что она не может переубедить сына и заставить его вернуться домой, старая Великанша глубоко вздохнула и сказала:

— Ну, Миша, если ты действительно решил уйти от нас, то я сообщу тебе тайну, которую до сих пор знали только твой отец и я: ты не мой сын.

— Как? — с удивлением воскликнул Миша, чуть не уронив свою гармонику. — Я не ваш сын, матушка?

— Нет, — отвечала старая Великанша. — Когда ты был еще маленький, тебя в одну бурную ночь принес какой-то человек в черном плаще. Он передал большую сумму денег и просил нас воспитать тебя, как собственного сына.

— Что это за человек? — спросил Миша.

— Он был похож на колдуна. На голове у него был высокий остроконечный колпак с петушиным пером, одет он был в короткий черный плащ с широким воротником. Сбоку же висела длинная шпага. Мы взяли тебя тем охотнее, что за несколько дней перед этим умер наш младший сын, скушав слишком много каши.

— А что случилось потом с этим колдуном?

— Вот это-то и удивительнее всего, — сказала мать. — Лишь только он положил нам деньги на стол, как мгновенно исчез в дымовой трубе.

— Может быть, я совсем не из породы Великанов? — сказал в раздумье Миша. — Во всяком случае, я теперь попытаю счастья на белом свете. Прощайте, матушка! Простите меня за те огорчения, которые я всем доставил, спасибо за ваши попечения и заботы обо мне!

— Прощай, Миша! — сказала старуха Великанша, крепко сжав ему руку. — Мне очень жаль, что ты не хочешь у нас остаться. Со временем ты, наверно, стал бы таким же большим, как и твои братья.

— Мне кажется, я и так уже достаточно велик, матушка, — возразил, рассмеявшись Миша.

Он был действительно немалого роста; в нем было более двух сажений, что для Великана еще не особенно много.

Вскоре после ухода Миши состоялось знаменитое состязание, на котором его братья одержали блестящую победу. Состязание продолжалось целый месяц. Съедено было несколько стад баранов, быков и свиней, двадцать тысяч мешков картофеля, миллион кочнов капусты и хлеба больше, чем сто булочников могут напечь в течение десяти лет.

Король сам раздавал награды, и каждый победитель получил, кроме того, золотую медаль.

Когда в стране Великанов происходили эти события, вдали оттуда, на юге, на полуострове Калейка-кука жил старый король со своей

единственной дочерью Олиндой, прелестной девушкой, любимой всеми за ее доброту и благотворительность.

При дворе короля проживал красивый молодой рыцарь. Глядя на этого рыцаря, никто не мог бы подумать, что в душе он человек злой и коварный. Он умел притворяться, так что все считали его честным и благородным. Он-то и задумал жениться на прекрасной королевне Олинде и завладеть затем престолом.

Понимая, что одному ему осуществить это намерение не удастся, он распорядился оседлать себе вороного коня и поехал к старому колдуну, жившему в темной пещере у подножия высокой горы. Отправился туда граф Гарро, — так звали рыцаря, — ночью, тайно от всех.

Было темно, и лошадь его медленно пробиралась в чаще леса.

Завывающий ветер качал верхушки старых деревьев; они скрипели и как будто хотели схватить ветвями одинокого путника. По сторонам клубился туман, принимая самые причудливые формы.

Лошадь от страха взвивалась на дыбы, так что всадник лишь с трудом держался в седле. Все время вокруг него шептались таинственные голоса и, где почва была тверда, слышался топот множества ног.

Иногда пролетала мимо сова, грузно махая крыльями и устремив на него свои светящиеся глаза. Даже графу, никогда ничего не боявшемуся, стало жутко, и, достигнув входа в пещеру старого колдуна, он облегченно вздохнул.

Сойдя с лошади, он стукнул рукояткой ме-

ча в дверь. Она немедленно отворилась, и на пороге появилось такое безобразное существо, что граф Гарро в ужасе отступил на несколько шагов.

Перед ним был карлик, ростом не более 3 футов. У него были тонкие ноги и огромная голова с тремя глазами. Толстый нос и широкий рот с оскаленными зубами увеличивали его безобразие.

— Зачем ты явился сюда в ночное время, незнакомец? — угрюмо спросил карлик.

— Мне надо поговорить с колдуном, — ответил Гарро.

Всякий другой, конечно, принес бы фонарь, чтобы взглянуть в лицо ночному посетителю. Но карлик устроил это гораздо проще. Он открыл рот, и оттуда вырвалось пламя, при свете которого он и разглядел лицо незнакомца. Затем пламя исчезло так же быстро, как появилось, точно он лишь высунул и спрятал язык.

Благородный конь, которого граф держал за поводья, стал на дыбы, и Гарро едва его удержал.

Карлик, однако, как бы ничего не замечая, спокойно спросил:

— Что тебе надо от колдуна? Почему ты жаждешь его видеть, несмотря на глубокую ночь?

— Какое тебе до этого дело? — сердито ответил граф, принявший карлика за слугу старого волшебника. — Беги и доложи хозяину, что граф Гарро желает его видеть.

Но карлик не трогался с места и протянул свою длинную руку, напомиравшую птичью ногу с когтями.

— Ты, вероятно, хочешь получить на чай? — засмеялся граф. — Ну, получай!

С этими словами он достал из кармана золотую монету и кинул ее трехглазому карлику, который ловко подхватил ее и, выпустив изо рта пламя, осветил монету. Убедившись, что она настоящая, он сунул ее в карман и сказал, осклабясь:

— Войдите, колдун дома!

С этими словами он дал дорогу графу.

Колдун был тощий старичок, на морщинистом лице которого выдавался длинный нос, такой острый, что им, кажется, можно было бы проткнуть доску. Седые волосы спускались длинными космами на его плечи. На голове у него была черная бархатная ермолка, а тощее тело его было прикрыто темно-красным бархатным плащом, украшенным золотыми звездами.

Колдун читал в это время толстую книгу в ветхом кожаном переплете. Темнота не мешала ему, так как буквы казались ярко-красными, как раскаленные угли.

Жутко было в этой пещере. На сводах потолка висели чучела животных; в середине была огромная акула, длиною около десяти футов, широко разинутая пасть ее как бы хотела проглотить всякого, кто подойдет к ней. Вдоль стен были прибиты жерди, на которых сидели сычи и совы, они пристально глядели на позднего посетителя своими светящимися глазами.

В глубине пещеры на очаге кипел большой котел, выпуская клубы густого пара. Вероятно, колдун варил какой-нибудь волшебный напиток. Громадный пятиногий кот сидел у дверей и злобно взглянул на вошедшего графа.

Однако граф ни на что не обращал внимания. Он уже не раз бывал у колдуна, и его ничто более не страшило.

Колдун поднял голову и пристально взглянул на посетителя.

— Ах, это вы, граф Гарро, — прохрипел он. — Давненько я вас не видал.

Граф, прежде чем ответить, оглянулся и, заметив, что карлик вошел вслед за ним, остался недоволен.

— Я не желаю, чтобы ваш слуга присутствовал при нашем разговоре, — высокомерно заметил он.

— Мой слуга? — с удивлением повторил колдун. — Вы, граф Гарро, очень ошибаетесь! Это царь огня Гокуспокус, могучий властелин, а живет он в огнедышащей горе Везувии.

Тогда граф Гарро обратился к карлику, метавшему на него злобные взгляды:

— В таком случае простите, что я вас принял за слугу, — сказал он, извиняясь. — Но вам не следовало брать от меня золотой монеты...

— Я сделал это только потому, что золото, которое мы получаем от смертных, нам приносит счастье, — ответил царь огня, — но если вам его жаль, возьмите обратно.

С этими словами он вытащил монету из кармана и бросил ее на пол. Вспыхнул столб пламени, и царь огня Гокуспокус мгновенно исчез.

— Что вы наделали! — сказал колдун взволнованным голосом. — Царь огня обидчив, и горе тому, кто навлечет на себя его гнев. Попытаюсь воротить его; может быть, мне удастся смягчить его гнев.

С этими словами он очертил волшебным

жезлом большой круг на полу, стал в середине его и крикнул, взмахнув жезлом над головой, три раза:

— Гокуспокус, появись!

Но царь огня, вероятно, прогневался сильно, так как более не являлся.

Между тем граф Гарро, настолько же алчный, насколько и злой, решил, что жаль оставлять золотой на полу. Он нагнулся, чтобы поднять его. И не успел прикоснуться к нему, как отчаянно вскрикнул и стал трясти рукой.

— Что с вами, граф Гарро? — спросил с удивлением колдун.

— Ой, ой! — кричал граф. — Я обжег себе пальцы. Монета — как раскаленная.

— Вам не надо было ее поднимать. Ведь я уже говорил вам, что с царем огня шутки плохи. Но расскажите же мне, что вам от меня надо!

— Я хочу жениться на принцессе Олинде, — ответил граф Гарро. — Но сперва мне хотелось бы устранить старого короля, чтобы скорее вступить на престол.

— Вот что? — пробормотал колдун, весело потирая руки. — Вы полагаете, что старик зажил на свете, — ну, этому горю мы можем помочь. Но скажите, граф, принцесса вас любит?

Гарро неуверенно пожал плечами.

— Этого я утверждать не могу, но ей все-таки придется выйти за меня замуж. Я, конечно, давно уже обручился бы с ней, если бы у меня при дворе не было врага; вы его знаете, это канцлер короля, старый Гонестус.

— Еще бы не знать его! — ответил колдун. — Это мой заклятый враг; и я с ним раз

сыграл такую штуку, которой он, наверно, не забыл до сих пор.

— Пожалуйста, расскажите! — попросил граф.

— Надо вам сказать, — продолжал колдун, усевшись снова в свое большое кресло и поглаживая своего пятиногого кота, из шерсти которого появились в это время голубоватые искры, — надо вам сказать, что у канцлера был сын. Он был одних лет с принцессой Олиндой, и их обручили друг с другом еще маленькими. Я же тихонько прокрался во дворец и похитил ребенка, затем сел на свой плащ и в ту же ночь полетел с мальчиком далеко-далеко в другую страну, где и отдал его на воспитание в одну семью. Семья эта не знает ни меня, ни ребенка, и поэтому ему никогда не удастся вернуться к своему отцу.

— Об этом я уже слышал, — задумчиво сказал граф Гарро. — Мальчик исчез бесследно однажды ночью. Но теперь вы должны мне рассказать, каким образом вы думаете устранить короля, — прибавил он.

— Дайте мне время подумать, — ответил колдун. Он взял большую книгу и стал ее перелистывать.

— Нашел! — воскликнул он вдруг. — Я возьму себе в помощники моего доброго друга, адского духа, он разошлет во все концы королевства своих слуг, которые посеют всюду недовольство, ненависть и зависть и возбудят всех против короля. А я буду в это время сеять раздор между его советниками, таким образом вы скоро добьетесь цели своих желаний.

Злой граф Гарро остался этим очень доволен.

— Вы умный человек! — сказал он старому колдуну. С этими словами он достал из кармана кошелек, туго набитый золотыми монетами, и с видимым сожалением протянул его колдуну. — Получите свою плату, — прибавил он.

— Вам, видно, жаль расстаться со своим золотом, — насмешливо заметил старик. — Но на свете ничего даром не делается, а когда вы будете королем, у вас будет золота больше, чем вы в состоянии истратить: принцесса Олинда, говорят, очень богата.

— Мяу, мяу, мяу! — замяукал вдруг кот.

— Это плохое предзнаменование, граф Гарро, — сказал озабоченно колдун. — Будем, однако, надеяться, что план наш удастся и ваше предприятие кончится благополучно.

Он открыл дверь и выпустил графа Гарро. Тот вскочил на лошадь и среди мрака пустился в обратный путь.

Буря между тем усилилась и выла в ветвях деревьев, нагоняя страх, к этому страшному завыванию присоединялось гулкое уханье филинов. В воздухе вспыхивали какие-то синие огоньки, пугавшие лошадь так, что граф едва мог справиться с ней.

Еще недалеко от пещеры колдуна конь вдруг остановился как вкопанный и начал тревожно фыркать. Гарро стал бить его хлыстом, но животное не трогалось с места.

Прямо на графа направлялась фигура, казавшаясядвигающейся башней. По виду это был человек, но ростом он был не менее двух саженей. Затем раздался такой громкий голос, что графу пришлось зажать уши, чтобы не лопнула барабанная перепонка:

— Остановитесь на минутку — бедный му-

зыкант хочет сыграть вам песенку на гармонике. Я сейчас очень нуждаюсь; мне нужны деньги, чтобы купить себе кусок хлеба!

С этими словами встречный взял в руки гармонику величиною чуть не с дом и начал играть. Казалось, что сразу заиграла тысяча музыкантов. Конь взвился на дыбы и чуть не сбросил графа.

— Прочь с дороги, чудовище! — гневно крикнул граф и ударил великана хлыстом по ногам.

Миша, — так как это был он, — громко вскрикнул от боли и потер ушибленное место. Потом он побежал за поскакавшим всадником, но в темноте споткнулся о выступ скалы и до крови расшиб себе нос.

— Ну, подожди, я с тобой рассчитаюсь! — воскликнул он, грозя кулаком вслед графу. — Это тебе даром не пройдет!

— Так, так! Хорошенько отплати этому негодяю! — вдруг раздался голос вблизи молодого великана.

Когда Миша обернулся, чтобы посмотреть на говорившего, он заметил маленькую уродливую фигурку, которую принял было за гнома. Из рта карлика вырвалось длинное голубоватое пламя, при свете которого он спокойно стал разглядывать великана. Это был Гокуспокус, царь огня.

— Ничего, — сказал он, оглядев Мишу с ног до головы, — ты совсем молодец, юноша! Не могу ли я узнать, откуда ты?

— Я-то? Ну конечно из страны Великанов! Откуда же быть мне иначе?! — ответил Миша и стал на колени, чтобы лучше разглядеть странное существо, пылающее огнем, как печь.

Но Гокуспокус покачал головой.

— Я бывал в стране Великанов и знаю, каковы тамошние жители, — сказал он. — Поэтому я прямо скажу тебе, что ты не из их числа: хотя ростом ты так же велик, как и они, но у тебя слишком добродушное лицо. Да как ты попал сюда?

Тут Миша, почувствовавший доверие к карлику, рассказал ему, почему он покинул родной дом и что мать сообщила ему на прощание.

Царь огня, внимательно выслушав его, сказал:

— Сегодня ночью я случайно подслушал разговор старого колдуна с одним человеком и узнал, кто ты и откуда. Я не ожидал от колдуна, которого до сих пор считал своим другом, такого низкого поступка. Хорошо еще, что я встретил тебя, — ведь десятью минутами позже я был бы уже на пути в Китай, где мне завтра предстоит важное совещание с императором.

Дело в том, что я царь огня и царство мое находится внутри земли, а мой лучший дворец — на горе Везувий, но я редко бываю там, так как все земные правители посылают за мной в трудных обстоятельствах и мне постоянно приходится путешествовать.

Я дам тебе хороший совет: ступай немедленно ко двору короля Калейка-куки и посмотри, как тебя там примут. Вот тебе кольцо. Если понадобится моя помощь, то ты повори его три раза и скажи: "Гокуспокус, явись!" Я сейчас же поспешу к тебе.

— Теперь же мне пора в Китай, — закончил царь огня, и, прежде чем Миша успел его поблагодарить, Гокуспокус сел в свой маленький

экипаж из блуждающих огоньков и быстро исчез в воздухе.

Когда Миша прибыл ко двору короля Калейка-куки, никто не обратил на него особого внимания, так как во всем королевстве было большое волнение. Раздоры, недовольство, посеянное колдуном, сделали свое дело, и народ был возмущен.

Тем временем граф Гарро побывал в покоях принцессы Олинды и сделал ей предложение. Прекрасная королева отказала ему, и графу Гарро пришлось уйти ни с чем. И вот он поклялся жестоко отомстить ей. Вмешавшись в народную толпу, он еще более возбуждал ее против короля.

Дворцовая прислуга встревожилась и, собравшись вместе, обсуждала последние события.

Принцесса же в это время как раз смотрела в окно, выходящее во двор. Вдруг она слышит музыку, которая становится все громче и заставляет ее зажать уши. Она видит, что во двор замка вошел человек исполинского роста, играя на гармонике.

С криком ужаса слуги разбежались во все стороны. Потом они снова собрались и стали обсуждать, как отнестись к появившемуся страшилищу-музыканту.

Дворовые мальчишки тем временем стали кидать камнями в Мишу — это был он. Один из них попал ему в нос, не заживший еще после падения в прошлую ночь.

Миша погрозил мальчишкам кулаком, крикнув громовым голосом:

— Если вы не оставите меня в покое, я вас так оттреплю, что вы долго будете помнить!

Испуганные дети закричали благим матом

и разбежались во все стороны. Тогда слуги, вооружившись чем попало, решили напасть на великана. Мише в конце концов, наверно, пришлось бы плохо, если бы принцесса не высунулась из окна и не успокоила всех.

— Не стыдно ли вам всем нападать на одного человека? — крикнула она. — Ведь он ничего вам не сделал!

Затем она обратилась к Мише и ласково сказала ему:

— Я позабочусь о том, чтобы вас больше не обижали, и распорядюсь накормить вас. А затем вы мне расскажите, что вас привело сюда.

— Это я могу вам объяснить сейчас же, прекрасная принцесса, — ответил молодой великан. — Я пришел сюда, чтобы игрой на гармонике заработать себе пропитание.

Олинда кивнула ему приветливо головой. Приказав слугам позаботиться о незнакомце, она отправилась к отцу.

— Я хотела сказать тебе, отец, чтобы ты остерегался графа Гарро. Он стал нашим заклятым врагом.

— Сейчас, кажется, все стали моими врагами, — сердито проворчал король, — но я сумею справиться с недовольными, я тебя прошу не вмешиваться не в свое дело!

Принцесса, видя, что король достаточно взволнован, чтобы слушать ее спокойно, вздохнула и удалилась в свои покои, приказав никого не пускать к себе.

Молодого великана отвели между тем в кухню, где накормили и напоили. Все его боялись и не решались с ним заговорить. Миша сидел один в углу кухни и недоумевал, зачем царь огня посоветовал ему отправиться ко двору короля Калейка-куки.

Тем временем граф Гарро так взволновал народную толпу, что уже появились слухи, будто старый король уйдет на покой, а на престол возведут графа Гарро.

Слухи эти достигли замка и возмутили придворных слуг. Те решили убежать, и с наступлением ночи во дворе не осталось ни одного слуги.

Вскоре затем старый канцлер Гонестус постучал в дверь к принцессе Олинде. Она не впускала его. Тогда он крикнул ей, чтобы она спасалась, так как народ возмутился и идет на дворец.

Подумав немного, она отперла дверь и согласилась, что надо седлать лошадей и спасаться потайным ходом из замка. Когда они спустились во дворцовый двор, на их зов никто не отозвался. Казалось, весь двор вымер, и старому канцлеру пришлось самому седлать лошадей.

Король тоже поехал с ними. Они уже собрались покинуть дворцовый парк, как вдруг увидели Мишу, улегшегося спать под большим дубом.

Король, увидев исполинскую фигуру, казавшуюся в темноте еще больше, громко вскрикнул от ужаса, да и старый канцлер немало испугался.

Не испугалась одна Олинда. Она, наоборот, весело захлопала в ладоши и закричала:

— Да ведь это тот великан, который забавлял меня нынче игрой на гармонике!

— Я к вашим услугам, прекрасная принцесса, — ответил Миша, отвешивая ей глубокий поклон. — Может быть, я могу доставить вам какое-нибудь удовольствие? Вы были ко

мне так добры, что мне хотелось бы чем-нибудь выразить вам свою благодарность.

— Не думаю, чтобы вы могли нам помочь, — вздохнула Олинда. — Народ возмутился против нас, и мы должны спастись из дворца. Единственная услуга, которую вы можете оказать нам, это не выдать нашим преследователям, куда мы побежали.

Молодой великан приложил указательный палец ко лбу и немного подумал.

— Мне кажется, я могу вам помочь, — сказал Миша, вспомнив вдруг о кольце, полученном им от Гокуспокуса. — Погодите немного, я сейчас позову помощника! Только не пугайтесь, если явится царь огненного царства или один из его подчиненных! Он, положим, извергает пламя, и вид у него не особенно привлекательный, но в сущности он — славный малый.

— Только бы он помог нам, — вздохнул король. — Но уверен ли ты, что он действительно может нам помочь?

— Понятно, ваше величество, — ответил Миша, — иначе я не стал бы его звать.

С этими словами он снял кольцо с пальца, повернул его три раза и крикнул громким голосом:

— Гокуспокус, явись!

В воздухе показалась огненная искра, которую они приняли сначала за падающую звезду, она стала приближаться, и они разглядели колесницу из синих огоньков, летевшую по воздуху, подобно воздушному шару. Несколько минут спустя она опустилась на землю. В ней сидели царь огня Гокуспокус и маленькая моська, имевшая вид раскаленного утюга.

— Ты меня звал? — сказал царь огня. — Тебе, вероятно, нужна моя помощь?

— Очень нужна! — ответил Миша. — Я по вашему совету отправился ко двору короля Калейка-куки. Но когда я прибыл сюда, все улицы были полны возбужденным народом, а теперь он идет на дворец, так что король и его дочь принуждены спастись бегством.

— Это, конечно, очень грустно, — заметил царь огня, покачивая в раздумье своей безобразной головой. — Но что же ты меня не представишь королю?!

— Сейчас, — торопливо сказал молодой великан. Затем он подвел своего покровителя к королю, говоря:

— Его величество король Калейка-куки со своей дочерью, принцессой Олиндой. Царь огня Гокуспокус из Везувия в Италии!

— Нам прежде всего надо захватить зачинщиков восстания, — сказал царь огня.

— Это, конечно, так, — вздохнул старый король, — но как это сделать?

— Ну, это не так трудно, — сказал карлик. Он взял моську на руки и шепнул ей несколько слов на ухо. Животное немедленно понеслось по воздуху с невероятной быстротой, будто огненный шар, и тотчас исчезло.

Вскоре до слуха короля и его спутников донесся жалобный крик, а затем показалась странная фигура, большими прыжками скакавшая к ним по дороге. Когда она приблизилась, они разглядели тощего седого старика в длинном черном одеянии. На голове у него была темная бархатная ермолка, а плащ был усеян золотыми звездами.

— Иду! Иду! — кричал он. — Только отпусти меня!

— Вот это первый! — сказал царь огня, когда совсем обессиленный колдун упал к ногам великана. — Теперь скоро явятся и двое других.

Моська снова унеслась и минуту спустя тем же порядком появился граф Гарро и один из главных зачинщиков мятежа.

— Неужели и граф Гарро в их числе? Никогда бы я этого про него не подумал! — сказал король.

Граф при виде карлика пришел в неопишемую ярость. Он обнажил меч, чтобы пронзить грудь царю огня. Но последний только разинул рот, и длинный язык пламени в одно мгновение спалил графа так, что от изменника осталась лишь кучка пепла.

Колдуна при виде этого охватил ужас, — он боялся, что его постигнет та же участь. Ведь хотя он и был чародеем, изучавшим все таинственное, однако против царя огня был бессилен. Надеясь умиловить последнего, он упал на колени и стал молить о пощаде.

— Что мне с ним делать? — спросил карлик, указывая королю на дрожавшего всем телом колдуна. — Ведь он — главный виновник всего зла. Он послал в ваше королевство злых духов раздора, зависти и недовольства. Если вам угодно, я возьму его в свое царство, где буду варить в кипящей сере и укладывать спать на раскаленной лаве.

— Пощадите! — закричал старый волшебник, охватив колени короля. — Если вы помилите меня, я выдам тайну, очень важную для вас и для канцлера Гонестуса.

Король Калейка-куки не хотел и слушать старика, но Гонестус, догадываясь, какую тай-

ну хочет открыть колдун, уговорил короля выслушать чародея.

— Знайте, ваше величество, — сказал колдун, — что это я похитил из замка сына канцлера Гонестуса, когда тому было всего лишь несколько месяцев!

— Ага, так это твое дело, негодяй! — крикнул канцлер и обнажил меч, чтобы заколоть похитителя своего ребенка.

Но царь огня удержал его руку.

— Дайте ему докончить, — сказал он, — может быть, он сообщит вам и радостную весть.

— В ту же ночь, — продолжал колдун, — я отнес его за несколько тысяч миль отсюда в дальнюю страну Великанов и отдал на воспитание одной семье. Мальчику, когда он вырос, каким-то образом удалось оттуда уйти и появиться в вашем королевстве.

— Неужели же этот великан — мой сын? — недоверчиво спросил канцлер.

Король с ужасом подумал о том, что такое чудовище, может быть, будет потом царствовать в Калейка-куке: ведь он еще при рождении мальчика обручил его со своей дочерью.

— Да, — подтвердил колдун, — этот молодой великан — сын канцлера.

Миша не верил своим ушам. Неужели он в самом деле неожиданно нашел своего отца!

Гонестус был, конечно, очень рад сыну, тем не менее сказал со вздохом:

— Уж очень он велик! Ведь мне придется построить ему особый дом, не может же он при своем росте жить во дворце!

— Этой беде я могу помочь, — заметил колдун. — Если вы обещаете отпустить меня

на свободу, я возвращу ему тот вид, какой он имел бы, если бы оставался у вас.

Король Калейка-куки торжественно обещал даровать ему жизнь и свободу. Тогда колдун начертил на земле круг и велел Мише стать посередине его. Затем он поднял свою волшебную палочку и три раза воскликнул: "Абракадабра!"

И вот громадная фигура великана стала постепенно уменьшаться, и скоро он превратился в двадцатилетнего юношу обыкновенного роста.

— Ах, как я счастлив, что избавился от своего огромного роста! — воскликнул Миша.

Он бросился к отцу, который заключил его в объятия.

— А какое имя мне дали при рождении, отец? В стране Великанов меня звали Мишей.

— Твое настоящее имя гораздо красивее, — ответил, улыбаясь, канцлер. — Тебя зовут Бодо. А вот твоя невеста, с которой ты был обручен прежде, чем тебя похитили, — прибавил он, подводя его к Олинде.

— Вот как хорошо! — воскликнул весело король. — Значит, мы сегодня же и отпразднуем свадьбу! Однако, — прибавил он, — мои подданные ропщут и недовольны. Что же нам делать?

— Это можно устроить, — заметил Гокус-покус. Он обратился к третьему бунтовщику, строго охраняемому все той же моськой. — Вернись к народу и возвести от имени короля, что по случаю свадьбы принцессы Олинды будут устроены празднества в течение двух недель.

— Да, да, — прибавил король. — Каждый подданный получит кошелек с золотом, и все

фонтаны города будут бить красным и белым вином.

Посол поспешил возвестить эту радостную весть народу. Не прошло и часа, как весь город был иллюминирован.

Царь огня, конечно, был также приглашен на свадьбу, и даже его моську накормили досыта из золотой мисочки.

Один колдун не получил ничего. Он навсегда был изгнан из своей пещеры, и ему под страхом смертной казни было запрещено когда-либо переступать границу королевства Калейка-куки.

Бодо со своей супругой жили после свадьбы очень дружно и счастливо; когда же старый король умер, Бодо вступил на престол.

Давно уже он забыл о том, чтобы был когда-то великаном. Одно только напоминало ему прежнюю родину: игра на гармонике. Он заказал у придворных ювелиров великолепную гармонику из золота и серебра и вечером, отдыхая от государственных дел, брал старшего сына на колени и играл ему старые песенки, которые сочинил сам, когда был еще только лентяем Мишей.

ЗАЯЦ В ИНАБЕ

(японская сказка)

Жили-были некогда восемьдесят принцев; были они братьями, но ладили друг с другом плохо, так как каждый из них хотел сделаться королем, повелевать остальными и царствовать над всей страной. Кроме того, все

хотели жениться на одной и той же Инабской принцессе, имя которой было Яками.

Наконец все восемьдесят решили отправиться в Инабу, чтобы принцесса сама выбрала кого-либо из них в мужа.

Хотя и старшие семьдесят девять братьев не могли терпеть друг друга, однако еще больше все они ненавидели младшего, очень доброго и кроткого юношу, не любившего ни ссор, ни раздоров.

Поэтому когда все отправились в путь, ему велели идти сзади и нести мешок с их вещами, как будто он был слугой, а не таким же принцем, как и все.

Несколько дней спустя семьдесят девять принцев достигли мыса Кета; здесь на дороге лежал бедный зайчик, вся его шкурка была ободрана, и он имел самый жалкий вид.

Принцы сказали зайцу:

— Мы научим тебя, что сделать: пойдя выкупайся в море, а потом ляг на вершине горы, чтобы тебя хорошенько обдул ветер, и у тебя вырастет новая шерсть.

Бедный зайчик поверил им; он выкупался в море и лег на вершине горы на самом припеке. Однако по мере того, как соленая вода высыхала, его кожа от солнечных лучей и ветра стала трескаться и страдания его стали еще невыносимее.

Наконец к нему подошел восьмидесятый принц, отставший от других братьев, так как ему приходилось нести тяжелый мешок с вещами. Увидев несчастного зайца, он спросил, что довело его такого ужасного состояния.

— Ах, — ответил заяц, — постой на минутку, я расскажу тебе всю мою историю. — Я, видишь ли, был на острове Оки и хотел

перебраться сюда на материк. Долго я ломал голову, как это устроить. Наконец мне пришла блестящая мысль. Я сказал морским крокодилам: "Давайте считать, сколько в море крокодилов и сколько на земле зайцев, только начнем с крокодилов. Ложитесь рядом отсюда и до мыса Кета, я же побегу по вашим спинам и буду вас считать. А потом сочтем зайцев и узнаем, кого на свете больше — крокодилов или зайцев".

Крокодилы тотчас улеглись все в ряд, а я, считая их, побежал по их спинам. Добежав до последнего и собираясь уже прыгнуть на землю, я засмеялся, крикнув:

"Ах вы, глупые крокодилы! Мне до вас и до того, сколько вас — никакого дела нет; мне нужен был только мост, чтобы переправиться на другой берег". Увы! Засмеялся я слишком рано. Последний крокодил, с которого я еще не успел прыгнуть, схватил меня и содрал шкурку.

— Ты вполне заслужил это за свое коварство, — ответил ему восьмидесятый принц. — Но, впрочем, продолжай свой рассказ.

— И вот, — продолжал заяц, — семьдесят девять принцев, прошедших здесь перед тобою, посоветовали мне, если я хочу исцелиться, выкупаться в соленой воде. Я послушался их, но теперь мне стало еще хуже, все тело у меня болит и жжет...

Тогда восьмидесятый принц сказал зайцу:

— Пойди скорее выкупайся в ближайшем ручье; вымойся хорошенько свежей водой, затем собери цветочную пыль с растущего там тростника, рассыпь ее по траве и поваляйся в ней. Если ты все это исполнишь, то шкурка у

тебя заживет и скоро вырастет новая шерстка.

Заяц послушался этого совета и на этот раз действительно исцелился — шерстка у него выросла еще гуще и красивее, чем прежде.

Тогда заяц сказал своему благодетелю:

— Знай, что из твоих семидесяти девяти братьев ни один не получит руки принцессы в Инабе. Ты же, хотя тебе и досталось нести мешок, получишь руку принцессы и все ее царство.

Так действительно и случилось. Принцесса отказала семидесяти девяти братьям и выбрала последнего за его доброту и благородство.

Он стал царем этой страны и прожил счастливо до самой смерти.

ЛЕСОВИК И ЦАРЕВИЧ

(эстонская народная сказка)

В золотом царстве, в серебряном государстве жил некогда могущественный царь. Заблудился он однажды в большом лесу и никак не мог выбраться. Вдруг перед ним, как из земли, явился старый-старый старик и спросил:

— Как ты попал сюда, в дремучий лес, где нет никого, кроме хищных зверей?

— Я заблудился и никак не могу выбраться, — ответил царь.

— Обещай мне отдать то, что попадетсЯ тебе прежде всего навстречу на дворе, когда ты вернешься домой, и я укажу тебе дорогу, — сказал старик.

Царь, подумав, ответил:

— Зачем же я отдам тебе свою хорошую охотничью собаку, авось я и сам найду дорогу домой?!

Тогда старик ушел, а царь, проплутав в лесу еще три дня, съел все, что у него было с собой, но выбраться из лесу ему не удалось.

Снова перед ним появился старик и спросил:

— Ну, как теперь? Обещаешь ли отдать мне то, что встретишь прежде всего на дворе?

Но царь заупрямился и на этот раз. Он продолжал бродить по лесу, пока наконец не свалился от усталости. Он ждал уже смерти. И вот в третий раз старик явился перед царем и сказал:

— Полно, перестань упрямиться! Неужели тебе так дорога какая-нибудь собака? Обещай исполнить мою просьбу и ты будешь спасен!

— Правда твоя, — ответил царь, — жизнь дороже тысячи собак! Я исполню твое желание, веди меня домой!

Не успел он вымолвить это, как лес остался позади, а вдали показался царский замок. Царь поспешил домой, и первое, что ему попало у ворот навстречу, была кормилица с его сыном, протягивавшим к отцу ручки. Царь вспомнил обещание, испугался, прикрикнул на кормилицу и велел унести поскорее ребенка.

Успокоившись, он приказал подменить своего сына дочерью одного крестьянина, и таким образом царевич попал в бедную хижину, а крестьянская дочь нежилась в роскошной колыбели и была одета в шелк.

Через год из леса явился старик и унес крестьянскую дочь, будучи уверен, что это

— царский ребенок. После этого царь устроил пир и богато одарил родителей взятого им ребенка, чтобы сын его, живший в крестьянской хижине, не терпел ни в чем недостатка. Взять сына к себе он все-таки не решался, опасаясь, как бы не открылась его хитрость. Крестьяне же были очень довольны обменом ребенка, так как не нуждались теперь ни в хлебе, ни в деньгах.

Когда царевич подрос, он поселился в родительском доме, но ни богатство, на увеселения не радовали юношу. Он узнал о своем прошлом и очень огорчился тем, что бедная невинная девушка должна была поплатиться за обещание, данное его отцом. В конце концов он решил отыскать девушку и освободить ее или погибнуть вместе с ней.

Для этого в один прекрасный день он переоделся крестьянином, взвалил себе на плечи мешок с горохом и отправился в тот самый большой лес, где отец его заблудился восемнадцать лет назад.

В лесу он стал жаловаться вслух:

— Ах я несчастный, ведь я заблудился! Кто же укажет мне дорогу из этого леса?!

И вот перед ним появился старик с длинной белой бородою, он приветливо поздоровался и сказал:

— Я знаю эту местность и могу, если ты обещаешь наградить меня, отвести тебя куда угодно.

— Какую же награду я, бедняк, могу предложить тебе, — отвечал царевич, — у меня нет ничего, даже платье мое принадлежит моему хозяину, которому я работаю за стол и одежду.

Старик заметил, однако, мешок на спине юноши и сказал:

— Кое-что у тебя есть, мешок-то за твоей спиной, по-видимому, не легок!

— В мешке этом горох, — ответил царевич. — У меня прошлую ночью скончалась тетка, и после нее не осталось даже на поминки гороховым киселем. Поэтому я и выпросил у хозяина меру гороха, а по дороге домой заблудился.

— Значит, ты — сирота? — сказал старик, видимо обрадованный. — А не хочешь ли поступить ко мне в работники? Мне как раз нужен работник, а ты мне нравишься.

— Что же, если мы сойдемся в цене, — сказал царевич, — я охотно пойду к тебе. Все равно, где ни работай, чужой хлеб везде не сладок. Какое же ты мне положишь вознаграждение?

— Во-первых, хороший стол — два раза в неделю мясное, во-вторых, две смены платья и две доли пахотной земли.

— Что же, на это я согласен, — сказал царевич.

Старик, по-видимому, очень обрадовался этой сделке, он закружился, как кубарь, на одной ноге, напевая веселую песенку. Затем вместе с новым работником он отправился в путь, не замечая, что его спутник каждые несколько шагов бросал из мешка по горошинке. Переночевав под елью, они на следующий день продолжали путь. Наконец, к вечеру, когда солнце освещало лишь верхушки деревьев, они пришли к большому камню. Старик остановился, громко свистнул и три раза топнул ногой. Тотчас же под камнем открылась потайная дверь, ведущая в подземелье. Старик

взял царевича за руку, приказав ему следовать за собою.

Они очутились в темноте, и юноше казалось, что они все время спускаются куда-то вниз. Через несколько минут стало светлее, хотя свет не был похож ни на солнечный, ни на лунный. Царевич взглянул вверх, но ни неба, ни солнца не было видно; какое-то матовое облако стояло над ними и слабо освещало новый, дикий мир. Земля, вода, деревья, трава, животные и птицы — все имело здесь особый вид, но более всего поражала удивительная тишина. Кое-где были видны птицы с вытянутыми шейками. Птички эти, судя по их вздутым горлышкам, пели, но ни одного звука не было слышно. Встречались собаки с раскрытой пастью, как будто лаявшие, но опять-таки лая не было слышно, быки вытягивали шеи и поднимали головы, как будто ревели, но все так же беззвучно. Вода текла по камням без журчания, ветер бесшумно качал верхушки деревьев, мухи и комары носились в воздухе без жужжания. Старик не говорил ни слова; царевич несколько раз пробовал заговорить, но чувствовал, что слова его всякий раз точно замирали на губах.

Путники долго шли по этой таинственной местности, и невольный страх все более охватывал царевича, волосы его точно шевелились, мурашки ползали по спине, как вдруг первый звук коснулся его слуха. Казалось, что целый табун лошадей хлюпает копытами в болоте. Старик в первый раз заговорил, чмокнув языком:

— Каша кипит, нас ждут дома!

Еще через несколько времени царевичу по-

казалось, будто он слышит шум лесопилки, где работают несколько дюжин пил. Спутник его тотчас сообщил ему:

— Это старая бабушка храпит в своем кресле.

Достигнув вершины холма, царевич заметил на недалеком расстоянии жилище своего нового хозяина.

Там было так много строений, что жилище это напоминало скорее маленький городок, чем владение одного человека. Около ворот стояла пустая собачья конура.

— Вползай сюда! — приказал старик. — И сиди смирно, пока я не сообщу бабушке о твоём приходе. Она очень капризна и не терпит чужих людей в доме.

Царевич, дрожа от страха, влез в конуру, он уже начал раскаиваться в своем предприятии, сулившем ему Бог весть какие приключения.

Несколько времени спустя хозяин вернулся, позвал его из конуры и сердито сказал:

— Теперь твердо запомни здешнее правило и строго соблюдай его, а не то тебе придется плохо:

Всему старательно внимай,
И что велят, то исполняй!
Но мысли про себя тай
И ничего не говори!

Войдя в дом, царевич тотчас увидел красивую девушку с карими глазами и густыми выющимися волосами.

"Если у старика такие дочери, — подумал он, — я не прочь бы сделаться его зятем".

Девушка молча накрыла на стол, подала ужин и скромно отошла к печке, не обращая, по-видимому, никакого внимания на юношу.

Она взяла чулок и стала вязать. Хозяин сел ужинать за стол, не приглашая ни работника, ни девушку; старуха-бабушка не показалась. Старик, по-видимому, был очень прожорлив; он быстро справился с таким ужином, которого хватило бы на дюжину обыкновенных едоков. Насытившись, он приказал девушке-служанке:

— Собери, что осталось на дне мисок, и ужинайте вдвоем с парнем, а кости оставьте собакам.

Царевич поморщился при мысли об объедаках, которые ему придется разделить со служанкою и двумя собаками. Но скоро утешился, убедившись, что и остатков от ужина старика довольно много; притом же они были и вкусны. Во время еды он все время взглядывал на свою соседку; ему очень хотелось заговорить с ней, но едва он собирался произнести слово, девушка останавливала его испуганным и умоляющим взглядом.

Поэтому он ограничился красноречивыми взглядами и ел с большой охотой, чем доставлял, по-видимому, удовольствие девушке.

Старик в это время отдыхал, растянувшись на лежанке.

После ужина он сказал царевичу:

— Два дня ты можешь отдыхать после дороги и старайся ко всему присмотреться. Но послезавтра вечером являйся ко мне, и я задам тебе работу на следующий день; мои работники всегда принимаются за работу раньше, чем я встану. Девушка укажет тебе твою комнату.

Царевич хотел было ему ответить, но старик грозно прикрикнул:

— Если ты нарушишь здешнее правило, то

голова твоя живо слетит с плеч. Молчи и отправляйся!

Девушка знаком указала юноше следовать за ней. Отворив одну дверь, она рукой пригласила его войти в комнату. Царевичу показалось, что у нее на глазах слезы, и ему хотелось поговорить с ней, но он не решался на это, боясь гнева старика.

"Не может быть, чтобы эта девушка была дочерью старика, — подумал царевич, — ведь у нее славное сердце. А чего доброго, она и есть та несчастная девушка, которую мой отец отдал лесовику и ради которой я решился на это безумное предприятие".

Долго юноша не мог заснуть, а когда заснул, ему грезились разные опасности, от которых он спасал красавицу девушку.

Утром его первой мыслью было подчиниться безмолвному руководству девушки. Он нашел ее уже за работой, помог ей накачать из колодца воды, наколоть дров и развести огонь. После обеда он обошел дом и службы и удивился, не видя нигде старухи-бабушки. В конюшне он увидел белую лошадь, а в хлеву — черную корову с белоголовым теленком; в других службах раздавались голоса гусей, уток, кур и других домашних птиц.

Ужин и во второй вечер был обилен и вкусен, и юноша мог бы примириться со своей участью, если бы не распоряжение о полном молчании.

Вечером на следующий день он пошел к старику за приказаниями.

Старик объявил ему:

— На завтра я даю тебе легкую работу. Возьми косу и накоси травы для белой лошади на целый день, да наблюдай, чтобы в ко-

нюшне было чисто. Если же я зайду в конюшню и найду ясли пустыми или увижу в конюшне сор, то тебе придется плохо. Берегись!

Царевич обрадовался.

"С такой легкой работой я, наверное, справлюсь, — подумал он, — хотя до сих пор я ни разу не брал косы в руки".

Он уже собирался ложиться спать, когда к нему тихо подошла девушка и шепотом сказала:

— Какую тебе назначили работу?

— На завтра работа не трудна — надо накосить травы для белой лошади и вычистить конюшню, вот и все.

— Ах, несчастный, — вздохнула девушка. — Тебе ни за что не справиться с этой работой. Белая лошадь, бабушка хозяина, — очень прожорливое животное, и двадцать работников едва могут накормить ее. Поэтому послушай мой совет и в точности исполни его. Когда положишь в ясли несколько охапок травы, на виду у лошади начинай вить из ивовых прутьев прочный намордник. Лошадь тотчас тебя спросит, зачем ты это делаешь, а ты отвечай: «Этот намордник я надеваю на тебя, если ты будешь чересчур много есть».

Сказав это, девушка быстро ушла, так что юноша не успел даже ее поблагодарить. Он еще раз повторил про себя слова девушки и заснул.

На следующее утро он отправился на работу.

Быстро накосил он несколько охапок травы. Положив первую из них в ясли, он отправился за второй, и когда вернулся, то к своему ужасу увидел, что ясли пусты, а пол ко-

нюшни покрыт сором. Тут он понял, что без совета девушки ему пришлось бы плохо, и решил немедленно воспользоваться советом. Он стал вить намордник, а лошадь повернула голову и спросила с удивлением:

— Зачем тебе, сынок, эта плетушка?

— Я вью намордник, — ответил царевич, — для того, чтобы скрутить тебе челюсти, если ты будешь есть чересчур много.

Белая лошадь вздохнула и тотчас перестала жевать.

Было уже за полдень, а у лошади в яслях все еще был корм. Когда хозяин пришел, он очень удивился, найдя все в порядке.

— Сам ли ты так догадлив или у тебя есть советники? — спросил он.

Сметливый царевич тотчас ответил:

— Сам я прост, а советников у меня нет.

Старик промолчал и ушел недовольный.

Вечером царевич снова отправился за приказаниями. Хозяин объявил ему:

— Завтра ты должен выгнать на пастбище белого теленка, но стереги его хорошенько; если он пропадет, тебе не миновать смерти.

"Десятилетние мальчишки часто пасут стада, — подумал царевич, — неужели я не устерегу теленка?!"

Перед сном девушка опять пришла к нему и спросила, какая работа дана ему на завтра.

— Ну, завтра я могу весь день лентяйничать, — сказал царевич, — мне приказано лишь пасти белого теленка.

— Ах, несчастный! — вздохнула девушка. — С этим делом без моего совета тебе опять не справиться. Ведь белый теленок бежит так, что в один день может обежать три раза вокруг света. Слушай, что я тебе скажу.

Возьми вот эту шелковую нитку и привяжи один конец к левой передней ноге теленка, а другой — к мизинцу своей левой ноги; и тогда теленок не уйдет от тебя, будешь ли ты ходить, сидеть или даже спать.

Девушка ушла, а царевич лег, досадуя, что опять забыл поблагодарить ее за добрый совет.

На другой день он в точности исполнил все, чему его научила девушка, и теленок на пастбище, как верная собака, ни на шаг не отходил от него. Вечером при заходе солнца он погнал теленка в хлев, здесь его встретил хозяин и сердито спросил:

— Сам ли ты так догадлив, или у тебя есть советники?

Сметливый царевич ответил:

— Сам я очень прост, а советников у меня нет.

Старик ушел, проворчав что-то про себя.

Поздно вечером юноша снова отправился к хозяину за приказаниями на следующий день. Старик дал ему мешок с ячменем и сказал:

— Завтра у тебя будет праздник, ты можешь выспаться, но зато эту ночь ты должен поработать хорошенько. Посей сейчас этот ячмень, он вырастет и созреет быстро; ты его немедля сожни и вымолоти, затем сделай солод, свари пиво и завтра утром подай мне кружку свежего пива. Смотри, в точности исполни приказание, не то заплатишься жизнью!

В тревоге и огорчении вышел из дома царевич и горько заплакал.

— Видно, настал мой последний день, — сказал он себе, — эту работу не выполнит

ни один человек, и даже умная девушка, наверное, не может ничего посоветовать мне в этом деле. Ах, зачем я так легкомысленно оставил дом и попал в такую беду?

Так горевал царевич, стоя с мешком ячменя. Вдруг дверь отворилась и к нему подошла добрая девушка. Она спросила, о чем он горюет.

— По-видимому, — отвечал он, — настал последний мой час. Придется нам проститься с тобой. Знай же, что я единственный сын могущественного царя, наследник обширного царства, и вот теперь пропало все!

Он с горькими слезами рассказал ей о новом приказании и удивился, что девушка слушала его совершенно спокойно. Когда он окончил рассказ, она, смеясь, сказала:

— Ну, не печалься, сегодня ночью можешь спать спокойно, мой милый царевич, да и завтра также отдыхай. Выслушай мой совет и не пренебрегай им. Возьми вот этот маленький ключик и отопри пустой сарай, в котором живут духи, подвластные лесовику. Брось им мешок с ячменем и в точности повтори приказание хозяина, а от себя прибавь следующее:

"Если вы хоть на волос отступите от моего приказания, то погибнете все; если же вам нужна помощь, то двери седьмого сарая будут открыты этой ночью и самые могущественные духи нашего хозяина помогут вам!"

Царевич в точности исполнил совет и лег спать. Когда на следующее утро он проснулся и зашел в пивоварню, он нашел там готовое пиво. Попробовав его, он наполнил кружку и принес пенящееся пиво хозяину, когда тот проснулся.

Вместо благодарности старик сердито сказал:

— Сам ты не мог этого сделать! Я вижу, что у тебя есть друзья и советники. Хорошо, сегодня вечером мы с тобой еще потолкуем!

Царевич весь день ничего не делал, а вечером пришел за приказаниями к хозяину. Последний на этот раз был очень весел и с хитрой усмешкой сказал:

— Я тобою доволен! Приходи завтра утром ко мне вместе со служанкой; я знаю, что вы любите друг друга, и я вас сосватаю.

Царевич чуть было не вскрикнул от радости, но спохватился, вспомнив строгое правило, и промолчал. Перед отходом ко сну он сообщил девушке о своем счастье, думая обрадовать и ее. Но каково же было его удивление, когда она тотчас же испугалась и побледнела!

Придя в себя, она сказала ему:

— Хозяин заметил, что я была твоей советницей, и потому хочет погубить нас обоих. Мы должны спастись бегством сегодняшней же ночью, иначе мы погибем. Возьми топор, иди в хлев, отруби белоголовому теленку голову и разрежь череп. В мозгу найдешь красный блестящий клубочек, принеси его мне, а о дальнейшем я позабочусь сама.

"Лучше погубить теленка, — подумал царевич, — чем гибнуть самому вместе с доброй девушкой; если нам удастся убежать, я отыщу дорогу домой на родину. Разбросанные мною горошины, наверно, уже взошли и укажут нам путь".

Он отправился в хлев. Корова лежала рядом с теленком, она спала и не заметила появления царевича. Царевич сделал все по

приказанию девушки, и, когда достал красный клубочек, в хлеву вдруг стало светло, как днем. Клубочек распространял вокруг себя яркий свет. Юноша осторожно завернул его в платок и положил за пазуху.

У ворот он нашел девушку, уже готовую в путь с узелком в руках.

— Где клубочек? — спросила она.

— Здесь! — сказал он, подавая ей платок.

— Теперь бежим скорее! — сказала она, выйдя из платка часть клубочка, чтобы его свет освещал им дорогу. Горох по дороге весь взошел, и сбиться с пути они не могли. Во время пути девушка рассказала ему, как однажды случайно из разговора между лесовиком и его бабушкой она узнала, что она царская дочь, взятая стариком у родителей, благодаря хитрости. Царевич лучше знал, как было дело, но промолчал, радуясь в душе, что ему удалось освободить бедную девушку. Путники прошли уже большое расстояние. Начинало светать.

Лесовик проснулся довольно поздно, долго протирает глаза и заранее смаковал удовольствие полакомиться за завтраком молодою парочкой. Он, очевидно, был людоед.

Прождав довольно долгое время, он сказал:

— Невеста что-то слишком долго наряжается!

В конце концов он потерял терпение и закричал:

— Эй, работник! Эй, служанка! Что же вы не идете?

Когда на его зов никто не откликнулся, он сердито встал с кровати и отправился искать слуг. В доме не оказалось никого; кстати, он заметил, что и постели не были смяты. Он по-

спешил в хлев, где, увидев, что теленок убит и клубочек похищен, он понял все, что случилось. Разразившись страшными проклятиями, он открыл дверь третьего сарая и послал подвластных ему духов на поиски беглецов.

— Достаньте их откуда хотите! — кричал он, и духи помчались с быстротой ветра.

Беглецы в это время находились как раз посреди большого луга. Здесь девушка вдруг остановилась и сказала:

— Творится что-то неладное! Клубочек дрожит и бьется в моей руке, за нами, должно быть, погоня.

Оглянувшись, она увидела тучу, быстро приближавшуюся к ним. Девушка повернула клубок три раза в руке, приговаривая:

— Клубочек, слушай мои слова! Я хочу сделаться ручейком, а юноша — маленькой рыбкой.

Превращение совершилось немедленно. Девушка обернулась в ручеек, а царевич поплыл рыбкой. Духи с шумом пронеслись над ними и через несколько времени вернулись, не тронув ни ручейка, ни рыбки. Как только погоня удалась, ручеек опять превратился в девушку, а рыба — в юношу. И они продолжали путь.

Когда уставшие гонцы вернулись с пустыми руками, лесовик спросил их, не заметили ли они во время погони чего-нибудь особенного.

— Нет, — был ответ, — разве вот ручеек, который протекал по лугу и в котором плавала рыбка...

— Ах, вы, глупцы! Да ведь это и были они, — яростно закричал старик. Он миготом отворил двери пятого сарая, выпустил оттуда ду-

хов и приказал им выпить весь ручеек и поймать рыбку. Духи помчались с быстротой ветра.

Беглецы в это время приближались к опушке леса, девушка вдруг остановилась и сказала:

— Что-то неладно! Клубочек опять бьется в моей руке. Должно быть, за нами погоня.

Они снова заметили надвигающуюся тучу, и она была еще чернее и грознее первой.

— Это погоня! — воскликнула девушка и, повернув три раза клубочек, произнесла: — Слушай, клубочек, что я тебе скажу! Пусть я сделаюсь розовым кустом, а юноша — розою-цветком!

Превращение совершилось немедленно. Девушка сделалась розовым кустом, а юноша розою. Гонцы с шумом пронеслись над ними и через несколько времени вернулись. Не найдя ни ручейка, ни рыбки, они не обратили никакого внимания на розовый куст. Когда погоня исчезла, куст и роза снова превратились в девушку и юношу и продолжали путь.

— Что же, нашли вы их? — грозно спросил старик, когда его помощники-духи вернулись, запыхавшись.

— Нет, — был ответ, — мы не нашли ни ручейка, ни рыбки.

— А не заметили ли вы по дороге чего-нибудь особенного?

— Нет, ничего. Вот разве — у лесной опушки стоял дикий розовый куст, а на нем росла роза.

— Ах, вы, глупцы! — закричал старик. — Ведь это и были они!

Он отпер двери седьмого сарая и выслал на поиски самых опытных помощников.

— Достаньте мне их живыми или мертвыми! Вырвите этот проклятый розовый куст с корнем из земли и вообще забирайте с собой все, что только покажется вам подозрительным!!! — кричал старик.

Духи умчались с быстротою ветра. Беглецы в это время как раз отдыхали в лесу, подкрепляясь пищей. Вдруг девушка воскликнула:

— Что-то неладно! Клубочек так и рвется у меня из рук. За нами, наверно, гонятся, и опасность уже близка. Попытаю в последний раз счастья! — она повернула клубочек три раза в руке, говоря: — Клубочек, слушай, что я тебе скажу! Пусть я сделаюсь воздухом, а юноша — комариком!

Превращение совершилось тотчас же. Девушка превратилась в воздух, а царский сын — в комара. Духи с шумом пронеслись мимо и через несколько времени вернулись, не найдя розового куста и не заметив ничего подозрительного. Как только они исчезли, воздух опять превратился в девушку, а комар — в юношу.

— Теперь нам надо спешить! — сказала девушка. — Не то явится сам старик, а он узнает нас во всяком виде.

Пробежав еще несколько верст, они достигли подземного хода и поднялись вверх, освещая себе дорогу клубочком. Изнемогая от усталости, они добрались до большого камня. Здесь девушка снова повернула клубочек три раза, говоря:

— Клубочек, слушай, что я тебе скажу! Подними этот большой камень.

Камень тотчас же поднялся, и они благополучно выбрались на Божий свет.

— Слава Богу, — сказала девушка, — теперь

мы спасены. Сюда власть лесовика не простирается, а от его хитростей мы сумеем защищаться. Теперь, мой друг, нам надо расстаться — ты ступай к своим родителям, а я пойду к своим!

— Нет, — отвечал царевич, — я с тобой не расстанусь, ты должна идти со мной и стать моей женой. Ты делила со мной горе, должна разделить и радость.

Девушка долго не уступала, но в конце концов согласилась. По дороге они встретили дровосека и узнали от него, что во дворце и во всей стране все очень горюют о царевиче, пропавшем недавно без вести.

С помощью клубочка девушка доставила царевичу его прежнее одеяние, чтобы он мог явиться к отцу. Сама она пока осталась в крестьянской одежде.

Однако оказалось, что старый царь уже скончался. На смертном одре он раскаялся в том, что отдал лесовику невинную девушку, и полагал, что наказан за это тем, что у него пропал сын.

Добрый царевич горько оплакал смерть отца. На четвертый день по своем возвращении он, вступая на престол, собрал советников и рассказал им про удивительные приключения в жилище лесовика и про то, как умная девушка спасла ему жизнь.

Тогда советники единогласно решили:

— Она должна стать твоей супругой!

Когда молодой царь отправился за своей невестой, он нашел ее в роскошном наряде с блестящей свитой. Затем была отпразднована пышная свадьба; пир продолжался четыре недели, а новобрачные много лет прожили в счастье и довольстве.

БЕЛАЯ УТОЧКА

(русская народная сказка)

Один князь женился на прекрасной княжне и не успел еще на нее наглядеться, не успел с нею наговориться, не успел ее послушаться, а уже надо было им расстаться, надо было ему ехать в далекий путь, покидая жену.

Много плакала княгиня, много князь ее уговаривал не покидать высокого терема, не ходить на беседу, худых речей не слушаться. Княгиня обещала все исполнить. Князь уехал, она заперлась в своем покое и не выходит.

Долго ли, коротко ли, пришла к ней женщина, казалось — такая простая, сердечная.

— Что, — говорит, — ты скучаешь? Хоть бы на Божий свет поглядела, хоть бы по саду прошлась, тоску размыкала, голову освежила.

Долго княгиня отговаривалась, наконец подумала: "По саду походить не беда" — и пошла. В саду протекала ключевая хрустальная вода.

— Что, — говорит женщина, — день жаркий, солнце палит, а водица студеная — так и плещет; не выкупаться ли нам здесь?

— Нет, нет, не хочу! — ответила княгиня, а потом подумала: "Ведь выкупаться не беда!" Скинула сарафанчик и прыгнула в воду. Только окунулась, женщина ударила ее по спине:

— Плыви ты, — говорит, — белою уточкой!

И поплыла княгиня белою уточкой.

Ведьма тотчас нарядилась в ее платье, убралась и села ожидать князя. Только щенок вякнул, колокольчик звякнул, она уже бежит навстречу, бросаясь к князю, целует, милует. Он обрадовался и не распознал ее.

А белая уточка нанесла яичек, вывела деточек, двух хорошеньких, а третьего заморыша, и деточки ее вышли — ребяточки, она их вырастила, стали они по речке ходить, рыбку ловить, лоскутики собирать, кафтанчики сшивать, да выскакивать на бережок, да поглядывать на лужок.

— Ой, не ходите туда, дети! — говорила мать.

Дети не слушали; нынче поиграют на травке, завтра побегают по муравке, дальше-дальше и забрались на княжий двор.

Ведьма чутьем их узнала, зубами заскрипела; вот она позвала деточек, накормила, напоила и спать уложила, а сама велела разложить огонь, навесить котлы, наточить ножи.

Легли два братца и заснули, а заморыш не спит, все слышит, все видит. Ночью пришла ведьма под дверь и спрашивает:

— Спите вы, детки, или нет?

Заморыш отвечает:

— Мы спим — не спим, думу думаем, что хотят нас всех зарезать; огни кладут калиновые, котлы висят кипучие, ножи точат булатные!

— Не спят!

Ведьма ушла, походила, походила, опять под дверь:

— Спите, детки, или нет?

Заморыш опять говорит то же:

— Мы спим — не спим, думу думаем, что хотят нас всех зарезать; огни кладут калиновые, котлы висят кипучие, ножи точат булатные!

"Что же это все один голос?" — подумала ведьма, отворила потихоньку дверь, видит: оба

брата спят крепким сном, тотчас обвела она их мертвой рукой, и они померли.

Поутру белая уточка зовет деток, детки не идут. Зачуяло ее сердце, встрепенулась она и полетела на княжий двор. На княжем дворе белы, как платочки, холодны, как пласточки, лежали братцы рядом. Кинулась она к ним, бросилась, крылышки распустила, деточек обхватила и завопила:

Кря, кря, мои деточки!
Кря, кря, голубяточки!
Я нуждой вас выхаживала,
Я слезой вас выпаивала,
Темну ночь недосыпала,
Сладок кус недоедала.

— Жена, слышишь небывалое? Утка приговаривает.

— Это тебе так чудится! Велите утку со двора прогнать!

Ее прогоняют, она облетит да опять к деткам:

Кря, кря, мои деточки!
Кря, кря, голубяточки!
Погубила вас ведьма старая,
Ведьма старая, змея лютая,
Змея лютая, подколодная,
Отняла у вас отца родного,
Отца родного — моего мужа,
Потопила нас в быстрой реченьке,
Обратила нас в белых уток,
А сама живет — величается!

"Эге!" — подумал князь и закричал:

— Поймайте мне белую уточку!

Бросились все, а белая уточка летает и никому не дается; убежал князь сам, она к не-

му на руки пала. Взял он ее за крылышко и говорит:

— Стань белая береза у меня позади, а красная девица впереди!

Белая береза вытянулась у него позади, а красная девица стала впереди, и в красной девице князь узнал свою молодую княгиню.

Тотчас поймали сороку, подвязали ей два пузырька, велели в один набрать воды живящей, в другой — говорящей; сорока слетала, принесла воды. Сбрызнули деток живящею водою — они встрепенулись, сбрызнули говорящею — они заговорили. И стала у князя целая семья, и стали все жить-поживать, добро наживать, худо забывать.

А ведьму привязали к лошадиному хвосту, размыкали по полю; где оторвалась нога — там стала кочерга, где рука — там грабли, где голова — там куст да колода; налетели птицы — мясо поклевали, поднялись ветры — кости разметали, и не осталось от ней ни следа, ни памяти!

В ЦАРСТВЕ СКАЗКИ

(шотландская сказка)

— Скажи мне, огонек, — прошептала маленькая Даша, — куда ты денешься, когда потушат свечку?

Давно уже, лежа в постельке, Даша наблюдала за маленьким огоньком свечки. Он как раз колыхался в ту минуту, когда Даша обратилась к нему с таким вопросом.

Затем Даша закрыла глазки и начала было засыпать, как вдруг услышала около своей кровати тоненький голосок:

— Вот так странно! Со мной заговорили в первый раз!

Даша с удивлением открыла глаза, приподнялась на постели, и что же она увидела?! У огонька на свечке оказались головка, ручки, ножки, тонкие, как булабочки.

— Вот удивительно! — воскликнула Даша. — Ведь огонек-то живой!

— Ну, конечно! — сказал Огонек и весело заплясал на свечке.

— Но я совсем не знала, что огонек умеет говорить, — сказала Даша с серьезным видом.

— Собственно говоря, я этого и не умею, — отвечал тонкий голосок, — по крайней мере, не всегда умею! И даже те из нас, которым разрешается говорить, могут это сделать лишь в том случае, когда им зададут какой-либо вопрос.

— Правда? — прошептала Даша, и ее голубые глазки стали еще больше от удивления.

— Да, — продолжал Огонек, кивнув головой, — я, например, горел уже на сотнях свечей, но до сих пор никто со мной еще не заводил разговора. Вероятно, это никому не приходило в голову, — прибавил он грустно.

— Тогда я очень рада, что сделала это, — весело улыбнулась Даша.

— Благодарю тебя! — сказал Огонек, посылая ей воздушный поцелуй своими тонкими ручками.

— Но скажи мне, — задумчиво повторила Даша, — куда ты деваешься, когда тушат свечку?

— Я ухожу в обои — вот здесь около твоей кровати, — не задумываясь ответил Огонек.

Даша повернула головку и стала внимательно рассматривать картины на обоях де-

тской, где она спала. Здесь были воины и дамы, замки и леса, горы и долины; ехала большая карета, запряженная вороными конями, а вот здесь была фея, великан, далее — принц в роскошном голубом наряде. Внизу, около ножек кровати, был изображен большой-большой кубарь.

Но интереснее всего было то, что обои точно переливались всевозможными цветами, даже серебряными и золотыми. Да, это были удивительно красивые обои!

— А почему ты уходишь непременно в обои? — спросила Даша, обращаясь снова к Огоньку.

— Потому что я там живу, когда у меня не бывает работы, — отвечал Огонек.

— Ах, как это занимательно, точно в сказке! — воскликнула Даша.

— Да ведь это и есть царство сказок, — отвечал Огонек.

— Царство сказок? Так, значит, обои, в которых ты живешь, царство сказок?

— Ну конечно! — ответил огонек. — Мы все переселяемся в царство сказок, когда только потушат свечку.

Даша рассмеялась.

— Какие чудеса ты рассказываешь! — воскликнула она. — Ведь обои — это просто раскрашенная бумага, и я хорошо знаю все эти картины, потому что вижу их каждый день.

— Если тебе это известно лучше, — прервал ее обиженный Огонек, — так, пожалуй, не верь мне. — При этом он с унылым видом стал подергивать плечами, так что Даша встревожилась.

— Ну, милый Огонек, перестань, пожалуй-

ста, — сказала она, — я, право, не хотела тебя обидеть.

Услыхав эти слова, Огонек перестал подергивать плечами и снова улыбнулся.

— Если ты обещаешь никому не проговариваться об этом, то я как-нибудь возьму тебя с собой в царство сказок, чтобы убедить, что я говорил правду, — заметил Огонек.

— Как это хорошо, а когда ты это сделаешь? — спросила Даша, волнуясь от нетерпения. — Теперь? Сейчас?

— Как только твоя мама меня потушит. Обыкновенно я тогда сейчас же ухожу в обои, но сегодня вечером я подожду тебя и мы отправимся вместе.

— Ах, какой ты добрый! — в восторге воскликнула Даша.

— Я сделаю это с большим удовольствием, — вежливо заметил Огонек, — но слушай внимательно! Когда мама закроет тебя одеяльцем и потушит меня, лежи смирно, пока я не приду и не коснусь твоей щечки, поняла?

— Отлично! Отлично! — И Даша от радости захлопала в ладоши. — Но скажи мне, — продолжала она, разглядывая обои, — как же мы попадем в царство сказки?

Огонек указал на обои:

— Вот смотри вниз направо, как раз около твоей подушки. Мы войдем прямо в этот лес.

— Как это странно, — прошептала Даша и стала внимательно рассматривать лес.

— Тише! Тише! — шепнул ей Огонек. — Идет твоя мама. Не говори ей ни слова о том, что я сказал тебе.

Действительно, в эту минуту в комнату вошла мама Даши; старательно закрыв дочку

одеялом, она поцеловала ее, потушила свечку и ушла.

После ее ухода Даша лежала смирно, не без тревоги ожидая, придет ли за ней Огонек. Или он уже ушел в царство сказок без нее? Вдруг она почувствовала слабое прикосновение, как будто щеку ее задела муха.

— Вот и я! — раздался тоненький голосок. — Ты готова?

— Да! — воскликнула Даша в сильном волнении.

В комнате было так темно, что ничего не было видно; Даша сбросила одеяло и встала в кроватке. Вдруг она почувствовала, что сделалась меньше ростом, еще меньше и наконец стала не больше одного вершка. Сперва она никак не могла примириться с этим, особенно когда заметила, что подушка возвышалась перед ней, как высокая гора. Она очень перепугалась:

— Посмотри, какой я стала маленькой! — воскликнула она.

— Так и следует, — раздался голос Огонька справа от нее. — Я нарочно сделал тебя такою. Разве ты могла бы попасть в царство сказок, если бы сохранила свой прежний рост? Теперь ты меньше меня. Идем скорее, нельзя терять времени. Давай руку, прежде всего надо взобраться на подушку!

— Почему же я тебя не вижу? — спросила Даша, ища в темноте руку Огонька и взбираясь на подушку.

— Я надел свой темный наряд, — объяснил ей Огонек.

В эту минуту из-за туч выглянула луна и осветила подушку, на которой они стояли. Огонек в темном платье был далеко не так

красив, на голове у него была черная остроко-
нечная шапочка.

Когда они дошли до угла подушки, приле-
гавшего к стене, Огонек выпустил руку Даши
и сказал:

— Ну, теперь приготовься прыгнуть!

— Прыгнуть! — воскликнула Даша. — Куда
же?

— Ну, конечно, прямо в лес, — сказал Ого-
нек, указывая на изображенный на обоях лес.

— Ах, нет, я боюсь, я не могу! — закричала
Даша, отшатнувшись назад.

— Глупости! — ответил Огонек. — Держись
крепче за мою руку и когда я скажу: "раз, два,
три!", прыгай смело. Понимаешь?

— Да! — сказала Даша дрожащим голосом.

— Ну, готова? — спросил Огонек, схватив
ручку Даши и крепко сжав ее. — Раз, два, три!

Даша стиснула зубки, закрыла глаза и
прыгнула.

Не успела она опомниться, как уже очути-
лась в большом лесу, среди громадных
деревьев. Птички пели в ветвях над ее голо-
вой, солнечные лучи золотили листву.

— Ну, вот мы и на месте! — воскликнул
Огонек. — Что ты на это скажешь?

ЛЕСНОЙ ЦАРЬ

— Какая прелесть! — воскликнула Даша.
— Как здесь дивно хорошо! — И она с ра-
дости пустилась в пляс.

Затем она заметила две вещи, очень уди-
вившие ее. Во-первых, что, в сравнении с
окружавшими деревьями, она была теперь
снова обыкновенного роста, а во-вторых: что
на ней было самое нарядное из ее платьиц и

красные башмачки с серебряными пряжками,
шляпы на голове не было.

Она только что собралась спросить Огонь-
ка, куда же делась ее рубашечка, как вдруг ус-
лыхала за собой густой хриплый голос:

— Эй, вы! — говорил он. — Кто вы такие?

Даша обернулась и увидела громадный дуб,
грустно опиравшийся на толстую дубину и не-
доверчиво оглядывавший их.

Лицо Дуба от старости было все в морщи-
нах. Он был величествен.

— А, здравствуйте! — воскликнул Огонек и
низко поклонился, приподняв шапочку.
— Здравствуйте, ваше величество!

Дуб продолжал мрачно глядеть на Дашу.

— Позвольте мне, пожалуйста, ввести сю-
да, в ваши владения, мою добрую приятельни-
цу, — продолжал Огонек почтительным голо-
сом. Затем он обратился к Даше, говоря:

— Даша, это лесной царь, самый мудрый и
благородный из царей.

Слова эти так польстили старому царю,
что на лице его появилась приветливая улыб-
ка.

— Я вижу, ты хорошо меня знаешь! — воск-
ликнул он.

— Конечно, — ответил Огонек, — поэтому
я хотел обратиться к вам с просьбой.

— В чем она заключается? — спросил царь,
снова нахмурившись.

— Вот видите ли, ваше величество, мы с
моей спутницей очень желали бы ранее на-
ступления вечера достигнуть сапфирового
дворца, но так как мы заблудились...

— Ну, в этом я могу вам помочь, — прервал
его царь. — Иди вон по той дороге, затем
сверни направо — на сорок четвертую дорогу,

потом налево — на шестьдесят шестую, потом опять направо — на тридцать третью и снова налево — на семьдесят седьмую, и тебе останется до замка не более двух миль.

— Это совершенно верно! — подтвердил с улыбкой Огонек. — Но, ваше величество, моя маленькая приятельница после такого далекого пути очень устанет, и она смеет надеяться, что ваше величество по своей доброте поможет ей.

— Чего же ты от меня хочешь? — снова сказал царь.

— Мы думали, что вы будете так добры сделать распоряжение, чтобы край леса сам пришел сюда к нам.

— Многого захотел, — проговорил старый царь, — сознайся, что требование твое довольно нескромно.

— Маленькое путешествие для лесных деревьев очень полезно! — заметил Огонек. — Кроме того, было бы очень приятно видеть, что деревья повинуются вам, как армия вождю.

— Правда? — сказал царь с приветливой улыбкой. — Ну хорошо, я доставлю вам это удовольствие.

Он застучал о землю дубиной, и внезапно по всему лесу воцарилась глубокая тишина, даже травы и цветы перестали шептать и все внимали словам старого царя.

Царь возвысил голос так, что гул пронесся по всему лесу. Он стал отдавать распоряжения, но язык их был непонятен Даше.

Все деревья вдруг пришли в движение и побежали — некоторые в одиночку, другие группами — вдвоем и втроем; тут были все-

возможные породы, старые и молодые, красивые и уроды, тонкие и толстые.

Весь лес от самой молодой березки и до самого дряхлого дуба пришел в движение, даже цветы и кусты весело бежали мимо, только сам царь стоял неподвижно подле своих маленьких гостей.

— Скорей, скорей бегите! — кричал он. И деревья мчались так, что дрожала земля. Хотя лес был длиною в целую милю, все-таки Даша уже видела его конец. Вот мимо них пронеслось последнее дерево, и Даша с Огоньком очутились среди обширной равнины, над которой возвышались высокие голубые горы.

— Стой! — крикнул царь, и деревья немедленно остановились как вкопанные.

— Ну вот, — сказал царь, — теперь вы достигли конца леса, не сделав сами ни шага. Вот идет дорога к сапфировому дворцу. Прощайте! Счастливого пути!

— Прощай! Прощай! — крикнули Даша и Огонек, отправляясь далее. — Спасибо!

Обернувшись, они увидели, как старый царь медленно брел назад в лес.

ГОСПОДИН КУБАРЬ

Дорога, на которой они стояли, была длинная, извилистая и терялась вдали между горами.

— Теперь мы идем к молодому Сапфиру, — сказал Огонек. — Это красивейший принц во всей сказочной стране, к тому же он молод и богаче всех, дворец его построен из драгоценных камней.

— А далеко это отсюда? — спросила Даша.

— Не особенно! — ответил ее спутник.

— Как только мы перейдем через горы, сейчас же увидим сапфировый дворец.

— Но мы, пожалуй, не успеем вернуться к утру домой? — тревожно спросила Даша.

— Не беспокойся, — ответил Огонек.

— Один час в действительном мире равняется дню в царстве сказок.

Дойдя до поворота дороги, они увидели впереди себя чью-то странную фигуру.

— А, Кубарь! — в восторге воскликнула Даша. — Кубарь, который у нас дома нарисован на обоях!

— Тише! — успокоил ее Огонек. — Это господин Кубарь.

Даша с изумлением смотрела на приближавшегося Кубаря. У него был очень странный вид. Голова имела форму большой грушки. Красивый бант, завязанный на тонкой шее, служил ему одновременно и галстуком и жилетом, так как у него совсем не было туловища.

Громадная голова его была совсем лысой, на ней была надета набекрень маленькая круглая шапочка, а в левом глазу вставлено было стеклышко. В одной из своих ручек он держал тросточку, а в другой — кружевной платочек.

Но замечательнее всего было то, что у него была только одна нога; на ней был желтый шелковый чулок и красный башмак с золотой пряжкой. В общем, у Кубаря был очень жизнерадостный вид.

Вместо того, чтобы шагать, как все другие, он двигался вперед, прыгая на одной ножке.

Подойдя к нашим путешественникам, Кубарь отвесил им поклон, причем все лицо его озарилось веселой, добродушной улыбкой.

— Здравствуйте! — весело крикнул он.

— Могу ли узнать, что привело мою маленькую приятельницу в царство сказок?

— Мы хотим посетить принца Сапфира, — ответил Огонек.

— О, принц вам, наверно, понравится, он очень мил и любезен. Берегитесь только Железного Великана.

— Железного Великана? — воскликнула Даша в испуге.

— Да, он со своей Великаншей только что возвратился домой; так мне, по крайней мере, сказал вчера мой друг пестрый козел, что живет рядом с ними. Он передавал мне, что сегодня утром из труб железного замка поднимался дым. Значит, это верно.

— Ну, в таком случае, нам надо быть осторожными, — заметил Огонек.

— Как же нам быть? — воскликнула перепуганная Даша. — Где живет это чудовище?

— Недалеко отсюда, — ответил Кубарь. — Его замок как раз за этими горами. Но видели ли вы когда-нибудь, как я кружусь и танцую?

Даша отрицательно покачала головой.

— Так смотрите, — сказал он. Он отскочил на шаг назад и стал медленно вертеться на своей единственной ноге, напевая песенку.

Все быстрее и быстрее кружился Кубарь, так что наконец нельзя было различить ни его тросточки, ни платочка.

Кружась и напевая, он исчез из глаз, не простившись ни с Дашей, ни с Огоньком.

— Какой он смешной! — воскликнула Даша. — Не правда ли?

— Правда, он очень забавен, — сказал Ого-

нек. — Его можно встретить всюду в царстве сказок. Надеюсь, мы скоро опять увидимся с ним.

— И я бы очень этого желала! — сказала Даша. — Но как бы нам не попасться на глаза Великану!

— Ну, это не так страшно! — успокаивал ее Огонек. — Я все время буду с тобой, если только ночью никто не войдет в твою комнату, чтобы зажечь свечку на ночном столике.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросила встревоженная Даша.

— Да то, что в таком случае мне нужно будет поскорее вернуться, чтобы вовремя попасть на свечку. Если я запоздаю хоть раз, то навсегда буду изгнан из царства сказок.

— Но как же ты узнаешь, что кто-нибудь собирается зажечь спичку?

— Это вовсе не трудно. Лишь только кто-нибудь коснется коробки спичек, меня, где бы я ни находился, сейчас же охватывает нервная дрожь, и я спешу в комнату, где стоит моя свечка, на тот случай, если ее вздумают зажечь.

— Ну, это не особенно приятно, — сказала Даша. — Значит, если кто-нибудь будет зажигать спичку, нам надо сейчас же спешить домой?

— По крайней мере — мне, — ответил Огонек. — Ведь ты не можешь поспеть за мной.

— Как?! — испуганно спросила Даша. — Так ты, пожалуй, убежишь и оставишь меня здесь одну?

— К сожалению, ничего иного нельзя сделать, — сказал Огонек. — Но ведь я скоро вернусь бы опять. Не горюй, — прибавил он, — до завтрашнего утра, наверное, никто не

войдет в твою комнату, а до тех пор мы уже вернемся назад. Ведь один час наяву — все равно что целый день в царстве сказок.

Не успел Огонек вымолвить этих слов, как в ужасе схватился за голову и задрожал всем телом.

— Что с тобой? — спросила Даша, вглядываясь с испугом в его бледное личико.

— Спички! — закричал отчаянным голосом Огонек. — Спички! Кто-то взял спички. Мне надо лететь. Не бойся, я скоро вернусь!

И прежде чем Даша успела вымолвить слово, Огонек быстро понесся по дороге и скоро исчез из виду.

В первую минуту бедная Даша остолбенела от неожиданности и ничего не могла сообразить; потом она вынула из кармана маленький платочек и стала плакать. В конце концов она вытерла глазки и побежала назад по дороге в надежде встретить Кубаря, но он исчез бесследно, и Даша увидела себя одинокой и покинутой.

— Ничего, — попробовала она утешить себя, — Огонек, наверное, скоро вернется! Хотелось бы мне знать, поспел ли он вовремя. Ведь на то, чтобы зажечь спичку, требуется очень мало времени.

Потом она вспомнила слова Огонька, что один час наяву равняется целому дню в царстве сказок, следовательно и одна минута на яву должна быть довольно продолжительной здесь.

Вдруг ей пришла в голову ужасная мысль: кто же мог зажигать свечку? Ведь если кто вошел в ее спальню, он должен был увидеть, что ее кровать пуста!

— Как тут быть? — воскликнула она в

тревоге. — А вдруг свечу оставят гореть всю ночь, тогда Огонек вернется сюда лишь через несколько дней, а может быть, и совсем не вернется, и мне придется навсегда остаться в царстве сказок.

При этой мысли Даша собиралась снова заплакать, но ей пришло в голову, что поблизости должен быть принц Сапфир.

"Он мне поможет, — подумала она, — он храбр и добр; я сейчас же отыщу его дворец и все расскажу ему".

И она не медля продолжала путь к большим голубым горам.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕЛИКАН

На повороте в долину она вдруг остановилась и невольно заслонила глаза рукой: на горе, окруженной железными стенами, стоял перед ней громадный дворец из блестящего металла, который так ярко сверкал на солнце, что было больно смотреть.

— Железный замок, — вскрикнула Даша, — жилище Железного Великана! — Она побледнела от страха и задрожала.

Присмотревшись, она стала рассматривать дворец, прикрывая глаза рукой. Жилище это было по крайней мере в двести раз больше самого большого дома, какой ей когда-либо приходилось видеть, и она с удивлением спрашивала себя, какого же роста должен быть жилец подобного дома, как вдруг раздался страшный шум и рев. Большие железные ворота дворца распахнулись, и оттуда выбежала Великанша.

Лицо ее было бледно, а глаза дико сверка-

ли. В руке у нее была суповая ложка величиною с лопату.

За ней гнался Великан. Он ревел, как буря на море. Громадное лицо его побагровело от гнева, и глаза сверкали, как раскаленные угли.

— Ты испортила мне обед! — ревел он таким ужасным голосом, что его можно было принять за громовые удары.

— Ты сожгла мне быков и пережарила овец!

Потрясая громадными кулаками, он гнался за Великаншей вниз по горе.

Даша тотчас же понял, почему его называют Железным Великаном. Весь его наряд от шлема до сапог был из железа.

Догнав жену, Великан вырвал из земли молодое дерево, обломал сучья и стал бить ее этой дубинкой.

Даша дрожала с головы до ног и была не в состоянии двинуться с места. Когда Великан остановился, чтобы передохнуть, взгляд его упал на хорошенькую девочку в красном платье, глядевшую на него широко раскрытыми глазами.

— Га! — заревел он, указывая пальцем на бедную Дашу.

Он выпустил Великаншу и пригласил ее взглянуть на крошечное существо перед ними.

Увидев Дашу, Великанша разразилась таким смехом, что бедная малютка, громко вскрикнув, повернула и побежала с горы в долину.

Напрасно, однако, думала она уйти от Железного Великана, гнавшегося за ней по пятам с таким грохотом, будто громыхали сто цепей.

Два раза он протягивал свою огромную

руку, чтобы схватить Дашу неуклюжими толстыми пальцами, но боялся раздавить ее и потому давал ей возможность пробежать еще немного. Наконец бедная Даша запыхалась и должна была остановиться. Великан тотчас снял шлем и накрыл ее им, так что ей показалось, будто она попала в железную тюрьму.

Она слышала, как снаружи Великанша говорила со своим мужем, потом ее тюрьма открылась, ее подняли наверх и она очутилась на громадной ладони Великана. Что случилось затем, Даша не могла рассказать, так как от испуга лишилась чувств. Когда она снова пришла в себя, она оказалась в просторной кухне, где Великан с женой шептались о чем-то в углу.

"Это, наверно, дворцовая кухня", — подумала Даша, глядя на громадные столы, на которых стояли тарелки величиной с колесо и на огонь, пылавший в печке. Она с ужасом ожидала, что с ней будет.

Вдруг дверь отворилась и в кухню вошла кошка ростом с добрую корову.

— Ой, — вскрикнула Даша и вскочила с места при виде этого животного.

Кошка, у которой были громадные зеленые глаза, старательно закрыла за собой дверь лапами и медленно прошла по кухне. Увидев Дашу, она остановилась и удивленно посмотрела на нее. Потом она под села к огню и стала умываться лапами.

Между тем Великанша с мужем перестали шептаться и разговаривали вслух.

— Говорю тебе: котлеты! — кричала Великанша.

— А я говорю: паштет! — ответил муж,

взглянув при этом на Дашу и облизывая свои толстые губы.

— Котлеты, паштет! — в ужасе прошептала Даша. — Неужели они говорят про меня?

— Говорю тебе, что я хочу паштет! — ревел Великан.

— Ну, хорошо, — сказала Великанша, — но тогда ты должен мне помочь набрать сладких кореньев.

Они вышли вместе из кухни и заперли за собой дверь.

Бедная Даша! Вспомнив о папе, маме и даже о Кубаре, она готова была разразиться слезами, как вдруг услышала голос вблизи себя:

— Вот ты и попала в ловушку!

Даша быстро подняла голову и увидела перед собой громадную кошку.

— Я говорю, что ты попала в ловушку, — повторила та.

— Да, к несчастью, это правда! — вздохнула Даша.

Она старалась говорить спокойно, но голос ее все-таки дрожал.

— Что они сделают теперь со мной? — спросила она, заметив, что кошка сама не выражает более желания продолжать разговор.

— Паштет! — сказала кошка. — Паштет к ужину.

Даша горько зарыдала, так что кошка сжалась над ней и погладила ее лапой по голове:

— Не плачь, лучше расскажи мне все, как было.

— Хорошо, — вздохнула Даша, утирая слезы. — Я расскажу тебе все! А как тебя зовут?

— Черноголовкой, — ответила кошка.

Затем Даша рассказала ей всю историю про обои, Огонек и про все, что случилось с тех пор, как она покинула свою постельку.

— Отлично, — сказала кошка, когда Даша окончила рассказ. — Хотя я не знаю никаких обоев и никакого Огонька и это тебе, вероятно, приснилось, но ты мне нравишься, я постараюсь спасти тебя, хотя бы с опасностью для собственной жизни.

Она подошла к двери и некоторое время стояла, прислушиваясь.

— Пока все идет хорошо! — сказала она наконец. — Бери свой шелковый пояс и связывай его концы. Только скорее, скорее!..

Даша дрожащими руками исполнила ее приказание, а кошка в это время открыла дверь. В сенях она прилегла на пол и велела Даше лезть к ней на спину.

— Влезай, перекинь свой пояс мне через голову и вложи его в рот, как удила, а затем держись за него крепко, как за поводья.

Едва Даша успела взобраться на спину кошки, как поблизости уже раздался голос Железного Великана. Он кричал жене:

— Иди скорей! Я голоден!

— Держись крепче! — крикнула кошка. Она поднялась на ноги, выбежала из двери и едва на сбила с ног своих хозяев, возвращавшихся с набором ароматных кореньев.

— Что я вижу?! — заревел Великан. Он медленно выхватил железный меч и замахнулся на кошку и сидевшую на ней девочку.

Но прежде чем он успел нанести удар, кошка выпрыгнула через открытое окно в сад и помчалась с Дашей вниз по горе. Великан, размахивая мечом, гнался за ними, но кошка бежала быстрее его.

Даша не знала сама, как она усидела на спине кошки, тогда та неслась с ней по горам, прыгала через рытвины, канавы и упавшие деревья. Она крепко держалась одной рукой за поводья, другой за длинную шерсть Черноголовки.

Скоро великан отстал от них, и стук его громадных железных сапог остался позади.

Спустя еще несколько времени он исчез из виду и Даша почувствовала себя спасенной.

ПУГОВИЦА

У опушки леса кошка остановилась; Даша обняла ее и слезла.

— Теперь мне надо вернуться домой, — сказала кошка. — Я проголодалась после далекого пути, а здесь я не найду ничего съестного.

— Но разве ты не боишься, что тебя убьют Великан и его жена за то, что ты спасла меня? — спросила испуганная Даша.

— Нет, я этого не думаю, — сказала кошка. — Это было бы невыгодно им самим, поэтому обо мне не беспокойся.

— Хорошо. Но как же мне попасть во дворец принца Сапфира? — спросила Даша. — Не можешь ли ты указать мне дорогу?

— Иди прямо лесом, а потом вдоль цепи гор, — сказала кошка, — но сперва отдохни здесь.

— Благодарю тебя, милая, дорогая Черноголовка! Лучше я отправлюсь сейчас же, чтобы попасть туда до ночи, ведь уже начинает смеркаться.

Кошка все-таки успела побывать на нескольких деревьях и нарвала Даше яблок и

слив, потом они нежно простились и кошка умчалась с быстротой ветра.

Даша вошла в лес и направилась по пути, указанному кошкой. Однако, как она ни торопилась, ночь застала ее в лесу. Сквозь ветви деревьев она различала звездочки и видела луну. Кругом царила глубокая тишина, птички и звери давно уже спали.

Бедная Даша села на ствол упавшего дерева. Идти дальше ночью не имело смысла, поэтому, посидев немного, она отыскала себе мягкое мшистое местечко, легла и вскоре заснула. Немного погодя она проснулась и с удивлением огляделась: вся полянка, на которой она находилась, была освещена каким-то волшебным светом и по ней сновали легкие, точно прозрачные существа, оглашавшие лес серебристым смехом.

Толпа эльфов в одежде из алмазной росы стояла двумя длинными рядами с лилиями в руках. Между ними пронеслась их королева. Как прекрасна была она в своем наряде из лунных лучей! Волосы ее были золотые, а на лбу сияла дивная звезда.

Герольды протрубили ей приветствие на больших трубоцветах. Королева махнула жезлом, и эльфы стали плясать под звуки флейт. Они плясали до тех пор, пока не явился герольд с серебряным колокольчиком. Лишь только он позвонил, в один миг все исчезло.

Когда Даша проснулась утром, солнце светило, птички щебетали, белки прыгали с ветки на ветку и во всем лесу кипела жизнь.

Даша смутно припоминала ночное видение, и ей казалось, что пляска эльфов была лишь приятным сновидением.

Вдруг она увидела что-то блестящее, лежавшее во мху у ее ног.

— Это, наверное, какая-нибудь ценная вещь, потерянная ночью эльфами! — воскликнула она и нагнулась, чтобы поднять ее.

Однако вещь оказалась не драгоценностью и даже не монетой, а серебряной пуговицей, так хорошо вычищенной, что лицо девочки отражалось в ней, как в маленьком зеркале.

— Что за прелестная пуговица! — сказала Даша. Она привела себя в порядок, посмотрев в нее, поправила волосы, спутавшиеся за ночь, и потом сунула пуговицу в карман, не заметив, к сожалению, что на обратной ее стороне были нацарапаны слова.

Что это были за слова и для чего нужна была блестящая пуговица, увидите дальше.

Даша скоро нашла узенькую тропинку, которая вывела ее из леса. Далее дорога шла прямо в город, видневшийся вдали.

"А ведь там, — подумала Даша, — наверное, и живет принц Сапфир", и она спешно двинулась вперед и дошла до верстового столба, на котором было написано: "Дорога в город Вуг".

"Какое странное название! — подумала Даша. — Вряд ли там живет принц Сапфир, а между тем именно там и виден громадный замок! Может быть, я сбилась с дороги?"

Но возвращаться назад уже не имело смысла. Поэтому Даша пошла дальше и через час была перед городскими воротами. Здесь держали караул пятеро солдат сурового вида, одетые в латы с копьями в руках.

— Стой! Что тебе надо? — грубо спросили они.

— Пропустите меня, пожалуйста, в го-

род, — пробормотала бедная Даша, дрожа всем телом.

— Что? — крикнули они, окружив ее. — Что тебе надо?

— Пропустите меня, — тихо повторила Даша.

Но солдаты рассердились окончательно.

— Ты хочешь войти? — закричали они.

— Этому не бывать.

И они выхватили тесаки с таким грозным видом, что Даша, вскрикнув, вбежала в открытые городские ворота и что было духу бросилась по улице города.

Обернувшись через несколько времени, она очень удивилась, заметив, что солдаты и не думают ее преследовать, а, усевшись среди дороги, играют в карты.

КОРОЛЬ ВУГ

Хотя на улицах было много народу, но на Дашу никто не обращал внимания. В городе все казалось Даше очень удивительным. Люди были одеты так, как на картинках в ее книжке со сказками: в коротких кафтанчиках, высоких чулках и башмаках с пряжками, в красивых шляпах с перьями, а на ней было красное платье и фартучек и даже не было шляпы.

"Совсем как во сне!" — подумала Даша, приближаясь к дворцу, находившемуся среди города.

Здесь стояло на карауле пять солдат.

Даша, собравшись с духом, подошла к ним и спросила, стараясь быть как можно вежливее:

— Скажите, пожалуйста, как называется этот город?

— Вуг! — ответили солдаты так громко и резко, что Даша в ужасе отшатнулась назад.

— Благодарю вас, — сказала она, — а дворец этот называется, наверно...

— Вуг! — снова вскрикнули все пятеро в один голос.

— Вот как! — робко заметила Даша. — Очень вам благодарна! А здешнего короля зовут, вероятно...

— Вуг! — рявкнула стража во весь голос, не двигаясь с места.

"Ну, — подумала Даша, — никогда еще я не слыхала о таком странном городе".

И она прошмыгнула мимо солдат в дворцовые ворота.

"Догадается ли Огонек, что я здесь?" — подумала Даша, проходя большим двором.

Дворец короля был очень велик и был построен из гранита. Здесь всюду было множество народа, везде шли разговоры и раздавался шум, как на ярмарке.

Даше очень хотелось попасть в тронную залу, но она никак не могла отыскать ее; если же она обращалась к кому-нибудь с вопросом, то все глядели на нее с удивлением и продолжали свой путь.

Поздно вечером, когда всюду стали зажигаться огни, в городе вдруг раздался звон колокола и все пришли в большое волнение. Отовсюду стали появляться придворные и пажи, рыцари и придворные дамы, и все спешили по одному и тому же направлению.

Даша последовала за ними и скоро очутилась в большой, ярко освещенной зале. Здесь на золотом троне сидел король Вуг со своей супругой.

Даша только успела проскользнуть в тронную залу, как большие дубовые двери захлоп-

нулись за ней. Зала была переполнена роскошно одетыми людьми. Даша вытягивала шею, стараясь разглядеть короля, и едва увидела его, как должна была тотчас зажать себе рот, чтобы не расхохотаться, так как король Вуг был самым смешным королем во всем мире.

Он был маленького роста, толст, как бочонок, а совершенно лысая голова его заострялась клином, и на этой голове помещалась крошечная корона.

Королева Вуг, напротив, была худа и высока, как мачта. У нее было злое лицо с большим красным носом; в одной руке она держала тяжелую цепь из больших колец, на которой была привязана крошечная белая собачка.

Чтобы лучше разглядеть эту странную королевскую чету, Даша мало-помалу протискивалась в передние ряды придворных, и тут ее увидела королева.

— Что это такое? — воскликнула она, указывая на Дашу. — Зачем ты сюда явилась?

КАРЛИК

Все стали глядеть на бедную Дашу, покрасневшую, как мак.

— Подойди сюда! — приказала ей королева, и Даша, трясаясь всем телом, тихо подошла к трону.

— Зачем ты пришла сюда? — спросила ее королева. — Говори!

— Ах, ваше величество, — ответила Даша дрожащим голосом. — Я и сама не знаю, зачем...

— Умеешь ли ты полоскать белье и мыть

столы? — спросила королева. — Это будет теперь твоей обязанностью, понимаешь?

— Есть ли у тебя деньги? — спросил король. — Ты должна внести налог на маленьких девочек, который они платят, попадая сюда...

Услышав это, Даша вдруг набралась смелости и топнула ножкой.

— У меня нет с собой денег, и столов я мыть не буду, — закричала она, — так и знайте!

В первую минуту король с королевой были поражены этой дерзостью и не могли вымолвить ни слова. Потом они крикнули в один голос:

— Палач!

Палач явился немедленно.

— Уведи ее отсюда и накажи! — крикнула разъяренная королева.

Но Даша, сунувшая руку в карман, чтобы посмотреть, нет ли у нее случайно каких-либо денег, нащупала пуговицу, найденную утром в лесу.

И когда палач взял уже ее за плечо, она закричала в испуге:

— Вот все, что у меня есть! Если ваше величество согласится взять это, то я буду полоскать белье и помогать повару на кухне!

Но, отдавая пуговицу, она заметила, что на обратной ее стороне нацарапано несколько слов. Она прочла следующее:

Если пуговку потрешь —
Помощь скорую найдешь!

— Ну, чего же ты ждешь? — крикнул король палачу. — Уводи ее скорей!

"Уж если мне когда-либо нужна помощь, — подумала бедная Даша, — то, конеч-

но, теперь. Посмотрим, правду ли говорит пуговица?"

Она быстро вырвалась из рук палача и стала тереть фартучком блестящую пуговицу. Лишь только она принялась за это, как из обоев около самого трона вышел карлик в коричневом платье. Он подошел к Даше и отвесил ей низкий, почтительный поклон, потом спокойно вынул маленькую золотую табакерку и поднес щепотку табаку к носу.

— Я, — обратился карлик к Даше, — владелец этой пуговицы. Ты видишь, ее и недостает на моем кафтане — она оторвалась и была потеряна. Теперь ты можешь мне приказывать, а я буду исполнять твои повеления!

Тут король пришел в неопишемую ярость.

— Какая дерзость! — вскричал он. — Как ты смеешь без спроса появляться в моих стенах?! Палач, руби ему голову!

— Немедленно! — крикнула королева. — И здесь же, на наших глазах!

Палач взмахнул топором и одним ударом отсек голову карлику.

Придворные ужаснулись. Король засмеялся, королева вскрикнула, а Даша едва не лишилась чувств. Но карлик нагнулся, поднял свою голову и водворил ее опять на плечи, только затылком наперед.

При виде этого палач сам испугался и убежал из комнаты.

— Ну, — заметил карлик, перевернув голову и глядя с улыбкой на королевскую чету, — я думаю, этого достаточно!

Потом он обратился к Даше, говоря:

— Идем отсюда!

— Хорошо, — сказала девочка.

— Ну, так что же?! Отправляемся! — сказал

карлик, высоко подпрыгнув кверху и оставшись в воздухе.

Король Вуг с супругой и весь двор остолбенели от удивления и не двигались с места.

Затем по знаку карлика в дверь залы въехала карета, запряженная десятью вороньими конями.

Колеса и лошади двигались бесшумно, — так что не слышно было ни малейшего звука, несмотря на то, что в зале царила глубокая тишина. Перед троном кучер остановил лошадей.

Карлик, не говоря ни слова, посадил Дашу в карету и сам последовал за ней. Потом карета так же бесшумно выехала в дверь, как и появилась, и среди темной ночи покатила вон из города.

Они ехали всю ночь. Даша удобно расположилась в уголке кареты и с любопытством наблюдала за своим спутником, сидевшим в другом углу.

В карете не было фонаря, но она освещалась блестящей пуговицей.

— Куда ты меня везешь? — спросила Даша.

— Подальше от опасности, — ответил карлик.

— Ты оставишь мне волшебную пуговицу? — спросила Даша.

— Нет, — ответил ее спутник, — это невозможно. Тому, кто ее найдет, я могу исполнить всего-навсего одно желание. Твое уже исполнилось, и теперь я должен снова бросить пуговицу на дорогу, чтобы кто-нибудь другой нашел ее.

С этими словами он вдруг так вытянул свой нос, что тот стал длиною в целый аршин.

Даша невольно засмеялась, а затем вздохнула:

— Как жаль, что я не могу больше воспользоваться этой пуговицей. Мне бы так хотелось попасть сейчас домой.

— А где ты живешь? — спросил ее спутник.

Даша рассказала ему все, что случилось с тех пор, как она покинула свою постельку.

— Ну, — сказал карлик, — тебе, пожалуй, придется оставаться здесь до тех пор, пока ты снова не сделаешься ребенком.

— Как же я могу сделаться ребенком? — спросила с удивлением Даша.

— Разве ты не знаешь, что всякий родившийся стариком в нашей волшебной стране с каждым годом становится все моложе? — спросил карлик.

— Нет, я этого не знала, — ответила Даша, покачивая головой.

— Но надеюсь, — продолжал ее спутник, — что тебе удастся скоро попасть домой; вряд ли тебе захочется снова стать грудным младенцем. Мне очень жаль, что я не могу оказать тебе помощь, так как против моих правил помогать два раза одному и тому же лицу.

Даша была очень огорчена тем, что карлик не хотел оставить ей блестящую пуговицу, при помощи которой она могла бы благополучно добраться домой.

"Хоть бы он помог мне найти снова Огонек", — подумала она, но продолжать разговор уже не могла, так как странный спутник ее стоял в это время как раз в углу кареты на голове.

— Он, кажется, совсем сошел с ума, — вслух заметила Даша. Когда же карлик не обратил на ее слова внимания, она закрыла глаза и заснула.

Приблизительно через час она внезапно

проснулась. Спутник ее все еще стоял на голове, но глаза его были закрыты и он громко храпел, а карета мчалась с невероятной быстротой, покачиваясь из стороны в сторону.

— Послушайте! — воскликнула Даша. — Проснитесь же наконец!

И она дернула карлика за левую ногу.

Тот, перекувырнувшись два раза, встал на ноги.

— Что случилось? — спросил он.

— Не слишком ли скоро мы едем? — спросила Даша встревоженным голосом.

— Нет, не более ста тысяч миль в час, — ответил карлик, рассмеявшись.

— Да? — удивленно заметила Даша. — А мне казалось, что больше.

— Теперь мы находимся, — объявил карлик, — как раз в Пирожном царстве. Вот посмотри! — сказал он, вынимая платок, который тотчас же превратился в толстую книгу.

— Посмотри! — повторил он, открывая книгу и указывая на раскрашенную картинку. — Вот видишь, где мы сейчас находимся?!

Даша очень удивилась и пришла в полный восторг, заметив, что нарисованные в книге деревья и поля быстро неслись перед ее глазами, как будто она глядела на них из окна поезда.

— Вот это... — продолжал карлик, указывая при этом на большой волчок.

— Кубарь! — в восторге воскликнула Даша. — Как бы мне хотелось его повидать! Он разыскал бы мне Огонек с моей свечки.

— Тебе хочется видеть Кубаря и Огонек? — спросил карлик. — Для этого нажми только указательным пальцем вот эту желтую пуговицу. И сейчас же увидишь, что будет.

Даша сделала, как он велел, и вскоре вдали раздалось тихое пение; оно мало-помалу становилось громче и вот на подножке кареты показался Кубарь, напевая свою веселую песенку.

За ним спешил Огонек; когда он снял свою темную шапочку, засиял яркий свет, карета остановилась и Даша выскочила из нее.

— Ах, — воскликнула она, — как я счастлива видеть вас обоих! Мне уже стало жутко в царстве сказок. Кто же вызывал тебя, мой дорогой Огонек? И не заметил ли кто-нибудь, что меня нет в кровати?!

— Ты слишком о многом спрашиваешь сразу, — сказал карлик, — я лучше поеду дальше, чем слушать длинный рассказ Огонька. Прощайте.

С этими словами он исчез. Даша крикнула было ему вслед:

— Я тоже поеду сейчас!

Но Огонек сказал:

— Ну нет, ты должна скорее возвратиться домой. Твоя старшая сестра брала спички и свечку с твоего стола и через несколько времени принесла их назад, а так как тебя в кровати не было, она сказала твоей маме, что ты что-то уж очень притихла. И как раз в ту минуту, когда ты нажимала желтую пуговицу, твоя мама говорила: "Надо будет мне самой пойти взглянуть на нее. Вот только довяжу спицу!" Поэтому садись скорее на Кубаря и держись за его галстук! А я вам буду светить!

Даша испугалась и быстро вскочила на голову Кубарю. Затем они помчались так быстро, что у Даша захватило дыхание.

— Сейчас, — крикнул Огонек Даше, — нам надо будет перескочить через пропасть!

И перед глазами Даша зазияла громадная

пропасть, за которой возвышались снежные горы.

Даша собиралась крикнуть, но Кубарь уже сделал громадный прыжок и сбросил Дашу... прямо в постельку!

ОПЯТЬ В ПОСТЕЛЬКЕ

Да, это была ее собственная кровать и ее комната; утреннее солнышко весело глядело в окошко.

— Так это был только сон. — Даша приподнялась и стала внимательно разглядывать находившиеся около нее обои.

Там на прежних местах были рыцари и воины, леса и холмы и царица эльфов, посетившая Дашу в лесу, а внизу около ножки кровати по-прежнему был и кубарь.

При виде всего, с чем ей теперь пришлось так близко познакомиться, слезы выступили на голубых глазках Даша. Покачав кудрявой головкой, она сказала:

— Так это был только сон, — и она с грустью взглянула на деревья. — Конечно, это был сон, а все-таки...

Она не договорила и, привстав на постельке, долго разглядывала изображение принца в голубой одежде.

— Значит, я никогда не увижу принца Сапфира, — прошептала она и прибавила, вздохнув: — Хотелось бы мне знать, буду ли я еще когда-нибудь в царстве сказок?!..

МАРУШКА И БРАТЯ МЕСЯЦЫ

(словацкая сказка)

Много-много лет тому назад жила-была одна женщина с двумя дочерьми; одна из дочерей была ей родной, а другая — пад-

черицей. Последнюю звали Марушкой. Жилось ей очень плохо, так как мачеха и сестра ненавидели ее за то, что она была гораздо красивее сестры, которую звали Еленой.

Сама Марушка даже и не знала, что она красива, и поэтому, конечно, не могла понять, за что мачеха и сестра относились к ней так дурно и бранили ее всякий раз, как только она попадалась им на глаза. Но чем больше заставляли Марушку работать, тем красивее она становилась. И в то время, как Елена целыми днями рядилась и гуляла, Марушка должна была исполнять всю домашнюю работу: убирать комнаты, стряпать, стирать, шить, прясть, работать в поле и ходить за коровою. И все это, несмотря на постоянную брань, она исполняла весело и охотно.

Убедившись, что Марушка чересчур кротка и что ее ничем нельзя вывести из терпения, злая мачеха решила, что Марушку нельзя дольше держать в доме; мачеха ясно видела, что если парни придут свататься к ним в дом, то они и не подумают выбрать Елену, так как Марушка красивее и добрее ее.

И она всячески старалась избавиться от падчерицы, изводила бедняжку голодом, побоями и бранью. Но Марушка все сносила терпеливо и хорошела со дня на день. Тогда злая мачеха и Елена придумали новое средство, чтобы избавиться от нее.

Марушка отлично знала окрестные поля и леса, все дорожки и тропинки. Она знала каждый выдающийся цветок и каждое дерево, вела разговоры с птичками, сыпала им зерно и любила наблюдать за насекомыми. Но все это бывало весною и летом, теперь же на дворе стояла зима и стужа.

И вот Елене вдруг захотелось душистых цветущих фиалок.

— Марушка, сходи в лес и нарви мне пучок фиалок. Мне так хочется обонять их запах, — сурово приказала она сестре.

— Что это тебе пришло в голову! — возразила бедная девушка. — Разве фиалки растут под снегом?

— Как смеешь противоречить мне, негодница! — крикнула Елена. — Сейчас же отправляйся в лес, и если не принесешь фиалок, я переломаю тебе руки и ноги.

Мачеха взяла Марушку за плечи, вытолкнула ее на двор и заперла за ней дверь.

Обливаясь горькими слезами, девушка пошла в лес.

Всюду лежал глубокий снег, покрывший все дороги и тропинки.

Бедняжка долго бродила, дрожа от холода и мучаясь от голода. Вдруг она заметила вдали какой-то огонек. Идя прямо на него, она взошла на вершину горы. Здесь горел громадный костер, и вокруг него на двенадцати камнях сидели двенадцать братьев. Трое из них были совсем седые, трое помоложе, следующие трое еще моложе, а трое остальных были прекраснее всех. Все они молча смотрели на огонь.

Это были двенадцать братьев-месяцев. На первом месте сидел Январь, волосы на голове и борода были у него белыми как снег, а в руке он держал белый жезл.

Марушка испугалась и несколько времени стояла в нерешительности, наконец она собралась с духом, подошла ближе и сказала:

— Добрые люди, позвольте мне погреться у вашего огня, я очень озябла!..

Январь кивнул ей головой и спросил:

— Зачем ты пришла сюда, девушка? Что ты здесь ищешь?

— Я ищу фиалок, — ответила Марушка.

— Теперь не время искать фиалок, когда кругом лежит снег, — сказал Январь.

— Я знаю это, — грустно ответила Марушка, — но сестра Елена и мачеха приказали мне принести им фиалок, и если я не принесу, они переломают мне руки и ноги. Пожалуйста, милые пастухи, научите, где мне их найти!

Январь встал, подошел к самому младшему месяцу, передал ему свой жезл и сказал:

— Брат Март, садись на главное место.

Месяц сел на главное место и взмахнул жезлом над огнем. Огонь мгновенно вспыхнул ярче, снег начал таять, деревья покрылись почками, зазеленела трава, и в траве показались фиалки, и Март сказал:

— Рви скорее, Марушка!

Марушка очень обрадовалась и живо нарвала большой букет. Потом она поблагодарила братьев и весело побежала домой.

Елена и мачеха очень удивились, завидя Марушку с букетом фиалок; они отворили ей дверь, и весь дом наполнился благоуханием фиалок.

— Где ты их нарвала? — грубо спросила ее Елена.

— Там, на самой вершине горы, их росло много под кустами, — ответила Марушка.

Елена взяла фиалки, нюхала их и дала понюхать матери, а о Марушке они как будто забыли.

Несколько дней спустя Елене ни с того ни с сего захотелось земляники.

— Ступай, Марушка, набери в лесу земляники! — приказала Елена.

— Что ты, милая сестрица, — возразила Марушка, — где же я найду теперь земляники? Разве она может расти под снегом?

— Как смеешь противоречить мне, негодная девчонка! Отправляйся сейчас же в лес, и если не принесешь земляники, я убью тебя! — закричала злая сестра.

И мачеха снова вытолкнула Марушку и крепко заперла за ней дверь.

Девушка, заливаясь горькими слезами, отправилась в лес и снова долго бродила по глубокому снегу. Наконец она опять увидела вдаль огонек и с радостью направилась к нему. Январь все еще сидел на главном месте, а остальные братья — рядом вокруг огня.

— Добрые люди, позвольте мне погреться, — попросила их Марушка.

Январь утвердительно кивнул головой и сказал:

— Зачем ты опять пришла? Чего ты ищешь сегодня?

— Я ищу земляники, — сказала Марушка.

— Не время теперь искать земляники, когда лежит снег, — сказал Январь.

— Я знаю это, — грустно сказала Марушка, — но сестра Елена и мачеха приказали мне принести земляники, и если я этого не сделаю, они убьют меня. Пожалуйста, милые пастухи, скажите, где мне ее найти!

Январь встал, подошел к брату, сидевшему против него, вручил ему жезл и сказал:

— Брат Июнь, садись на главное место!

Добрый месяц Июнь сел на главное место и взмахнул жезлом над огнем. Пламя разгорелось ярче, снег стаял, земля зазеленела, деревья покрылись листьями, защелкали птички, в лесу распустились цветы — словом, настало лето. Вскоре на лугу показались бе-

лые звездочки, как будто разбросанные невидимой рукой. Звездочки превратились в ягодки — землянику, и всюду вокруг девушки на траве оказались красные ягоды.

— Собирай скорее, Марушка, — сказал Июнь.

Марушка с радостью бросилась собирать землянику и набрала полный фартук. Потом, поблагодарив братьев-месяцев, она поспешила домой.

Елена и мачеха немало удивились, увидев у Марушки полный фартук земляники.

Они поспешно открыли ей дверь, и вся комната наполнилась запахом душистых ягод.

— Где ты набрала их? — спросила Елена.

— Высоко на горе, — сказала Марушка, — там их растет много.

Елена досыта наелась земляники и угостила свою мать, а Марушке не дали ни ягодки.

Еще через несколько дней Елене вдруг захотелось яблок.

— Пойди в лес, Марушка, — приказала она, — и нарви мне яблок.

— Откуда же я, милая сестрица, возьму зиму яблок? — возразила бедная Марушка.

— Отправляйся сейчас же, негодная девочка, и если ты не принесешь спелых, сладких яблок, я убью тебя! — крикнула на нее злая Елена.

Мачеха вытолкнула Марушку и заперла за ней дверь.

Девушка со слезами пошла в лес. На этот раз она не стала бродить по лесу, а прямо направилась на вершину горы, где горел костер и сидели братья-месяцы, с Январем на главном месте.

— Добрые люди, позвольте мне погреться у

огня, все еще очень холодно, — попросила Марушка, подходя к огню.

Январь кивнул головой и спросил:

— Зачем ты снова пришла? Чего ты ищешь на этот раз?

— Спелых яблок, — ответила Марушка.

— Яблокам теперь не время, — сказал Январь.

— Я знаю это, — грустно ответила Марушка, — но сестра Елена и мачеха приказали мне принести из леса сладких, спелых яблок, иначе они меня убьют. Пожалуйста, милые пастухи, научите, где могу найти их?

Январь встал, вручил свой жезл одному из старших месяцев и сказал:

— Брат Сентябрь, садись на главное место!

Сентябрь сел на первое место и взмахнул жезлом над огнем. Огонь запылал ярче, снег стоял, но деревья не покрывались молодыми листьями; один за другим падали с них листья и ветер разносил их по увядшей траве. На склоне горы, однако, еще цвели какие-то осенние цветы, а под деревьями рос высокий папоротник. Марушка все внимание устремила на большую яблоню, где меж листьев были видны прекрасные спелые яблоки.

— Тряси скорее, Марушка! — крикнул ей Сентябрь.

Марушка принялась трясти дерево, и вскоре к ней упало яблоко. Она потрясла еще, упало другое яблоко.

— Беги домой теперь, Марушка, — крикнул ей Сентябрь.

Марушка подобрала оба яблока, поблагодарила братьев-месяцев и, веселая, поспешила домой.

Мать и сестра снова удивились, увидев принесенные им Марушкой яблоки.

— Где ты их нарвала?

— Наверху, на горе, их там еще много, — ответила Марушка.

— Почему же ты так мало принесла? Ты, наверно, съела по дороге! — сердито закричала на нее Елена.

— Нет, милая сестрица, я не съела ни кусочка. Я потрясла дерево — упало одно яблоко, потрясла еще — упало второе, а больше мне не позволили трясти и велели идти домой, — сказала Марушка.

Тогда сестра бросилась на Марушку и стала ее бить.

В конце концов Елена с матерью прогнали бедную девушку в кухню и принялись за яблоки. Фрукты оказались необыкновенно вкусными, и Елене захотелось еще таких яблок.

— Дай мне шубку, матушка, — сказала она, — я сама пойду в лес за яблоками, ведь эта негодная девчонка опять съест все яблоки. Я пойду отыщу место, где они растут, и отрясу всю яблоньку — не посмотрю ни на чье запрещение!

Напрасно мать отговаривала ее, — Елена отправилась в лес.

В лесу, конечно, все было занесено снегом и нигде не было ни одной тропинки. Долго вязла Елена, но желание полакомиться побуждало ее идти дальше. Наконец она увидела вдали огонек и поспешила на него. Она достигла вершины, где горел костер, вокруг которого сидели двенадцать братьев.

Елена сперва испугалась, но потом осмелела, подошла к огню и протянула руки, чтобы согреться, однако она не спросила позволения у месяцев и вообще не сказала им ни одного приветливого слова.

— Что ты ищешь? Зачем ты пришла? — сердито спросил ее Январь.

— Какое тебе дело, старое чучело? — сказала ему Елена. — Я не обязана говорить тебе, что ищу и куда иду!

С этими словами она отошла от костра и направилась в лес.

Январь нахмурился и взмахнул жезлом над огнем. В ту же минуту небо потемнело, пошел снег и подул холодный ветер.

Елена долго бродила и вязла среди метели, наконец она упала в изнеможении и замерзла, несмотря на шубку.

Мать долго ждала Елену, но час проходил за часом, а дочь не возвращалась.

"Может быть, ей так понравились яблоки, что она не может с ними расстаться", — подумала мать.

И она, в свою очередь, надела шубку и отправилась искать Елену. Долго искала она и звала дочь, а снег падал все гуще и мороз становился все крепче; наконец она упала и также замерзла.

Между тем Марушка стряпала обед, поджидая сестру и мачеху, но время шло, становилось темно, а их все не было. И на другой день Марушка все еще поджидала их. Наконец она поняла, что они погибли. И вот доброй Марушке достались в наследство хижина, корова и усадьба. Вскоре на ней женился хороший парень, и они счастливо жили до самой смерти.

СКАЗКА О ВАСИЛИСЕ-ЗОЛОТОЙ КОСЕ И ОБ ИВАНЕ-ГОРОХЕ

(русская народная сказка)

Жил-был царь Светозар. У него, у царя, было два сына и красавица-дочь. Двадцать лет жила она в светлом тереме; любовалась

лись на нее царь с царицею, мамушки и сеньные девушки, но никто из князей и богатырей не видал ее лица.

А царевна-краса называлась Василиса-золотая коса; никуда она из терема не ходила, вольным воздухом царевна не дышала; много было у ней и нарядов цветных, и каменье дорогих, но царевна скучала: душно ей в тереме, в тягость покрывало! Волосы ее густые, златошелковые, не покрытые ничем, в косу связанные, упали до пят, и царевну Василису стали люди величать: золотая коса, непокрытая краса.

Но земля слухом полнится: многие цари узнавали и послов присылали царю Светозару челом бить, царевну в замужество просить. Царь не спешил; только время пришло, и отправил он гонцов во все земли с вестью, что будет царевна жениха выбирать, чтоб цари и царевичи съезжались, сбирались к нему пировать, а сам пошел в терем высокий сказать Василисе Прекрасной. Царевне на сердце весело. Глядя из окошка, из-за решетки золотой на сад зеленый, лужок цветной, захотела она погулять; попросила ее отпустить в сад — с девицами поиграть.

— Государь-батюшка, — она говорила, — я еще света Божия не видала, по траве, по цветам не ходила, на твой царский дворец не смотрела; дозволь мне с мамушками, с сеньными девушками в саду погулять.

Царь позволил, и сошла Василиса Прекрасная с высокого терема на широкий двор. Отворились ворота тесовы, очутилась она на зеленом лугу перед крутою горой; по горе той росли деревья кудрявые, на лугу красовались цветы разноцветные. Царевна рвала цветочки лазоревые, отошла она немно-

го от мамушек. Вдруг поднялся сильный вихрь, какого не видано, не слыхано, закрутило, завертело, глядь — подхватил вихрь царевну, понеслась по воздуху! Мамки вскрикнули, ахнули, бегут, оступаются, во все стороны мечутся, но только и видели, как помчал ее вихрь. И унесло Василису-золотую косу за многие земли великие, реки глубокие, через три царства в четвертое — в область Змея лютого.

Мамки бегут в палаты, слезами обливаются, царю в ноги бросаются:

— Государь! Неповинны в беде, а повинны тебе; не прикажи нас казнить, прикажи слово молвить: вихрь унес наше солнышко, Василису-красу, золотую косу, и неведомо — куда.

Все рассказали, как было. Опечалился царь, разгневался, а в гневе мамок помиловал. Вот на утро князя и королевичи в царские палаты наехали и, видя печаль-думу царскую, спросили его: что случилось?

— Грех надо мною! — сказал им царь. — Вихрем унесло мою дочь дорогую, Василису-косу золотую, и не знаю — куда.

Пошел говор меж приезжими, князя и королевичи подумали, перемолвились, — не от них ли царь отрекается, выдать дочь не решается, — бросились в терем царевны — нигде не нашли ее. Царь их одарил, каждого из казны наделил; сели они на коней, он их с честью проводил; светлые гости откланялись, по своим землям разъехались.

Два царевича молодые, братья удалые Василисы-золотой косы, видя слеза отца-матери, стали просить родителей:

— Отпусти ты нас, государь-отец! Благослави, государыня-матушка, вашу дочь, а нашу сестру отыскивать.

— Сыновья вы мои милые, детушки родимые! — сказал царь невесело. — Куда же вы поедете?

— Поедем мы, батюшка, везде — куда путь лежит, куда птица летит, куда глаза глядят; авось мы и сыщем ее!

Царь благословил, царица в путь снарядила; поплакали и расстались. Едут два царевича, близко ли путь, далеко ли — оба не знают. Едут год они, едут два, проехали три царства, и синеются-виднеются горы высокие, между гор степи песчаные, то земля Змея лютого. И спрашивают царевичи встречных: не слышали ли, не видали ли, где царевна Василиса-золотая коса? И от встречных в ответ им:

— Мы ее не знали, где она — не слышали.

Подъезжают царевичи к великому городу; стоит на дороге предряхлый старик — и кривой, и хромой, и с клюкой, и с сумой, просит милостыни. Приостановились царевичи, бросили ему денюгу серебряную и спросили его: не видал ли он где, не слышал ли чего о царевне Василисе-золотой косе, непокрытой красе?

— Эх, дружки! — отвечал старик. — Знать, что вы из чужой земли. Наш правитель лютый Змей запретил крепко-накрепко толковать с чужеземцами; под страхом заказано говорить, пересказывать, как пронес мимо города вихрь царевну прекрасную.

Тут догадались царевичи, что близко сестра их родимая; ретивых коней понукают, к дворцу подъезжают. А дворец тот золотой и стоит на одном столбе, на серебряном, а навес над дворцом из самоцветных камней, лестницы перламутровые, как крылья в обе стороны расходятся-сходятся.

Василиса Прекрасная смотрит в окошечко

сквозь решетку золотую и от радости вскрикнула — братьев своих вдалеке распознала, словно сердце подсказало. И царевна тихонько послала их встретить, во дворец проводить; а Змей лютый в отлучке был. Василиса Прекрасная боялась, чтобы он не увидел их. Лишь только вошли они, застонал столб серебряный, расходилась лестница, засверкали все кровельки, весь дворец стал повертываться, по местам передвигаться. Царевна испугалась и братьям говорит:

— Змей летит! Змей летит! Оттого и дворец кругом повертывается. Скройтесь, братья!

Лишь сказала, Змей лютый влетел и крикнул громким голосом, свистнул молодецким посвистом:

— Кто тут живой человек?

— Мы, Змей лютый! — не робея, отвечали царевичи. — Из родной земли за сестрой пришли.

— А, это вы, молодцы! — крикнул Змей, крыльями хлопая. — Незачем бы вам от меня пропадать, здесь сестры искать; вы братья ей родные, богатыри да небольшие!

И Змей подхватил на крыло одного, ударил им в другого и свистнул, и гаркнул. К нему прибежала дворцовая стража, подхватила мертвых царевичей, бросили обоих в глубокий ров. Залилась слезами царевна. Василиса-коса золотая ни пищи, ни питья не принимала, на свет глядеть не хотела; два дня и три проходит — ей не умирать стать, умереть не решилась — жаль красоты своей, голода послушала, на третий день покушала. А сама думает, как бы от Змея избавиться, и стала выведывать ласкою:

— Змей лютый! — сказала она. — Велика твоя сила, могуч твой полет, неужели тебе противника нет?

— Еще не пора! — молвил Змей. — На роду моем написано, что будет мне противник Иван-Горох и родится он от горошинки.

Змей в шутку сказал, противника не ждал. Надеется сильный на силу, а и шутка выходит на правду.

Тосковала мать прекрасной Василисы, что нет весточки о детях; за царевною царевичи пропали. Вот пошла она однажды в сад с боярынями. День был знойный, пить царица захотела. В том саду из пригорка выбегала струею ключевая вода, а над ней был колодец беломраморный. Зачерпнув золотым ковшом воды чистой, как слезинка, царица пить поспешила, да вдруг проглотила с водою горошинку.

Прошло несколько времени — родила она сына; дали ему имя Иван-Горох, и растет он не по годам, а по часам, — пухленький, кругленький! — глядит, усмехается, прыгает, выскочит да в песке катается, и все прибывает в нем силы, так что лет в десять стал он могучим богатырем. Начал он спрашивать царя и царицу, много ли было у него братьев и сестер, и узнал, как случилось, что сестру вихрь унес — неведомо куда; два брата отпросились отыскивать сестру и без вести пропали.

— Батюшка! Матушка! — просит Иван-Горох, — И меня отпустите, братьев и сестру отыскать благословите.

— Что ты, дитя мое! — в один голос сказали царь и царица. — Ты еще молодешенек; братья твои пошли да пропали, а ты как пойдешь — пропадешь.

— Авось не пропаду! — сказал Иван-Горох. — Я братьев и сестру доискаться хочу.

Уговаривали и упрашивали сына милого царь с царицею, но он просится, плачет, молится. В путь-дорогу снарядили, со слезами отпустили. Вот Иван-Горох на воле, выкатился в чистое поле; едет он день, едет другой, к ночи в лес темный въезжает. В лесу том избушка на курьих ножках, от ветра шатается, сама перевертывается.

По старому присловью, по мамкину сказанью:

— Избушка, избушка! — молвил Иван, подув на нее. — Стань к лесу задом, ко мне передом. — И вот повернулась к Ивану избушка, глядит из окошка седая старушка и молвит:

— Кого Бог несет?

Иван поклонился и спрашивает:

— Не видала ли, бабушка, вихря залетного? В какую сторону уносит он красных девиц?

— Ох-ох, молодец! — отвечала старуха, покашливая, на Ивана посматривая. — Меня тоже напугал этот вихрь, так что сто двадцать лет я в избушке сижу, никуда не выхожу: неровно налетит да умчит! Ведь это не вихрь, а Змей лютый!

— Как бы дойти к нему? — спросил Иван.

— Что ты, мой свет! Змей проглотит тебя.

— Авось не проглотит!

— Смотри, богатырь, головы не спасешь, а если вернешься домой, дай слово из змеиных палат воды принести, которую всплеснешь — помолодеешь! — промолвила она, через силу шевеля губами.

— Добуду — принесу, бабушка! Слово даю.

— Верю на совесть твою. Иди же ты прямо, куда солнце катится; через год дойдешь до

Лисьей горы, там спроси, где дорога в змеино царство.

— Спасибо, бабушка!

— Не на чем, батюшка!

Вот Иван-Горох пошел в сторону, куда солнце катится. Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Прошел он три государства, дошел и до змеино царства. Перед городскими воротами увидел он нищего, хромого, слепого старика с клюкой и, подав милостыню, спросил его:

— Нет ли в этом городе царевны, молодой Василисы-косы золотой?

— Есть, да не велено сказывать! — отвечал ему нищий. Иван догадался, что сестра его там; добрый молодец смел, прибодрился и к палатам пошел. На ту пору Василиса-краса, золотая коса, смотрит в окошко, не летит ли Змей лютый, и заметила издалека богатыря молодого, знать о нем пожелала, тихонько разведать послала: из какой он земли, из какого он рода, не от батюшки ли прислан, не от матушки ли родимой? Услышав, что пришел Иван, брат меньшой (а царевна его и в лицо не знавала), Василиса к нему подбежала, встретила брата со слезами:

— Беги поскорее, — закричала, — беги, братец! Скоро Змей будет, увидит — погубит!

— Сестрица любезная, — отвечал ей Иван, — не ты бы говорила, не я бы слушал. Не боюсь я Змея и всей силы его.

— Да разве ты — Горох, — спросила Василиса-коса золотая, — чтоб сладить с ним мог?

— погоди, друг-сестрица! Прежде напои меня: шел я под зноем, приустал с дороги, так хочется пить.

— Что же пьешь, братец?

— По ведру меда сладкого, сестрица любезная!

Василиса-коса золотая велела принести ведро меда сладкого, и Горох выпил ведро за один раз, одним духом; попросил налить другое. Царевна приказала, а сама смотрела, дивилась:

— Ну, братец! — сказала. — Тебя я не знала, а теперь поверю, что ты Иван-Горох.

— Дай же присесть немного — отдохнуть с дороги!

Василиса велела стул крепкий придвинуть, но и стул под ним ломается, в куски разлетается; принесли другой стул, весь железом окованный, и тот затрещал и погнулся.

— Ах, братец! — вскричала царевна. — Это стул Змея лютого.

— Ну, видно, я потяжелее! — сказал Горох, усмехнувшись, встал и пошел на улицу, из палат в кузницу. И там заказал он старому мудрецу, придворному кузнецу, сковать посох железный в пятьсот пудов. Кузнецы за работу взялись, принялись, куют железо, день и ночь молотами гремят, только искры летят; через сорок часов был посох готов. Пятьдесят человек несут — едва тащат, а Иван-Горох взял одной рукой, бросил посох вверх — посох полетел, как гроза загремел, выше облака взвился, из вида скрылся. Весь народ прочь бежит, от страха дрожит, думая: когда посох на город упадет, стены прошибет, людей передавит, а в море упадет — море расплескает, город затопит. Но Иван-Горох спокойно в палаты пошел, да сказать велел, когда посох назад полетит. Побежал с площади народ, смотрят из-под ворот, смотрят из окон, не летит ли посох. Ждут час, ждут другой, на третий задрожали, сказать прибежали, что посох летит. Тогда Иван-Горох выскочил на площадь, руку поставил, на лету подхватил, сам не нагнулся, а

посох на ладони согнулся; Иван посох взял, на коленке поправил, разогнул и пошел во дворец. Вдруг послышался страшный свист — мчится Змей лютый, конь-вихрь стрелою летит, пламенем пышет; с виду Змей — богатырь, а голова змеиная. Когда он летит, еще за десять верст весь дворец начинает поворачиваться, с места на место передвигаться, а тут дворец с места не трогается. Видно, седок есть! Змей призадумался, присвистнул, загаркал; конь-вихрь тряхнул черною гривой, размахнул широкие крылья, взвился, зашумел; Змей подлетает ко дворцу, а дворец с места не трогается.

— Ого! — заревел Змей лютый. — Видно, есть сопотивник; не Горох ли в гостях у меня? Скоро пришел богатырь. Я посажу тебя на ладонь одною рукою, приклепну другою — костей не найдут!

— Увидим! — молвил Иван-Горох; с посохом выходит, а Змей с вихря кричит:

— Расходись, Горох, не катайся!

— Лютый Змей, разъезжайся! — Иван отвечал, посох поднял.

Змей разлетелся, ударить Ивана хочет, поднять на копье, да промахнулся; Горох отскочил — не шатнулся.

— Теперь я тебя! — зашумел Горох, пустил в Змея посох и так огорошил, что Змея в куски разорвал, разметал, а посох землю пробил, ушел через два в третье царство. Народ шапки вверх побросал, Ивана царем величать; но Иван, приметя кузнеца-мудреца, в награду, что посох скоро сработал, старика подозвал и народу сказал:

— Вот вам голова! Слушайте его, на добро радея, как прежде на зло слушали вы лютого Змея.

Иван добыл и живо-мертвой воды, sprysнул братьев; поднялись молодцы, протирают глаза, сами думают: «Долго спали мы; Бог весть, что сделалось!»

— Без меня и век бы спали, братья милые, други родимые! — сказал им Иван-Горох, прижимая к ретивому сердцу. Не забыл он взять и змеиной водицы; корабль снарядил и по реке лебединой с Василисой-красой, золотою косой, поплыл в земли свои через три царства в четвертое; не забыл и старушки в избушке, дал ей умыться змеиной водицей: обернулась она молодницей, запела-заплясала, за Горохом бежала, в пути провожала.

Отец и мать Ивана встречали с радостью, с честью; гонцов разослали во все земли с вестью, что возвратилась дочь их родная, Василиса-коса золотая. В городе звон, по ушам трезвон, трубы гудят, бубны стучат, самопалы гремят. Василиса жениха дождалась, а царевичу невеста нашлась.

Четыре венца заказали, две свадьбы пировали; на веселье, на радостях — пир горой, мед рекой! Деды дедов там были, мед пили, и до нас дошло, по усам текло, в рот не попало; только ведомо стало, что Иван по смерти отца принял царский венец, правил со славой державой, и в роды родов славилось имя царя Гороха.

ЧУДЕСНЫЙ ЦВЕТOK

(немецкая сказка)

I

В маленькой уютной хижине, у лесной опушки, жила вдова с тремя дочерьми. Старшую звали Виолой¹, а двух других, — ко-

¹Фиалка.

торые были близнецами, — Розочкой и Маргаритой; мать назвала их так потому, что очень любила цветы.

Когда Виоле минуло девять лет, а близнецам по семи, вдова заболела и, почувствовав приближение смерти, позвала к себе всех трех дочерей, чтобы поговорить с ними.

— Мне придется покинуть вас, — сказала она, — поэтому слушайте внимательно, что я вам скажу! Хижина эта принадлежит вам, и вы, пока хотите, можете жить в ней спокойно. Старушка, добрая Катерина, будет о вас заботиться и научит вас доить корову, печь хлеб и ходить за огородом, так что, когда вырастете, вы будете сами уметь все. Итак, будьте хорошими, добрыми детьми.

Маленькие девочки обещали исполнить ее наставление. Слезы безостановочно текли по их щекам. Особенно громко рыдали сестры-близнецы. Они просили мать не покидать их. Большеглазая, кроткая Виола плакала тихо. Она не могла произнести ни слова.

— Теперь, милые детки, — продолжала вдова, — и прежде чем покинуть вас, я дам каждой по подарку. Еще до вашего появления на свет я получила от волшебницы три медальона; она сказала мне, что в них заключаются три чудесные подарка и велела, чтобы каждая из вас выбрала себе со временем по вкусу один из медальонов.

— Ах, матушка, — воскликнула Розочка, — можно выбрать сейчас?

А Маргарита прибавила:

— Мне бы очень хотелось видеть, что это за медальоны!

Сестры-близнецы быстро вытерли глазки и улыбнулись. Виола же заплакала еще сильнее.

— Мне ничего и никого не надо, кроме тебя, матушка, — грустно сказала она.

— Не горюй, дорогая, — сказала мать, — сейчас ты вместе с сестрами выберешь себе подарок. Под моей кроватью стоит зеленая шкатулка, а ключ от нее висит на тесемке, на моей шее. Отопри шкатулку и вынь, что там найдешь.

Виола, заливаясь слезами, исполнила приказание матери. В зеленой шкатулке оказался ящичек. Мать открыла его и вынула три хорошеньких золотых медальончика, похожих на сердечки.

— Вот они, чудесные медальоны, — сказала она. — Теперь, дорогие мои, выбирайте. Ты, Виола, старшая, и поэтому тебе надо выбирать первой.

— Нет, нет, — ответила Виола, — пусть сперва выберут Розочка и Маргарита, ведь они моложе меня.

Медальоны лежали на кровати около матери. Один был украшен жемчугом, другой осыпан драгоценными камнями, третий же единственным украшением имел изображенную на нем фиалку.

— Я возьму самый красивый, — сказала Розочка и схватила медальон с жемчугом.

— А я — самый дорогой, с драгоценными камнями! — сказала Маргарита.

— В таком случае тебе остается этот третий, милая Виола! — сказала мать. — Тебе надо было выбирать первой, твой медальон самый простенький.

— Да я все равно выбрала бы именно его за его простой вид, — сказала Виола. — К тому же я так люблю фиалки.

— Мой медальон самый хорошенький! А мой самый дорогой! — с восторгом восклицали сестры-близнецы.

— А что в них лежит? — спросила Розочка

и слегка потрясла медальон. — Ничего! — разочарованно сказала она, открыв полученный подарок.

— И в моем медальоне ничего нет! — уныло произнесла Маргарита.

— Ведь это чудесные медальоны, — утешила их мать, — вот что мне сказала про них волшебница: "Жемчуг принесет красоту, а драгоценные камни — богатство".

— А в моем медальоне маленькое коричневое семечко! — вдруг воскликнула Виола. — Что оно означает?

— О нем волшебница сказала:

"Медленно семя терпенья растет,
А вырастет — целое поле займет".

— Теперь, дети мои, я объясню вам, что означают эти медальоны. В семнадцать лет та из вас, которая выбрала жемчуг, станет замечательной красавицей; та, которая выбрала драгоценные камни, будет обладать несметными богатствами; та же, которой досталась фиалка, будет отличаться выдающимся терпением; конечно, в том случае, если она посадит семечко и будет ухаживать за его всходом, — продолжала мать.

— По-моему, это — незанимательный подарок! — сказала Розочка. — Что такое терпение? Ведь его даже не видно!

— Да, совсем неинтересно, — согласилась с ней Маргарита. — Волшебница могла бы подарить бедной Виоле что-нибудь получше!

— А я очень довольна, матушка, — сказала Виола. — Ты знаешь, как я люблю цветы и как приятно будет посадить это семечко и ходить за растением, которое из него выйдет, тем более, что я и представить не могу, какой это будет цветок.

Долго толковали сестры о своих подарках, а мать дала своим девочкам еще несколько добрых советов. Розочке она сказала:

— Ты будешь красива, не сделайся, смотри, высокомерной и гордой!

Маргарите:

— Ты будешь богата, не будь чересчур себялюбивой и жадной!

А Виоле она сказала:

— У тебя будет терпение, лучше этого качества не может быть ничего. Когда меня не будет с вами, заботься о сестрах и ухаживай за своим растением.

Вскоре мать умерла.

II

Время шло, и со временем девочки стали не так сильно чувствовать утрату, как вначале. Старушка Катерина заботилась о них и учила их хозяйству. Девочки очень берегли свои медальоны. Они носили их на шелковых лентах на груди и не расставались с ними ни днем ни ночью.

Виола посадила маленькое коричневое зернышко и много слез пролила над цветочным горшком, вспоминая о последних словах дорогой матери. Она поставила горшок с семечком на солнечное окно и наблюдала за ним, ожидая всхода растения. Но день проходил за днем, а всходов не было.

Розочка и Маргарита нередко шутили:

— Бедная Виола, — говорили они, — все равно ничего не взойдет!

Виола отшучивалась:

— Посмотрим!

Время катилось. Виоле казалось, что Розочка хорошеет с каждым днем. Глаза ее были похожи на незабудки, лицо — кровь с мо-

локом, а золотистые волосы становились все длиннее и гуще, так что Розочка могла вся закутаться в них.

Маргарита оставалась по внешности такой же, какою и была раньше, не представляя из себя ничего особенно, и когда она завидовала красоте Розочки, последняя говорила ей:

— Зато ты будешь богата, нечего завидовать! Подумай-ка о бедной Виоле, у нее совсем ничего нет.

— Я надеюсь, что мое растение вырастет, а тогда и у меня будет сокровище! — отвечала Виола.

Сестры-близнецы, которых мать всегда немного баловала, засмеялись и побежали играть на луг. Это им нравилось больше, чем хозяйничать, и домашние дела они предоставляли Виоле, которой помогала старая Катерина. Старуха иногда покачивала головой и, глядя на младших сестер, ворчала:

— Настоящие бабочки! Вот из тебя, Виола, будет прок, а Розочка и Маргарита никогда ничему не научатся.

— Ничего, милая Катерина, Розочка красива, а Маргарита будет богата, и им вряд ли придется работать. Пусть играют!

А Розочка с Маргаритой бегали по лугам, гонялись за бабочками, рвали цветы и собирали ягоды, в то время как Виола доила корову, пекла хлеб и работала в огороде. Кроме того, она ткала, а добрая Катерина учила ее шить, причем самые хорошенькие платица Виола шила сестрам-близнецам.

Иногда и Виола с Катериной устраивали себе праздник. Взяв корзину с провизией, все они вчетвером отправлялись в лес и оставались там целый день; три девочки бегали, смеялись и пели, украшали себя цветами и

даже старой Катерине сплетали прекрасный венок.

Это были счастливые дни! Так текли недели и месяцы, миновало лето, а семечко терпения все еще не всходило.

— Брось эти пустяки! — сказала Виоле Розочка.

— Раскопай землю да посмотри, там ли семечко! — уговаривала ее Маргарита.

— Нет, — отвечала Виола, — это семечко чудесное и нельзя требовать, чтобы оно росло так же быстро, как и другие. Я буду продолжать ухаживать и наблюдать за ним, как мне советовала матушка.

Так она и поступила. Но вот наступила зима, мороз сковал землю, снег покрыл цветы, сестры-близнецы жалели, что им нельзя больше гулять; в это время и произошло давно ожидаемое событие.

Однажды утром Виола сошла к завтраку вниз, потирая озябшие руки; она хотела помочь Катерине накрывать на стол. Случайно она подошла к окну, на котором мороз изобразил прихотливые узоры.

Там стоял ее цветочный горшок, и в самой середине его прорастающее семечко чуть-чуть приподняло землю.

III

Несколько раз в продолжение дня счастливая Виола подходила к окну полюбоваться своим драгоценным растением. Пока кроме приподнятой рыхлой земли почти ничего не было видно, хотя, приглядевшись внимательно, можно было заметить маленький стебелек и два бледных зеленовато-желтых листочка, уже готовых распуститься.

Катерина радовалась не менее Виолы, и

даже сестры-близнецы, которые были так уверены, что у Виолы ничего не вырастет, иногда подходили к горшку и с любопытством разглядывали растение.

На следующее утро стебель уже приподнялся из земли и листочки стали медленно разворачиваться. С каждым днем дело двигалось вперед. Никогда еще ни за одним цветком не ухаживали так заботливо; его поливали, берегли от сквозняка, выставляли на солнце, если оно показывалось, что бывало редко, так как стояли зимние короткие и пасмурные дни.

Зимний холод, по-видимому, не вредил растению. На нем разворачивались все новые листочки, и нежный стебелек поднимался все выше и выше.

Еще не прошла зима, а растение выросло на пол-аршина; его блестящие зеленые листочки распространяли приятный запах, и Виола с каждым днем все больше и больше привязывалась к нему, так как оно напоминало ей о матери.

В одно прекрасное утро, которого Виола впоследствии не могла забыть, распустился прелестный цветок, красивый и душистый! Нежные, белые лепестки его раскрылись пышно. Середина цветка была бледно-пурпурного цвета, а запах напоминал зелень весенних полей, дыхание моря, аромат осенних еловых лесов и все, что прекрасно и нежно.

Соседи услышали об этом удивительном растении и приходили посмотреть на него и подышать его дивным ароматом.

Старая Катерина умерла. Виола была уже восемнадцатилетней девушкой с открытым

приветливым лицом. Растение стояло на широком подоконнике; оно было не велико, но пышно и нарядно и цвело круглый год.

Относительно красоты Розочки не могло быть ни малейшего сомнения. На всем свете не существовало более прелестной девушки. Во всей стране говорили о ней, и многие делали большой крюк, чтобы заехать посмотреть на нее. Если это им удавалось, — так как Виола старалась скрыть красавицу сестру от взоров любопытной толпы, — то они просили разрешения понюхать чудесный цветок и уходили, насладившись его ароматом.

Маргарита была недовольна.

— Я думала, что разбогатею, — говорила она, — но пока этого не заметно. Розочка красива, у тебя, Виола, по крайней мере, есть цветок, а что получила я?

— Погоди немного, дорогая, ведь тебе еще не исполнилось и семнадцати лет.

Но вот, наконец, наступила семнадцатая годовщина дня рождения сестер-близнецов, и обнаружилась тайна подарка Маргариты. Проснувшись утром, она заметила, что хорошенький медальон на ее груди стал гораздо тяжелее. Она сказала об этом Розочке.

— Открой его, — посоветовала ей сестра.

Маргарита открыла, и из медальона посыпался настоящий золотой дождь.

— Вот видишь, — засмеялась Розочка, — вот тебе и богатство.

Маргарита собрала золотые монеты и хотела отложить медальон, но он снова показался ей тяжелым, и она снова открыла его. Оттуда опять посыпалось золото, и в этом было чудесное свойство волшебного медальона: всякий раз, когда его открывали, оттуда пада-

ли золотые монеты. Весь день Маргарита забавлялась, открывая и закрывая медальон, пока, наконец, у ней не оказалось столько денег, что она могла наполнить ими всю ванну.

Розочка радовалась этому.

— Теперь ты можешь обогатить и обеих нас! — воскликнула она.

Но Маргарита ничего не ответила; это предположение не входило в ее расчеты. Уж если на ее долю выпало богатство, она хотела владеть им одна; ведь у Виолы и Розочки были свои подарки.

Молва о красавице и богачке распространилась по всей стране, и в скором времени два принца посватались за Розочку и Маргариту, которые, таким образом, сделались вскоре принцессами, а позже королевами.

Сестры-близнецы покинули старшую сестру в один и тот же день и уехали в роскошных каретах, но Маргарите понадобилась еще целая фура, чтобы увезти все золото, которое она получила, благодаря медальону.

— Прощайте, дорогие! — воскликнула Виола и поцеловала их со слезами на глазах. — Будьте счастливы! Если же когда-нибудь у вас стрясется беда, то приходите ко мне и я сделаю для вас все, что в моих силах.

Близнецы улыбнулись: можно ли было предполагать, что они, богатые и могущественные, будут вынуждены искать когда-нибудь утешения и помощи у своей скромной сестры!

IV

Годы шли. Виола, хотя и была одинока, вела деятельную жизнь; дело в том, что растение, стоявшее у нее на окне, заключало в себе

удивительное целебное свойство. Если к Виоле приходил кто-нибудь в горе или несчастье, то запах растения ободрял его и он уходил, получив утешение. Когда в комнату Виолы приходили слабые, больные люди, им становилось легче, лучше; если же они были так слабы, что не могли покинуть постели, Виола сама приносила к ним листочек или цветочек своего драгоценного растения и больные получали облегчение.

Многие говорили, что облегчение это подается растением, другие были убеждены, что целебная сила появляется благодаря присутствию кроткой, милой Виолы. Как бы то ни было, каждодневно в хижину Виолы и к растению приходило множество людей. Некоторые предлагали Виоле плату за облегчение, которое они получали, но она только улыбалась и качала головой.

— Растение это, — говорила она, — мне подарено, и я рада, что, благодаря ему, могу делать столько добра другим людям. Кроме того, я не бедна, и денег мне не надо. Богатая сестра оставила мне кошелек с деньгами, и мне их хватит до конца жизни. Покупать мне себе нечего, у меня есть корова, овца, куры и огород. Я умею прясть и сама могу шить себе одежду: чего же мне еще? К тому же у меня еще это растение, и с ним я богаче всякого другого.

Некоторые хотели купить у нее растение; богатые и могущественные люди предлагали ей за него громадные суммы. Но она говорила:

— Нет, я этого растения не продам.

Иногда она открывала свой чудесный медальон, который в виде украшения она все еще носила на шее, но делала это только для бедных и несчастных.

— В этом медальоне, — говорила она, — я сохраняю семена своего растения. Их на нем бывает немного. Если вы их посадите и будете терпеливо ждать всходов, не забывая поливать, то и у вас будет точно такое же растение, как у меня!

И некоторым это удавалось, большинству же нет. Многим надоедало ждать, и семена у них не давали всходов. Другие выращивали растение, но потом небрежно ходили за ним, и оно увядало. Растение же Виолы было лучше всех, и все верили, что посещение ее хижины приносит исцеление скорее, чем сотня врачей.

Много лет жила Виола одна в своем домике. Она не вышла замуж, так как никого не нашла себе по сердцу. Многие, она знала, охотно женились бы на ней ради ее домика и имущества, хотя оно и было невелико. Некоторые ценили ее самое, но она все-таки предпочла оставаться девицей.

— Ты слишком разборчивая, — говорили соседи, — так ты никогда не выйдешь замуж.

На это Виола отвечала, смеясь:

— Об этом я не горюю. К тому же, живя в этой старой хижине, я всегда готова оказать помощь моим сестрам, если у них когда-нибудь окажется нужда во мне.

Всем это казалось смешным. Как Розочка, так и Маргарита были знатными королевами; на что им могла понадобиться бедная сестра?!

И все-таки настало время, когда это случилось.

В бурную зимнюю ночь раздался робкий стук в дверь хижины и, когда Виола поспешно отворила ее, вошла незнакомая дама, которая, не говоря ни слова, бросилась в старое кресло

у камина. Виола подошла ближе и внимательно осмотрела пришедшую. И вдруг узнала свою сестру Розочку! Но как та изменилась! Куда девалась пышная ее красота, которой дивилась вся страна? Грустная, обессиленная и убитая, сидела она, горько вздыхая.

— Розочка! — воскликнула Виола, обнимая ее дрожащей рукой. — Скажи, что случилось?

И в то время, как она помогала бедной королеве снять с себя дорогую, вымокшую одежду и надевала на нее простое домотканое платье, Розочка рассказала ей свою историю.

— Я вышла замуж только благодаря своей красоте, и все шло хорошо, пока я была красива. У меня была дочь, ребенок редкой красоты, и король, отец ее, любил ее чрезвычайно. Увы! Она умерла, и в отчаянии я велела похоронить ее на морском дне вместе с моим медальоном на груди. Горе унесло мою красоту и король меня больше не любит!

— Не унывай, дорогая сестрица, все обойдется! — утешала ее Виола.

— Никогда, — отвечала королева, и казалось, что она права. Но она не подумала о чудесной силе растения. Сидя по целым дням в уютной комнатке и вдыхая сладкий аромат растения, окруженная нежной заботливостью Виолы, бедная королева воспряла духом. Лицо ее уже не было страдальческим и грустным, стан выпрямился, настроение стало бодрее, да и прежняя красота снова вернулась к ней.

Виола стала ласково убеждать ее вернуться к королю-супругу.

— Он, наверно, скучает о тебе, ведь его и без того угнетает утрата дочери; вернись к нему и захвати с собой веточку чудесного расте-

ния, она ободрит его и исцелит, как и тебя. А вот редкое и драгоценное семя ты можешь посадить, из него вырастет прекрасное растение. Вернись, милая Роза, ты увидишь в жизни еще много радостей!

И Розочка вернулась к супругу-королю в свою страну, и все пошло у них хорошо, как и предсказала Виола.

V

Вскоре по отъезде Розочки в хижину явилась Маргарита. Она приехала днем в роскошной карете и богатым наряде. Она, правда, никогда не была так красива, как Розочка, но и никогда еще не казалась такой безобразной, угрюмой и недовольной, как теперь; к тому же она была больна.

Виола вскрикнула в испуге, когда она вошла. Маргарита заговорила первая:

— Ты не узнаешь своей Маргариты? Я так и думала. Я постарела и подурнела, ты же все такая, как и была!

С этими словами королева опустилась на старый диван у окна, тяжело вздохнула и начала рассказывать свою историю.

— Розочка, — сказала она, — несчастна, или, по крайней мере, была несчастна, когда я в последний раз получила от нее известие, но моя участь еще хуже. Я думала, что мне, при моем несметном богатстве, решительно нечего больше желать, но на что оно теперь мне нужно? Да, у меня есть все; наше государство самое богатое в мире. Мой супруг-король скупил все сокровища, о которых только слышал. Все свое время он посвящает собиранию богатств, меня он больше не любит. Среди всей роскоши я влачу жалкую, одинокую жизнь. У

меня нет детей, которые облегчили бы мою тяжелую долю, и я никогда не испытываю ни настоящего спокойствия, ни довольства. Я слышала, что ты счастлива, Виола, а ведь у тебя ничего нет!

— А мне кажется, дорогая сестра, что у меня есть все, — ответила Виола. — И мое время так занято людьми, которые приходят ко мне, беседуют и ищут исцеления у моего чудесного растения, что мне, право, некогда чувствовать себя одинокой и несчастной.

Маргарита удивлялась, наблюдая бедных, а также и богатых людей, входивших в хижину, искавших глазами чудесное растение, вдыхавших его аромат и уходивших с улыбкою и с утешением от ласковых слов Виолы.

Маргарита прожила у Виолы долгое время, и мало-помалу волшебное растение оказало влияние и на нее. Она уже не вздыхала, не роптала, она стала вникать в чужое горе и помогать Виоле по хозяйству. Но лучше всего было то, что она перестала жадничать и трястись над деньгами.

Однажды она решилась одна прогуляться по лесу, вдыхая во время прогулки аромат взятого с собой листка от чудесного растения. Когда она вернулась, она казалась помолодевшей на много лет.

— Виола, — воскликнула она, — я никогда не была так богата, как теперь! Я отдала свой чудесный медальон какой-то бедной женщине в лесу! Она попросила его у меня, заметив его на моей шее, и вообрази, как странно! Это была та самая волшебница, которая когда-то подарила нам эти медальоны! "Красота и золото, — сказала она мне, — не имеют никакой цены в сравнении с терпением; ты узнала те-

перь это, как ранее тебя узнала и Розочка. Возвратись же с свою страну и ты еще будешь счастлива!"

— И теперь, — продолжала Маргарита, — я стала совсем другим человеком. Точно камень свалился с моей груди; твоё чудодейственное растение исцелило меня, Виола. Теперь я вернусь к мужу, и мы оба сумеем сделать из нашего богатства лучшее употребление, чем до сих пор!

Она возвратилась к королю-супругу, в свою страну, и взяла с собой туда веточку и семечко чудесного растения. Перед уходом ей очень хотелось обогатить Виолу на всю жизнь, но та отказалась от денег.

— У меня еще цел кошелек, который ты мне оставила в юные годы, мне ничего не надо. Прощай, дорогая сестра; от души желаю, чтобы семя терпения, взятое тобой, росло и процветало!

Итак, Виола снова осталась одна, но ненадолго.

Однажды в дверь к ней постучался путник. Лицо его было уныло, но приветливо; много горя испытал он и много перенес неудач; у него не было ни денег, ни талантов. Он был просто хороший работник и человек редкой доброты.

— Я слышал о вашем дивном растении, — сказал он тихим приятным голосом, — и пришел посмотреть на него; мне кажется, оно имеет сходство и родство с моим.

С этими словами он осторожно развернул предмет, бывший у него в руках. И что же? Это был тот же цветок терпения, хотя не та-

кой крупный, как у Виолы, но очень красивый и ароматный.

— Ах, он совсем такой же, как мой! — воскликнула в восторге Виола. — Добро пожаловать, незнакомец!

И она предложила ему отдохнуть и подкрепиться, и, уходя, он ощутил в сердце тихую радость. Много раз навещал он потом Виолу и беседовал с ней, и в конце концов они повенчались, и их чудесные растения стоят теперь рядом на окне хижины. Дом их продолжает быть убежищем для всех жаждущих утешения и успокоения. И если тебя постигнет когда-либо большое горе, иди к ним, и они дадут тебе семечко от своего чудесного цветка. И если ты будешь заботливо ходить за ним, тебе будет так же хорошо, как им, так как терпение есть величайшее благо.

ЦВЕТЫ МАЛЮТКИ ИДЫ

(сказка Андерсена)

— Бедные цветы мои совсем завяли! — сказала малютка Ида. — Как хороши они были вчера вечером, а теперь листочки их поблекли. Отчего это? — спросила она студента, сидевшего на диване.

Студент этот очень любил девочку, он рассказывал ей сказки и вырезал интересные картинки: сердечки с крохотными плясуньями внутри их, цветы и большие дворцы, в которых можно было даже отворять двери; это был предобрый и веселый студент.

— Почему у этих цветов такой жалкий вид? — снова спросила она, указывая на увядший букет.

— Знаешь, отчего они такие? — сказал студент. — Цветы эти ночью танцевали на балу и потому устали и повесили теперь головки.

— Но ведь цветы не умеют танцевать! — сказала маленькая Ида.

— Напротив, — сказал студент, — когда становится темно и мы засыпаем, у них начинаются веселые танцы; у них почти каждую ночь бывает бал.

— А детям позволяется бывать на этом балу?

— Да, — ответил студент, — там же бывают Маргаритки и Анютины глазки.

— А где же эти красивые цветы танцуют? — спросила маленькая Ида.

— Ведь ты бывала у большого дворца, за городскими воротами, где летом живет король и где разбит прекрасный сад со множеством цветов? И видала еще там лебедей, подплывавших к тебе, когда ты бросала им хлебные крошки? Вот там и бывает бал цветов.

— Я была вчера в этом саду с мамой, — сказала Ида. — Но на деревьях уже не было листьев и цветов также не было. Куда они девались? Летом их было там так много.

— Они теперь во дворце! — сказал студент. — Как только король и все придворные переезжают в город, цветы сейчас же пересекаются из сада во дворец и веселятся в этом дворце. Вот бы ты посмотрела! Две чудные розы садятся на трон, это царь и царица; красные петушиные гребешки становятся по обе стороны и отдают поклоны; это — камерпажи. Затем появляются остальные цветы и бал начинается. Гиацинты изображают кадет; они танцуют с фиалками и гвоздиками, ко-

торых называют фрейлинами. Большие желтые лилии — пожилые придворные дамы; они смотрят, чтобы все было чинно и пристойно.

— А разве цветы делают все, что хотят, во дворце? — спросила маленькая Ида.

— Да о них, собственно, мало кто знает, — сказал студент. — Иногда, положим ночью, приходит смотритель замка, на котором лежит наблюдение за порядком; он носит большую связку ключей, но лишь только цветы слышат звон ключей, они сейчас же присмиреют, спрячутся за занавесками, так что оттуда видны разве только одни головки.

"Здесь пахнет цветами", — говорит старый смотритель, но видеть их он не может.

— Ах, как хорошо! — сказала маленькая Ида и захлопала в ладоши. — А мне можно увидеть эти цветы?

— Да, — сказал студент, — стоит только, когда будешь у замка, посмотреть в окно; и непременно их увидишь. Я сегодня так и сделал: на диване как раз в это время потягивалась длинная желтая лилия, это была придворная дама.

— А цветы из ботанического сада тоже приходят туда? Могут они зайти так далеко?

— Конечно, — сказал студент, — ведь они, если захотят, могут и летать. Разве ты не видала красивых бабочек, желтых, красных и белых? Они очень похожи на цветы, да и прежде и были ими. Со стебелька они высоко поднимались на воздух, махали там лепестками, как маленькими крылышками, а потом и полетели. За хорошее поведение им было разрешено летать и днем, так что им уже не было надобности оставаться дома и смирно сидеть на стебле; таким образом, листочки цветов в конце концов обратились в настоящие кры-

льшки. Ведь это ты сама видела. А, впрочем, может быть, цветы из ботанического сада еще ни разу не были в королевском дворце и не знают, какое веселье бывает там ночью. Знаешь, что я скажу тебе: вот удивится-то профессор ботаники, который живет здесь рядом, ведь ты его хорошо знаешь. Придя в его сад, ты можешь сказать какому-нибудь цветку, что во дворце бывают балы; он передаст это другим цветам, и все они улетят; и вот, когда профессор выйдет в сад, там не окажется ни одного цветка, и он не будет знать, куда они делись.

— Но как же один цветок может рассказать все остальным? Ведь цветы не умеют говорить!

— Конечно, не умеют, — сказал студент, — зато они делают друг другу знаки. Разве ты не видала, как цветы, когда подует ветерок, кивают друг другу головками и трепещут зелеными листьями? Эти знаки им так же понятны, как слова — нам.

— А разве профессор понимает эти знаки? — спросила Ида.

— Конечно. Однажды утром он пришел в свой сад и увидел, что высокая крапива делает листьями знаки красивой красной гвоздике. Крапива говорила: "Какая ты славная, я тебя очень люблю!"

Профессору это не понравилось; он хлопнул крапиву по листьям, — ведь у нее они заменяют пальцы, — но обжегся и с тех пор не решается ее трогать.

— Как это весело! — сказала, рассмеявшись, маленькая Ида.

— Можно ли вбивать ребенку в голову такие вещи! — сказал мрачный и пожилой гос-

подин, который пришел в гости и сидел на диване. Он терпеть не мог студента и всегда ворчал, когда видел, что тот вырезает забавные картинки.

Однако маленькой Иде казалось смешным все то, что студент рассказывал ей про цветы, и она много думала об этом.

Цветы повесили головки, она устала, потому что протанцевали всю ночь; наверно, они захворали. Она пошла затем к другим игрушкам, стоявшим на красивом столике, ящик стола был полон хорошенькими вещичками. В кукольной кровати лежала кукла Соня и спала. Малютка Ида сказала ей:

— Придется тебе встать, Соня, и провести эту ночь в ящике. Бедные цветочки захворали, и их надо уложить в твою кровать; может быть, им тогда будет лучше.

С этими словами она вынула куклу, причем у куклы был очень недовольный вид, и она не сказала ни слова, она рассердилась, потому что ее потревожили.

Ида же положила цветы в куклину кровать, накрыла их одеялом и сказала, чтобы они лежали смирно; она вскипятит им чаю, чтобы они выздоровели и могли завтра встать. Она плотно задернула занавески у кровати, чтобы солнце не светило им прямо в глаза.

Весь вечер она думала о рассказах студента. И когда ей велели идти спать, она заглянула сперва за оконные занавески, туда, где стояли прекрасные цветы ее матери, гиацинты и тюльпаны, и тихо шепнула им:

— Я ведь знаю, что вы сегодня ночью идете на бал!

Цветы притворились, будто они ничего не понимают, и не шевельнули ни одним листиком; но малютка Ида знала что говорит.

Когда она улеглась в постель, она еще долго думала о том, как интересно было бы посмотреть на танцы цветов в королевском дворце.

"А правда ли, что мои цветы тоже были там?" — подумала она, уже засыпая. Ночью она проснулась; ей только что приснились цветы, студент, которого бранил мрачный пожилой господин. В спальне было тихо, ночник горел на столе, папа и мама спали.

"А что? Лежат ли еще мои цветы в Сониной кроватке? — подумала она. — Как бы мне хотелось знать это!"

Она приподнялась в кроватке и взглянула в полурастворенную дверь: в соседней комнате лежали цветы и все ее игрушки. Она стала прислушиваться, и вот ей показалось, будто рядом играют на рояле, да так нежно и приятно, как ей еще не приходилось слышать.

"Наверно, все цветы танцуют! — подумала она. — Боже, как бы мне хотелось посмотреть!" Но она не решалась встать, боясь разбудить отца с матерью.

"Хоть бы пришли сюда", — подумала она.

Но цветы не приходили, а музыка все продолжалась; наконец Ида не вытерпела, уж слишком все казалось интересным; она тихо спустилась с кроватки, подошла к двери и заглянула в соседнюю комнату. И чудеса же она увидела!

Там не было ночника, но было светло; луна светила в окно, освещала пол; светло было как днем.

Все гиацинты и тюльпаны стояли на полу длинными рядами; на окнах не было ни одного цветка, там стояли только пустые горшки. Все цветы танцевали на полу, кружились, придерживая друг друга за длинные зеленые

стебли. За роялем сидела крупная желтая лилия, которую малютка Ида летом видела в саду; Ида хорошо помнила, что студент сказал про нее: "Как она похожа на фрейлину Лину!"

Тогда все над ним смеялись; теперь же Иде показалось, что этот длинный желтый цветок действительно похож на Лину, и манеры фрейлины во время игры были те же: она поворачивала свое улыбающееся желтое лицо то в одну, то в другую сторону и кивала головой в такт музыки.

Никто не замечал маленькой Иды.

А она видела, как большой голубой крокус вскочил на стол, где находились игрушки, подошел к кровати ее куклы, отдернул занавески; там лежали больные цветы, но они сейчас же встали и, кивнув головками, дали знать остальным, что они тоже будут танцевать.

Старик с трубкой во рту, у которого была отбита нижняя губа, встал и поклонился цветам: они выглядели теперь здоровыми; они подошли к остальным и стали веселиться.

Вдруг в ящике, где вместе с другими игрушками лежала Идина кукла, Соня, послышался громкий стук. Старик-курильщик подбежал к краю стола, вытянулся во всю длину на животе и стал выдвигать ящик. Оттуда привстала Соня и с удивлением стала осматриваться.

— Никак здесь бал? — сказала она. — Почему же мне никто об этом не сказал?

— Хочешь танцевать со мной? — спросил ее курилка.

— Так я и стану танцевать с тобой, — ответила она, повернувшись к нему спиной.

Потом она села на ящик, дожидаясь, чтобы кто-нибудь из цветов пригласил ее; но ни

один из них не подошел к ней. Она стала покашливать, чтобы обратить на себя внимание, но не помогло и это. Курилка же стал танцевать один и совсем не так плохо!

Так как цветы, по-видимому, не замечали Сони, то она нарочно упала с ящика на пол, что вызвало смтение.

Все цветы подбежали к ней, спрашивая, не ушиблась ли она, и принимали в ней большое участие, особенно те, которые перед этим лежали в ее постельке. Но она не ушиблась, и цветы Иды воспользовались случаем поблагодарить ее за мягкую постельку. Они повели ее на середину комнаты, где ярче светил месяц, и танцевали с ней, а все остальные цветы окружали ее. Соня развеселилась и сказала, что охотно уступает цветам свою кровать; что ей хорошо и в ящике.

Но цветы сказали:

— Благодарим тебя, но мы не проживем долго. Завтра мы уже умрем. И ты скажи маленькой Иде, чтобы она похоронила нас в саду, где лежит канарейка: тогда летом мы проснемся и будем еще красивее!

— Нет, вы не должны умирать! — сказала Соня, целуя цветы.

Затем дверь залы отворилась и, танцуя, показалось много прекрасных цветов. Ида никак не могла понять, откуда они явились; это, наверно, были цветы из королевского дворца. Впереди шли две великолепные розы с золотыми коронами на головках: то были царь и царица. За ними следовали прелестные левкой и гвоздики, кланявшиеся на все стороны. С ними шла музыка: крупные маки так трубили в гороховые стручья, что щеки их покраснели. Голубые гиацинты и белые подснежники звенели, как будто были увешаны бубенчи-

ками. Удивительна была эта музыка! За ними шло много других цветов и все с танцами: синие фиалки и белые маргаритки и ландыши. Цветы целовались и что это было за прелестное зрелище!

В конце концов они пожелали друг другу покойной ночи; тогда маленькая Ида легла опять в свою кровать, и ей снилось обо всем, что она видела.

Встав на следующее утро, она побежала к своему столику, чтобы посмотреть, там ли еще цветы. Она отдернула занавеску; все они лежали там, но завяли еще более, чем накануне. Соня лежала в ящике, куда ее положила Ида; у куклы был очень сонный вид.

— Ты помнишь, что тебя просили мне передать? — спросила ее маленькая Ида.

Но Соня изумилась и ничего не ответила.

— Ты нехорошая! — сказала ей Ида. — А ведь они с тобой танцевали!

Потом она взяла маленькую коробочку, на которой были изображены хорошенькие птички, и положила в нее увядшие цветы.

— Это будет ваш гробик, — сказала она, — а когда ко мне придут в гости мои двоюродные братья, они помогут мне похоронить вас в саду для того, чтобы летом вы снова выросли и похорошели!

Этими двоюродными братьями были два веселеньких мальчика: звали их Ионас и Адольф; отец подарил им два новых самострела, и они принесли показать их Иде. Девочка рассказала им про бедные цветочки, которые завяли. Оба мальчика пошли со своими самострелами впереди, а Ида следовала за ними с мертвыми цветами в хорошенькой коробочке. В саду вырыли могилку; Ида сперва поцеловала цветы, а потом опустила

коробку с ними в землю. Адольф же и Ионас дали залп из самострелов над могилой.

КРОЛИК, НА КОТОРОГО НЕ УГОДИШЬ

(британская сказка)

Жил-был кролик, а звали его на заячьем языке Горбунчиком.

Горбунчик был младшим из двадцати четырех братьев и сестер, и был он из всех них самым недовольным. Кажется, с самого дня его рождения все было не по нем. Ничто ему не нравилось, и никогда ничем он не был доволен.

И был Горбунчик поэтому просто мучением для родителей, не говоря уже о двадцати трех братьях и сестрах, которые ничем не могли ему угодить.

Однажды кролик-отец застал младшего сына у пруда, в который тот гляделся с огорченным видом.

— Ну, что опять случилось? — спросил отец.

— Уши! Уши! — простонал Горбунчик. — У меня слишком короткие уши! Твои, право, вдвое длиннее моих!

— Раз ты завел речь об ушах, — сказал кролик-отец, — так я тебя, по крайней мере, за них подеру.

Так он и сделал.

— А теперь ступай, — сказал он, — в постель! И за то, что ты опять ворчал, два дня ты не получишь ничего, кроме чертовой коcherыжки!

— На бедного Макара все шишки валяются, — проворчал Горбунчик, натягивая на себя одеяло. — Теперь мои братья и сестры бегают

по полям, прыгают вперегонки с лягушками и забавляются, а меня уложили в постель! И вот всегда так! Во всем мне неудача! Уйти, что ли, отсюда!

Несколько дней спустя мать кролика застала своего сына снова разглядывавшим свое отражение в прудке.

— Что с тобой? — спросила она.

— Прыщик! — пробормотал Горбунчик. — Разве не видишь, мама? Прыщик как раз посреди носа!

— И то правда! — воскликнула крольчиха и подошла к шкафу. — Тебе надо принять рыбьего жира; поди сюда и открой рот!

— Не надо, — поспешил заявить Горбунчик и хотел убежать.

Но мать схватила его за уши, открыла ему рот и влила две ложки рыбьего жира; Горбунчик так был огорчен, что три дня не говорил ни с кем.

Братья и сестры его уже привыкли к этому и только шутили над своим недовольным братцем.

В конце концов Горбунчик твердо решил куда-нибудь уйти.

— Если бы я только был кем-нибудь другим, а не жалким кроликом, я бы, наверное, был счастлив! — сказал он вслух, прогуливаясь однажды по лугу.

— Почему же в таком случае ты не пойдешь к мудрой Жабе? — раздался за его спиной чей-то голос.

— А что она может для меня сделать? — спросил Горбунчик и, оглянувшись, увидел лягушку.

— А ты пойдешь к ней, тогда и узнаешь, — сказала она внушительно. — Я слышала, что она делает чудеса и в большой дружбе с феями.

— Ну, хорошо, — сказал Горбунчик. — Я, пожалуй, схожу к ней завтра вечером. А теперь мне надо спешить домой, чтобы опять не досталось за то, что поздно пришел.

На следующий день мимо жилища Горбунчика проходил странствующий цирк по дороге в соседний город, где он собирался дать представление. Тут были лошади, верблюды и пони в красивых блестящих пополах, в середине между ними шел большой слон.

— Ах, какой громадный кролик! — воскликнул Горбунчик, залюбовавшийся слоном из-за куста.

— Это не кролик, глупыш! — сказала одна из его сестер. — Это слон, видишь, какой у него хобот!

— Ведь он ростом с целый дом! — снова воскликнул Горбунчик, пораженный громадными размерами слона и важным видом, с которым тот медленно подвигался вперед, между тем как по обеим сторонам его прыгали и бежали деревенские ребяташки.

— Ах, если бы я мог сделаться слоном! — сказал он и даже прослезился от огорчения, что не может быть им.

Мало-помалу он успокоился, и ему пришла в голову блестящая мысль. Он вскочил со стула, кончиком ушей вытер слезы, надел чистый воротничок и старательно вычистил себе ботинки. Потом, улучив удобную минутку, он выскочил из дома и с быстротою молнии побежал к уединенному холму, где жила мудрая Жаба.

"Если эта старая колдунья, жаба, в дружбе с феями, — подумал он, — то она, может быть, знает средство, как превратить меня в слона. Тогда я буду совершенно счастлив".

Старая Жаба сидела у входа своей избушки, покуривая длинную трубку. На голове у нее была ермолка с длинной кисточкой, на плечах плащ из болотных туманов, а на ногах широкие красные туфли.

— Здравствуй, бабушка! — почтительно поклонился ей Горбунчик.

— Здравствуй, — ответила Жаба.

— Я хочу просить тебя о большой услуге, — сказал кролик.

— С удовольствием! — ответила Жаба. — А на какую цену тебе нужна услуга?

— У меня, к сожалению, нет денег, — сказал Горбунчик. — Просьба же моя заключается в следующем.

И он стал объяснять, как ему хотелось бы сделаться слоном, что он будет счастлив только в том случае, если сделается им, и что иначе он умрет от огорчения.

— Напрасно ты мне рассказываешь всю эту историю, если у тебя нет денег, — прервала его рассказ колдунья-жаба, — впрочем, если ты согласен провести сегодняшнюю ночь на краю поля под красным деревом, то, может быть, феи исполнят твоё желание.

Надежда его не обманула. Проспав часа два, он вдруг проснулся, сел на задние лапки и стал озиаться с изумлением. При лунном свете он увидел, что кругом него порхало множество маленьких эльфов. На них были платья из алмазной росы. И они носились по воздуху, как легкие белые пушинки.

Вначале кролик не мог произнести ни слова от удивления, но когда перед ним с улыбкой появилась царица эльфов, он, собравшись с духом, попросил ее превратить его в слона.

Царица фея молча выслушала его просьбу и отправилась посоветоваться со своими:

— Ура! — ликовал Горбунчик, хлопая лапками. — По-видимому, они сделают меня слоном. Вот счастье-то!

— Ах, глупыш! — сказал вверху над ним кто-то.

Горбунчик взглянул вверх.

— Кто это сказал? Ты? — спросил он сову, сидевшую в дупле как раз над его головой.

Но сова не ответила. Глаза ее были закрыты, и она казалась спящей.

В эту минуту все феи собрались в круг у дерева, затем царица их подошла к Горбунчику и сказала ему внушительно:

— Желание твое будет исполнено. Я тебя знаю хорошо. Ты — ничем не довольный кролик, на тебя не угодишь. Ты хочешь сделаться кем-нибудь другим, воображая, что в настоящем своем виде ты не можешь быть счастливым. Ну, хорошо! Ложись и спи, и, когда утром проснешься, желание твое исполнится.

— Ха! Ха! — раздалось из дупла дерева. — Хо! Хо! Хи! Хи!

Горбунчик пришел в восторг от слов феи, немедленно лег на траву под красным деревом и постарался поскорее заснуть. Тихий хор карликов-эльфов, доносившийся до него, убаюкивал его; эльфы долго еще носились светлым хороводом вокруг дерева, под которым он спал.

Когда Горбунчик проснулся утром, он уже сделался слоном! В этом не было сомнения. Он стал громадным, серым слоном, с четырехугольными ушами, огромными копытами, хоботом и хвостом.

— А ведь правда! — воскликнул счастливый Горбунчик, качая хоботом и топоча ногами. — Вот так штука! Ведь я ростом почти с дерево. Вот удивятся дома!

И от радости он запрыгал по лугу. Он едва верил своему счастью.

— Пойду-ка я домой и покажусь своим, — засмеялся Горбунчик.

И он отправился в путь, шагая через изгороди и ломая заборы.

Достигнув вскоре родного жилища, он увидел у входа отца, мать, братьев и сестер и по их огорченным лицам догадался, что они говорили о нем и беспокоились, где он провел ночь.

Желая поразить своим появлением, Горбунчик насколько возможно тише подкрался к ним, а потом вдруг заревел и, выбежав, стал прыгать перед ними.

Его появление и прыжки вызвали не смех, как он ожидал, а ужас. Отец, мать и все двадцать три брата и сестры испугались его появления и в ужасе попрятались в дом.

— Куда же вы бежите, глупенькие кролики? — крикнул Горбунчик. — Ведь это я!

Но он говорил теперь не обыкновенным кроличьим голосом, а слоновым, столь громким, что его было слышно за несколько верст. Поэтому родные и не узнали Горбунчика. Спрятавшись в доме, они высунули в окна двадцать пять мордочек.

— Кто ты? — спросил его отец-кролик.

— Ужасно безобразное животное! — заметила крольчиха.

— Посмотрите, какой у него длинный нос! — воскликнул его брат Вилли.

— Я Горбунчик! — сказал с улыбкой слон.

— Что за махина! — крикнули все братья и сестры.

— Не правда ли? — сказал Горбунчик, думая, что они дивятся только его росту. — Я

попросил эльфов сделать меня большим, но душой я остался прежним Горбунчиком.

И голосом столь громким, что чуть не оглушил их всех, — ведь он не мог уже говорить тихо, как бы ни старался, — Горбунчик рассказал все, что произошло накануне ночью: свой разговор с эльфами, и как они превратили его в слона.

Но кролики только смеялись над его словами.

— Какие глупости! — воскликнул кролик-отец. — Неужели ты думаешь, что мы поверим твоим рассказам!

— Ты ни в каком случае не можешь быть нашим милым, добрым Горбунчиком! — сказала крольчиха.

— Наш Горбунчик был чудесным крошкочкой с пушистой шерсткой, хорошенькими глазками и ушами длиною в пять вершков, а не таким громадным, зычным чудовищем! Мне даже думается, — продолжала она, прослезившись, — что ты съел нашего крошкочку — милого Горбунчика; наверно, это так!!!

— Мама! Мама! — ревел слон, начинавший уже раскаиваться в своем поступке. И, забыв про свои громадные размеры, он бросился вперед и пытался проникнуть в дом.

Крольчиха взвизгнула, кролик-отец вскрикнул, и родные все до одного бросились бежать и спрятались в самый темный угол их дома, откуда с ужасом следили за теми усилиями, которые делало это ужасное животное, стараясь проникнуть внутрь дома.

Как раз в эту минуту из деревни сбежалось множество людей. Они заметили еще издали огромного слона, бегавшего по лугу, и, захватив вилы, цепи и палки, бросились ловить его, полагая, что он убежал из цирка.

Горбунчик, видя это, старался всячески проникнуть в родной дом и уже всунул в дверь часть хобота, как вдруг дюжина веревок обвилась вокруг его шеи и ног, а сотни рук ухватились за его хвост, ноги, туловище и потащили его назад.

Новоиспеченный слон вытащил хобот и оглянулся.

— Что это значит? — заревел он.

Он лягался, метался, стараясь освободиться, но все было напрасно. Его повели в деревню, хотя он все время твердил крестьянам, что он не слон, а оборотень-кролик и что его зовут Горбунчиком.

Но люди с веревками и палками, не понимавшие языка животных, думали, что он ревет, досадуя, потому что его поймали и смеялись над ним.

Когда они привели его в цирк, то владелец цирка при виде Горбунчика очень удивился. Однако он принял его с большим удовольствием и сказал крестьянам, что они могут приходить в цирк когда угодно и он не будет брать платы, потому что они привели ему слона, и крестьяне остались этим очень довольны.

Для Горбунчика настали тяжелые времена; несколько дней спустя, когда цирк направился в другой город, покинув родину Горбунчика, его стали обучать разным проделкам. И если Горбунчик отказывался стоять на задних ногах или держать в равновесии шар на хоботе, его били кнутом, так что он громко ревел от боли и проливал слезы величиною с голубиное яйцо.

Теперь ему очень хотелось бы стать снова кроликом и жить опять в доме своего отца. Если бы ему удалось убежать ночью, он, на-

верное, попытался бы разыскать фею и попросил бы превратить его опять в кролика, но он не бывал на свободе ни днем, ни ночью. Как только кончалось представление, его привязывали на цепь, и сторожа немилосердно били его при всяком удобном случае.

Когда он, наконец, научился держать в равновесии шар на конце хобота и плясать и прыгать, как и другой слон в цирке, он почувствовал себя очень несчастным.

Но все это было только началом его испытаний; вскоре его продали, и новый хозяин взял его с собой на корабль и повез в чужую страну; здесь бедняга Горбунчик должен был целыми днями таскать громадные бревна. Немало досталось ему тут. Отсюда он был снова продан в другую страну за несколько сот миль, где около тысячи солдат работали в болотистых местах.

Вот где ему пришлось поработать! Солдаты должны были построить мост через реку, и ему вместе с другими слонами приходилось таскать огромные железные бабки и каменные глыбы, весившие несколько десятков пудов, а все время так палило солнце, как будто оно решило изжарить весь мир.

Иногда Горбунчику приходилось таскать одному большие пушки, а то на спину к нему садилось множество солдат, причем какой-то докучный человек в чалме садился к нему на шею и понукал его острой пикой.

— Ах, если бы я был дома! — вздыхал Горбунчик перед сном. — Если бы я опять стал кроликом, я бы больше ни на что не жаловался!

Однажды он увидел, как полковой кашевар пек большие лепешки. Когда кашевар от-

вернулся, Горбунчик взял две из них и проглотил. Сделал он это с голоду: лепешки показались ему такими вкусными, а его притом никогда не кормили досыта.

К несчастью, кто-то видел, как Горбунчик взял лепешки, и вот к нему подошел его погонщик и так сильно ударил по хоботу, что Горбунчик громко заревел от боли.

Но и это еще было бы терпимо, если бы погонщик не был так жесток и не истязал бы бедного Горбунчика. Он бил и колот его пикой до тех пор, пока слон совершенно не обезумел от боли. Не помня себя, Горбунчик схватил своего злого погонщика, поднял его хоботом и бросил на землю, где тот и остался лежать замертво.

Посмотрели бы вы, что делали тогда с бедным Горбунчиком!

Его связали веревками, били цепями. Когда он отправлялся на работу, ему спутывали ноги и хобот, и только слон может знать, как тяжело для них это наказание! Вместо хорошей пищи, какую получали другие слоны, ему давали одни объедки, от которых он чувствовал себя очень плохо.

Бедный Горбунчик стал теперь таким жалким и унылым, что развеселить его было невозможно, как ни старались добиться этого другие слоны. На работу он шел с понурой головой, повисшими ушами и грустными глазами.

В течение всего дня его голова была занята думами о родном крае и друзьях, которых прежде он так мало ценил.

Спустя несколько времени Горбунчика снова продали и на этот раз какому-то человеку с толстой золотой цепочкой, в широкой шляпе и с сигарой, которую он не вынимал изо рта, даже когда говорил.

— Право же, этот слон недурен, — сказал он, оглядывая Горбунчика со всех сторон, — я, пожалуй, вам дам за него тысячу рублей! Он мне пригодится для представления. Я странствую с зверинцем по всему свету и давно уже подыскиваю именно такое животное!

И снова для Горбунчика начались переезды с места на место. Бедный Горбунчик! По вечерам его наряжали, как скомороха, и он должен был плясать перед публикой. Днем ему приходилось стоять на цепи за изгородью, и дети кормили его белым хлебом и даже пирожным. Горбунчику делалось стыдно, так как он считал себя достаточно взрослым для таких гостинцев; приходилось, однако, брать и есть все, потому что мучил голод.

В течение долгих месяцев зверинец переходил с места на место; потом Горбунчика со всеми другими животными снова привели на огромный корабль и ему опять пришлось ехать по морю.

— Куда же мы теперь едем? — спросил Горбунчик у другого слона, к которому он был прикован.

— В Англию, — ответил тот. — Хозяин говорил это вчера прислуге.

Услышав это, Горбунчик обрадовался: ведь Англия была его родиной. И хотя вряд ли он мог надеяться увидеть отчий дом, все же было большим утешением, что он будет находиться вблизи от своих друзей.

После долгого и бурного плаванья они прибыли наконец в Англию.

Горбунчик не сомневался, что это была именно Англия: так прекрасны здесь были зеленые луга, так плодородны поля и так знакомы селения. Все это он отлично видел из вагона, в котором ехал, направляясь в один из крупных городов.

И без того грустный Горбунчик опечалился, однако, еще более, когда увидел кроликов, резвившихся на полях и лугах. Как хотелось ему быть именно этим зверьком! Он с радостью отдал бы все, только бы стать снова кроликом, хотя бы на часок!

Но с этими мыслями о кроликах, полях и свободе ему пришлось расстаться, как только поезд прибыл в большой город. Здесь Горбунчику вместе с товарищами по цирку пришлось идти по улицам, причем впереди шли музыканты, которые своими инструментами производили неприятный шум. Из этого города зверинец перешел в другой, потом в третий, так что Горбунчик стосковался по деревне и не чаял ее больше видеть.

Но вот исполнилось и самое пламенное его желание. После долгого перехода по бесконечной дороге они попали в ту самую деревню, куда его привели четыре года назад, когда он только что превратился в слона.

Показывая в этот вечер деревенским жителям свои мудреные упражнения, он очень волновался, но они не узнали его; ведь теперь он был уже огромным слоном и совсем не походил на слоненка, которого они поймали четыре года назад на лугу. Горбунчик засыпал со слезами на глазах и с отчаянием в сердце. Ведь он был в нескольких верстах от отчего дома, но был прикован! Скоро его увезут опять и никогда более он не увидит этих мест!

Он стоял, прислонившись к стене, и прислушивался к храпу другого слона; ему хотелось знать, живы ли еще его отец, мать и двадцать три брата и сестры; вдруг он услышал вблизи чей-то голос.

Он посмотрел вниз по направлению, откуда раздавался голос, и каково же было его

удивление и радость, когда он вдруг увидел свою приятельницу, мудрую Жабу, с длинной трубкой и в ермолке с кисточкой! Она и раньше была очень крупной жабой, за последние же годы еще больше пополнила, так что Горбунчик едва узнал ее.

— Это ты, Жаба? — крикнул он.

— Тише! — остановила она его. — Не кричи так! Стань на колени, чтобы я могла говорить с тобою, не повышая голоса.

Горбунчик исполнил эту просьбу, и скоро между ними завязался оживленный разговор, из которого слон узнал, что родители его, братья и сестры живы и очень огорчены его бегством.

— Я пришла сюда, несмотря на угрожающую мне опасность, — сказала Жаба, — чтобы спросить тебя от имени фей, доволен ли ты своей судьбой, или же хочешь снова сделаться кроликом?

При этом вопросе крупные слезы вновь за капали из глаз слона.

— Дорогая Жаба, — тихо сказал он, — если бы я мог стать опять кроликом, я был бы самым счастливым существом в мире.

— Ну, в таком случае, — сказала старая Жаба, — желание твое будет исполнено. Вот волшебный напиток, составленный феями; он возвратит тебе твой прежний вид. Выпей его завтра вечером на закате солнца, потом разорви цепи и беги как можно скорее к дому отца. На этом пути и произойдет твое превращение. Феям хотелось самим принести тебе этот напиток, но они не могут удалиться от красного дерева больше чем на версту.

С этими словами Жаба достала из-под плаща пузырек и вручила его Горбунчику, который от удовольствия вновь сделаться кроликом не находил слов для благодарности.

— Но как же мне разорвать цепь? — спросил Горбунчик. — Я уже пробовал сделать это, но напрасно.

— Об этом я тоже подумала, — сказала Жаба и вынула напильник. — Стой смирно. Я подпилю несколько звеньев цепи; это не будет заметно. И ты не разорвешь цепи, если будешь ступать осторожно, а завтра при заходе солнца, когда это будет нужно, ты легко разорвешь ее. Но только ни в коем случае не делай этого раньше, так как волшебный напиток начнет действовать лишь при закате.

Горбунчик охотно обещал исполнить в точности все, что приказывала Жаба. Последняя же, надпилив звенья цепи, удалилась.

В эту ночь Горбунчик спал мало; он слишком волновался при мысли о том, что увидит своих родных и снова станет кроликом. Волновался он и весь следующий день.

Наконец, когда солнце стало закатываться, он вынул пузырек с волшебным напитком из угла своего стойла, где он его спрятал. Он осмотрелся, не глядит ли кто-нибудь на него, и выпил сразу все содержимое пузырька. Потом он стал тянуть цепь; надпиленная Жабой, она скоро оборвалась, он освободился и уже мог бежать.

Со страшным ревом он сломал изгородь стойла к удивлению другого слона и бросился бежать деревней к полю, где находилось жилище его отца.

Не успел он пробежать и тысячи шагов, как сельчане забили тревогу и в погоню бросились прислуга зверинца, а вслед за нею и крестьяне, которым такая охота доставляла удовольствие.

Тут произошло странное обстоятельство. В то время как Горбунчик мчался без оглядки,

туловище его стало уменьшаться — как бы таять.

Из большого слона он превратился в животное среднего роста, потом в маленькое. Когда он достиг поля, где жил его отец, он был уже не больше игрушечного слона, какие продаются в магазинах.

Думая только о том, как бы уйти от преследователей, Горбунчик не обращал внимания на действие волшебного напитка.

Меж тем его уши стали подниматься и превратились в кроличьи, голова стала меньше, хобот исчез и на его месте появился кроличий носик, а жесткая, серая слоновья спина покрылась шерсткой и стала мягкой и гибкой.

Горбунчик опять был кроликом!

Еще быстрее пустился он бежать и оставил преследователей далеко за собой. С быстротой молнии неся он по полям, среди расступающейся травы, и чуть не кувырком влетел в жилище, которое он безрассудно покинул четыре года назад.

Все родные как раз сидели за столом и от удивления выронили суповые ложки, увидя внезапно влетевшего к ним Горбунчика.

— Папа! — воскликнул он, и слезы потекли из его глаз. — Мама!

Все двадцать пять кроликов чуть не со страхом смотрели на прибывшего, не веря глазам. Но вот с криками радости они бросились к нему и стали его обнимать и целовать. Началась суматоха. Кролик-отец среди общего шума засыпал его вопросами, крольчиха плакала, а братья и сестры прыгали вокруг него и душили в объятиях.

Горбунчик объявил, что сердечная встреча заставила его забыть все перенесенные беды.

Такова история недовольного кролика, сделавшегося слоном.

Тому прошло уже много лет. Горбунчик и сам теперь обзавелся семьей и домом, и когда он вечером сидит у камина, покуривая длинную трубку, то никто не поверит, что он когда-то был недоволен своей судьбой.

ЗМЕЙ И ЦЫГАН

(русская народная сказка)

В старые времена стояла деревушка, и повадился в ту деревушку змей летать, людей хватать.

Всех поел; остался всего-навсего один мужик. Приходит туда цыган, дело было поздним вечером. Куда ни заглянет — везде пусто! Зашел, наконец, в последнюю избушку; там сидит да плачет оставшийся мужик.

— Здравствуй, добрый человек!

— Ты за чем, цыган? Верно, жизнь тебе надоела!

— А что?

— Да ведь сюда повадился змей летать, людей хватать; всех поел, меня одного до утра оставил, а завтра прилетит — и меня возьмет, да и тебе не сдобровать. Разом двух съест!

— А может, подавится! Дай-ка я с тобой переночую да посмотрю завтра: какой-такой змей к вам летает?

Переночевали. Утром поднялась вдруг сильная буря, затряслась изба — прилетает змей.

— Ага! — говорит. — Прибыль есть! Оставил одного мужика, а нашел двух — будет чем позавтракать.

— Будто и вправду съешь? — спрашивает цыган.

— Да таки съем!
 — Смеешься, образина! Подавишься!
 — Что ж, ты разве сильнее меня?
 — Еще бы! Чай сам знаешь, что у меня сила больше твоей.
 — А ну, давай попробуем: кто кого сильнее?
 — Давай!
 Змей достал из жерновов камень.
 — Смотри, цыган! Я этот камень одной рукой раздавлю.
 — Ладно, посмотрю!
 Змей взял камень в горсть и стиснул так крепко, что он в мелкий песок обратился: искры так и посыпались!
 — Экое диво! — говорит цыган. — А ты так сожми, чтобы из него вода потекла. Гляди, как я сожму!
 А на столе лежал узелок творогу; цыган схватил его и ну давить — сыворотка и потекла на землю.
 — Что, видел? У кого силы больше?
 — Правда, рука у тебя сильнее моей; а вот попробуем: кто из нас крепче свистнет?
 — Ну, свисти!
 Змей как свистнет — со всех деревьев лист осыпался.
 — Хорошо, брат, свистишь, а все не лучше моего, — сказал цыган. — Завяжи-ка наперед свои глаза, а то как я свистну — они у тебя изолба выскочат!
 Змей поверил и завязал платком свои глаза:
 — А ну, свисти!
 Цыган взял дубину да как свистнет змея по голове — тот во все горло закричал:
 — Полно, полно, цыган! Не свисти больше, и с одного раза чуть глаза не вылезли.

— Как знаешь, а я, пожалуй, готов и еще разок-другой свистнуть.
 — Нет, не надо! Не хочу больше спорить. Давай лучше с тобой побратаемся: ты будь старший брат, а я — меньшей.
 — Пожалуй!
 — Ну, брат, — говорит змей, — ступай, там в степи пасется стадо волов, выбери самого жирного, возьми за хвост и тащи на обед.
 Нечего делать — пошел цыган в степь; видит — пасется большой гурт волов, давай их ловить да за хвосты завязывать. Змей ждал-ждал, не выдержал и побежал сам.
 — Что так долго?
 — А вот постой: навяжу штук пятьдесят да за один раз и поволоку всех домой, чтобы на целый месяц хватило!
 — Экой ты! Неужели нам здесь век вековать? Будет и одного.
 Тут змей схватил самого жирного вола за хвост, сдернул с него шкуру, мясо взвалил на плечи и потащил домой.
 — Как же, брат! Я столько штук навязал — неужели ж так бросить?
 — Ну, брось!
 Пришли в избу, наклали два котла говядины, а воды нету.
 — На тебе воловью шкуру, — говорит цыгану змей, — ступай набери полную воды и неси сюда, станем обед варить.
 Цыган взял шкуру, потащил к колодезю — еле-еле порожнюю тащит, не то что с водой. Пришел и давай окапывать кругом колодезь. Змей опять ждал-ждал, не выдержал и побежал сам.
 — Что ты, брат, делаешь?
 — Хочу колодезь кругом окопать да весь в

избу притащить, чтобы не нужно было ходить по воду.

— Экой ты! Много затеваешь! Чтобы окопать, надо много времени.

Опустил змей в колодезь шкуру, набрал полную воды, вытащил и понес домой.

— А ты, брат, — говорит он цыгану, — ступай пока в лес, выбери сухой дуб и волоки в избу: пора огонь разводить!

Цыган пошел в лес, начал лыки драть да веревки вить; свил длинную-предлинную веревку и принялся дубы опутывать. Змей ждал-ждал, не выдержал, побежал сам.

— Что ты мешкаешь?

— Да вот хочу зараз дубов двадцать зацепить веревкой да и тащить все с корнями, чтобы надолго дров хватило!

— Экой ты! Все по-своему делаешь, — сказал змей, вырвал с корнем самый толстый дуб и поволок в избу.

Цыган притворился, что сердится, надул губы и сидит молча. Змей наварил говядины, зовет обедать, а он сердито отвечает:

— Не хочу!

Вот змей съел целого вола, выпил воловью шкуру воды и стал цыгана допрашивать:

— Скажи, брат, за что сердишься?

— А за то, что я ни сделаю — все не так, все не по-твоему.

— Ну, не сердись, помиримся!

— Коли хочешь со мной мириться, поедem ко мне в гости.

— Изволь, готов, брат!

Тотчас достал змей повозку, запряг тройку лучших коней, и поехали они в цыганский табор. Стали подъезжать, увидели цыганята своего отца, бегут к нему навстречу нагишом да во все горло кричат:

— Батко приехал! Змея привез!

Змей испугался, спрашивает цыгана:

— Кто это?

— А это мои дети! Чай, голодны теперь; смотри, как за тебя примутся!

Змей из повозки да бежать; а цыган продал тройку лошадей вместе с повозкой и зажил себе припеваючи.

В ЗАКОЛДОВАННОМ ЛЕСУ

(индейская сказка)

Среди индейцев, ставших станом у подошвы Мексиканских гор, жил воин с женой и двумя сыновьями, которыми очень гордился. И неудивительно: таких мальчиков не было во всем индейском поселке. Отец, лучший охотник своего племени, очень желал, чтобы сыновья стали такими же искусными охотниками, как и он, и потому с раннего детства обучал их всему, что знал и умел сам. Мальчики скоро научились ловить рыбу, управлять конем, но особенно легко давалась им охота, — родители не могли ими нахвалиться.

Когда старшему исполнилось двенадцать, а младшему десять лет, оба мальчика уже отлично стреляли из лука и часто приносили домой по несколько убитых кроликов.

Им позволялось уходить в лес и в прерию¹ на север, запад и восток; отец запретил им только охотиться на юге.

Долгое время они повиновались, но раз Секвайя, старший из братьев, сказал младшему, Оракейле:

¹Степь.

— Знает ли мой брат, почему нам не позволено охотиться на юге?

— Оракейла хорошо не знает, — ответил младший, — но он слышал, как отец с матерью однажды толковали о какой-то людоедке-старухе, которая живет на юге и ест детей, и с ужасом представляли себе, что и их дети могут ей попасться на глаза.

— Оракейла, должно быть, плохо слышал, — сказал старший. — Секвайя думает, что отец с матерью скорее опасаются, как бы кролики совсем не исчезли в этой местности, если мы всюду будем за ними охотиться, а как раз в южных лесах их, наверно, водится очень много. Мы настреляем множество дичи и никто не заметит этого! Идем, брат!

Конечно, со стороны старшего брата это было нехорошо, и Оракейла долго не поддавался его увещаниям послушаться родителей, но наконец старшему брату удалось убедить его, и они решили идти.

Они отправились на юг и скоро достигли большого леса. В нем оказалось много крупных кроликов, и молодые индейцы пришли в восторг при мысли об ожидавшей их богатой добыче.

Хотя они были очень искусными стрелками, метко попадавшими в цель, им тем не менее не удалось убить ни одного животного. Мальчики не могли понять, отчего это происходит: осторожна ли чересчур была дичь, или тут была другая причина, но кролики были неуязвимы.

Молодые охотники не отчаивались и продолжали углубляться в лес. Вдруг они увидели перед собой такого крупного кролика, какого им никогда еще не приходилось встречать. Животное сидело к ним спиной на

стволе упавшего дерева, и передними лапами примеряло себе на голову золотую корону.

Братья очень удивились невиданному зверю, и Секвайя шепотом сказал:

— Это, наверно, та ведьма в образе кролика, — и пустил в него стрелу, которой и выбил из лап животного корону. Она упала на землю и скатилась по откосу как раз к мальчику, а тот наступил на нее ногой.

Невиданный кролик обернулся и очень удивился при виде мальчиков.

— Кто вы и что вам здесь нужно? — спросил он.

— Мы хотя и дети, но уже хорошие охотники. А пришли сюда поохотиться за кроликами, — ответил Секвайя и натянул лук.

— Не убивай меня! Я кроличий царь! — крикнуло в ужасе диковинное животное. — Если ты убьешь меня, все наше племя уйдет из этой местности и тебе никогда больше не удастся выстрелить по кролику.

Мальчик опустил лук.

— Секвайя не тронет тебя, — сказал он. — Пусть кроличий царь идет невидимым и возьмет с собой золотую корону. Он, вероятно, не заметил, что она скатилась мне под ноги!

— Молодой охотник очень добр, — сказал зверь и с радостью подбежал к мальчикам. — Если бы он оставил себе корону, то с ним и его братом приключилась бы беда, а царь кроликов все равно получил бы корону обратно. Но за то, что он отдал мне ее добровольно, я хочу оказать ему услугу. Пусть он возьмет себе вот эти пять волосков с моего лба, и если когда-либо он попадет в беду и не будет знать, что ему делать, то пусть подпалит

один из них и тотчас же узнает, как ему поступить. А теперь прощайте!

Кроличий царь надел корону, запрыгал и быстро исчез из глаз охотников.

Оба были так поражены, что у них пропало всякое желание охотиться, и они решили идти домой. К тому же слова кролика о предстоящей им большой беде их испугали.

Пройдя немного, они заметили, что заблудились; и несмотря на все старания, не могли найти дорогу и все глубже уходили в лес.

Они уже решились было сжечь один из кроличьих волосков, чтобы узнать, что делать, как вдруг из лесной чащи услышали женский голос.

Осмотревшись, они увидели высокую безобразную старуху, подходившую к ним с юга; она ласково заговорила с ними:

— Милые мальчики очень похожи на моих славных внучат, давно уже покинувших меня. Как вы попали в этот лес, куда никто не решается заглядывать?

Услышав ласковые слова, дети оправились от страха, и старший ответил:

— Секвайя и его брат пришли поохотиться на кроликов, а теперь идут домой!

— Где же вы живете, милые дети?

Они рассказали ей, откуда они и кто их родители. Старуха, видимо очень удивившись, воскликнула:

— Да ведь вы совсем не туда идете! Вы заблудитесь, если пойдете в этом направлении. Пойдемте со мной, я вам покажу дорогу!

Мальчики устали и очень обрадовались, когда старуха предложила им сесть в большую корзину, висевшую у нее за спиной. А старуха поспешно направилась с ними в чащу.

Через несколько времени они оказались в глухой и темной части леса. Там приютилась жалкая, полуразрушенная избушка. Старуха поставила корзину, оскалила волчьи зубы и велела мальчикам вылезать.

— Ну, дети, — засмеялась она, — напрасно вы забрели сюда охотиться. Вы зашли в мои владения и теперь попадете мне в жаркое.

Мальчики до смерти испугались и горько раскаялись в своем непослушании, но теперь уже ничего не могли поделать.

Старая ведьма, — это была она, — на их глазах стала расти и обратилась в великаншу. Потом она позвала своего мужа, и оба они, схватив пойманных мальчиков, сунули их в большую печь, находившуюся позади дома.

Старуха замазала чело печки сырой глиной, а под печью развела сильный огонь. Затем великаны уселись около печи и чавкали, предвкушая вкусный завтрак.

Секвайя нашел, однако, щелку в дымовом ходе, через которую ему удалось бросить один из кроличьих волосков. Волос сгорел, и мальчики услышали тотчас рядом с собой в печке голос, хотя никого не было видно. Без сомнения, это говорил кроличий царь:

— Что вам надо? — спрашивал он.

— Ах, — ответил старший из мальчиков, — Секвайя и его брат посажены старой, злой ведьмой в печку и сейчас сгорят.

— Не бойтесь, — ответил голос. — Мое волшебство защитит вас. Чем жарче будет в печи, тем вам будет приятнее.

Печка мало-помалу накалилась докрасна, но дети чувствовали себя так хорошо, что даже начали игру, а утомившись задремали. Ведьма и муж ее всю ночь не могли заснуть в ожидании лакомого блюда. Утром на рассве-

те они бросились к печке, полагая, что жаркое уже готово.

Каково же было их удивление, когда мальчики вышли оттуда веселыми и невредимыми! Супруги бросились друг на друга, и муж закричал:

— Вот как ты разводишь огонь, противная старуха! Убирайся долой с глаз моих!

Ведьма не уступала, и они долго продолжали браниться.

Наконец старуха сказала мужу:

— Зачем нам ссориться? Мы снова посадим их в печь, а завтра нам успеет превкусный завтрак. К тому же я их сегодня хорошенько подкормлю, чтобы они были пожирнее!

Великан согласился с этим и отправился в лес за новой добычей. Ведьма накормила детей разными вкусными кушаньями, а дети беззаботно ели все, что подавалось на стол. Вечером их снова посадили в печь и старуха сказала с ядовитой усмешкой:

— Теперь вы уж испечетесь! Теперь мой огонек уже наверное поджарит вас!

Она подкинула толстых поленьев и зажгла их, снова замазала печь и довольная возвратилась домой, предвкушая вкусный завтрак. Ночью супруги опять не могли сомкнуть глаз при мысли об ожидавшем их утром лакомом блюде.

Между тем оба мальчика сидели в печке. Как только она нагрелась, Секвайя сжег второй волос. Снова их утешил кроличий царь. Когда же наступило утро, злые людоеды опять нашли детей играющими в раскаленной печи. Ведьма страшно разозлилась, она дико заскрежетала зубами. Придя в себя, она

обратилась к мальчикам с притворной лаской, говоря:

— Вам, наверное, помогает какой-нибудь волшебник. Выходите, детки, из печи и играйте, а когда проголодаетесь, приходите ко мне и я накормлю вас. Не бойтесь, жарить вас больше я не буду!

Дети весело побежали в лес. Вечером они вернулись к ведьме, и она сказала им:

— Завтра мы будем играть с вами в прятки. Если вы меня найдете три раза, то ни я, ни муж мой никогда больше не будем есть людей, если же я найду вас три раза, я вас съем!

Мальчики согласились, надеясь на помощь своего друга, царя кроликов.

Настало утро, и старуха предложила детям прятаться. Она отошла в сторону и закрыла лицо руками. Как только она удалилась, Секвайя сжег третий волос и сейчас же услышал голос:

— Станьте за дверью и я сделаю вас невидимыми!

Мальчики исполнили, что им было приказано, и Секвайя крикнул ведьме, чтобы она искала. Долго все старания ее были напрасны, наконец она все-таки нашла детей и крикнула:

— Настала очередь прятаться ведьме!

Она сделалась крошечной и залезла под сизое крыло белоголового селезня, плававшего на соседнем пруде.

Мальчики долго искали ее и наконец закричали, смеясь:

— Да вот она, старуха, под крылом селезня!

Ведьма вылезла, и теперь опять была очередь прятаться братьям. Секвайя сжег четвертый волос царя кроликов и услышал голос:

— Сделайтесь маленькими и полезайте каждый в свой колчан!

Мальчики сделали так, и старухе пришлось долго искать их, но в конце концов она закричала:

— Выходите-ка из колчанов!

Теперь была очередь прятаться ведьме второй раз. Она снова сделалась маленькой и спряталась за ногою журавля, стоявшего на берегу озера. Она укрылась так хорошо, что мальчики не могли долго ее найти. Вдруг младший Оракейла закричал:

— Выходи-ка, старуха; ты спряталась за журавлиной ногою!

Ведьма с досадой оставила свое место, и теперь дети прятались в последний раз.

Когда последний кроличий волос был сожжен, царь кроликов сам появился перед мальчиками. Он был очень встревожен, и корона съехала у него на левое ухо. Он приветствовал братьев лапой и сказал:

— Теперь вам остается только одно: спрятаться под мышкой у солнца. Летите к нему, а я вас заколдую, чтобы оно вас не сожгло.

Кроличий царь исчез, а братья полетели к солнцу и спрятались у него под мышкой. Они видели, как ведьма бегала взад и вперед и безуспешно искала их. Наконец ей пришлось сознаться в своей неудаче и она крикнула:

— Выходите, я не могу найти вас!

Дети спустились вниз, довольные тем, что на этот раз спрятались успешно. Теперь должна была прятаться еще раз ведьма. Хитрая старуха сделалась величиной с булавочную головку и спряталась во рту рыбы, плававшей в озере; мальчики совсем было уже отчаялись

ее найти, как вдруг Секвайя заметил ее и радостно воскликнул:

— Выходи-ка изо рта большой рыбы, что плавает в озере!

Ведьма должна была выйти, и впредь и она и муж ее не смели больше заниматься людоедством.

Мальчики же сразу нашли дорогу домой. Когда они возвратились, они оказались уже взрослыми юношами.

Четыре дня, которые они, как им казалось, провели в заколдованном лесу, были в действительности четырьмя годами.

Родители были в восторге, когда их любимцы, которых они считали уже погибшими, появились перед ними большими и здоровыми.

Даже непослушание простили им за то, что они освободили южный лес от людоедов.

Юноши стали храбрыми воинами, а потом и начальниками своего племени. Жили они долго и счастливо и умерли в глубокой старости, прославившись подвигами.

В МУРАВЬИНОМ ГОРОДКЕ

(британская сказка)

В муравейнике около большого дуба тихо и мирно проживали муравьи.

Вели они трудолюбивую жизнь и беспрекословно исполняли все, что им приказывали их три царицы.

Работа у них так и кипела. Но что всего удивительнее: у них не было рабочих, а все работы исполнялись работницами, даже в войске у них служили только женщины. Они сновали туда и сюда с раннего утра и до позд-

него вечера, копали, строили, добывали пищу, приглядывали за яйцами, — а их было так много, что невозможно было и сосчитать, — заботились о муравьиной детворе, чтоб она не зябла, не голодала, и старательно исполняли множество других обязанностей.

Все было бы очень хорошо, если бы никто не трогал и не беспокоил этот мирный, трудолюбивый народец, но вышло иначе.

Однажды в том же лесу появился другой муравьиный народец и построил себе городок недалеко от наших муравьев.

Пришельцы, к сожалению, оказались совсем не такими мирными, как их соседи.

Вскоре после их прибытия войско их напало на городок мирных муравьев, похитило оттуда всю детвору и перетащило в свой городок. Когда же похищенная детвора подросла, ее обратили в невольников и она должна была исполнять самые трудные и тяжелые работы.

Мирные муравьи встревожились и приуныли. Они были слабее своих врагов и не могли с ними справиться, поэтому им оставалось одно: покориться своей участи.

Злые соседи их не удовлетворялись одним посещением, они повторяли свои набеги и уносили муравьиную детвору. Не видя этому конца, мирный народец решил уйти и построить себе новый городок в другом месте.

Так и было сделано. Но, увы, — напрасно! Злых соседей не остановило более далекое расстояние, и все осталось по-старому. Лишь только подрастала детвора, тотчас за ней являлись злые муравьи-разбойники и уводили ее в рабство.

За этой бедой не замедлила последовать

другая. Вскоре после переселения мирных муравьев в новый городок к ним явился большой жук с жучихой и потребовал для себя помещений во дворце муравьиных цариц.

Супруги-жуки были в красивых синем и зеленом нарядах, сшитых по новейшему образцу. Вещей у них с собой не было, и уже это одно было подозрительным. Кроме того, оба гостя так жадно глядели на кладовую, что царицам стало жутко.

— Мы совершаем маленькое путешествие для своего удовольствия, — объясняла жучиха, — и нам хотелось бы немного отдохнуть здесь у вас!

С этими словами она направилась в самую лучшую спальню и улеглась спать, между тем как супруг ее разговаривал с царицами и при этом проглотил три дюжины муравьиных яиц.

Вскоре царицам стало ясно, что за гостей они приютили у себя. Жуки бесцеремонно расположились во дворце и в городке и распоряжались как у себя дома. Работницы должны были прислуживать им, готовить жуку утром воду для бритья, а жене его чашку парного молока. Ведь муравьи, как и люди, держат коров, только молоко муравьиных коров напоминает скорее сладкую водичку.

А сколько жуки съедали за день! Они пили и ели с утра до вечера, и муравьям все время приходилось работать и хлопотать, чтобы снова наполнить кладовую.

Все лакомые кусочки, лучшие плоды, семена и салаты, одним словом, все, что приносили работницы, истреблялось жуками. Царицы должны были довольствоваться лишь остатками.

Мир и спокойствие в муравьином городке были нарушены. Жуки заглядывали во все уг-

лы, проникали во все помещения и беспокоили мирных жителей громким жужжанием.

Но хуже всего было то, что навязчивые гости и не думали об отъезде!

— Вы, кажется, собирались путешествовать? — решилась наконец спросить самая храбрая из цариц.

— Ах, да! Мы и путешествовали раньше, — сказали жуки. — Но надо же иногда и пожить на одном месте, а ваш климат нам очень полезен!

— Слышала? — шепнула одна молодая работница другой.

Обе они несли во дворец молоко.

— Они никогда не уйдут от нас, — ответила вторая.

— Да, если не отделаться от них хитростью, — многозначительно добавила первая.

— А как же это устроить? — в недоумении спросила другая.

— Ты всегда была немного недогадлива, — воскликнула первая. — Если бы только кто-нибудь послушался моего совета! Но во всем городе нет ни одного умного муравья и никто не сделает того, что я придумала.

— Так отчего же ты сама этого не сделаешь? — подзадорила ее вторая, которая совсем не была так наивна, как казалось.

— Это мне не приходило в голову, — ответила первая работница, — но раз ты меня надумила, я, пожалуй, сделаю.

Затем она уселась в тихий уголок и стала размышлять. По окончании работ она выбежала из городка и направилась к жилищу муравьев-разбойников.

Там у ворот на карауле стояла старая, свирепая солдатка.

У маленькой работницы от страха затрепе-

тало сердце, и она побледнела, как только могут бледнеть муравьи. Однако собравшись с духом, она решительными шагами приблизилась к часовому.

— Стой! Кто идет? — крикнул часовой.

— Я ваша соседка, — ответила девушка, — я вышла прогуляться перед ужином.

— Прогуляться перед ужином! — сердито крикнул часовой. — Не много же ты, должно быть, работаешь!

— Но почему же мне...

— По твоему наряду видно, что ты работница! — строго сказал муравей.

— Совершенно верно! Но у нас в рабочих теперь живется легко, нам приходится только вытирать пыль да время от времени кое-что починить — вот и все, — ответила девушка.

— Вот как?! А мне еще недавно рассказывали совсем другое! — сказал часовой.

— Да, но с тех пор, как у нас поселились жуки, все совершенно изменилось. Они сами исполняют всю грязную работу. И что это за работники! Нам теперь совсем нечего делать! Да, хорошая вещь — иметь таких двух работающих жуков в городе!

"Ага, — подумал часовой, — не дурно было бы заполучить их нам!"

И он так задумался, что забыл даже проститься с маленькой работницей. Потом он поспешил в город, чтобы сообщить там о только что слышанном.

А маленькая работница вернулась домой веселой и довольной.

И действительно: вскоре произошло то, чего она ждала.

Злые муравьи, выслушав рассказ часового,

воспылали желанием залучить к себе жуков, которые умели так усердно работать.

Во избежание излишних хлопот, они захватили с собой большое ведро муравьиного молока, а в него влили несколько капель яду — муравьи, как известно, всегда носят с собой пузырьки с ядом. Потом дюжина солдат притащила это ведро к самому городу мирных муравьев и стала поджидать жуков. И когда те показались, они спрятались за кучей сухих листьев.

Лишь только жуки заметили сладкий напиток, они немедленно бросились на него и выпили все до капли.

Яд начал действовать тотчас, — оба жука повалились на траву и потеряли сознание.

Муравьи выскочили, и, не теряя времени, связали жуков на большом листе, и потащили их в свой городок.

Когда они прибыли туда, яд уже перестал действовать; жучиха очнулась и принялась щипать своего мужа, так что и тот пришел в себя. Скоро оба они оказались бодры и свежи, как будто с ними ничего не случилось. Жучиха, осмотревшись, сказала мужу:

— Знаешь что? Мне здесь нравится. Я думаю, нам незачем возвращаться к тем маленьким муравьям. Нам и здесь будет хорошо.

— Отлично, — сказал жук, — идем сейчас на кухню! — И он отправился прямо ко дворцу, где жили шесть цариц.

Кивнув им головой, он бесцеремонно уселся за стол и стал истреблять все, что было подано на стол. Жена его последовала его примеру. Вскоре они истребили все и потребовали пить. Они вели себя совершенно так же, как и у мирных муравьев.

Узнав, почему их притащили сюда, они

громко рассмеялись, и смеялись так долго, что лица их покраснелись, а крылья покрылись черными пятнами.

Муравьи стали их просить, затем грозить, но ни жук, ни жучиха не желали работать; напротив, заставляли других прислуживать себе, так что муравьи наконец потеряли терпение и стали думать, как бы им избавиться от надоедливых гостей.

Но жукам так понравилось на новом месте, что они и не думали уходить.

Тогда муравьи решили уйти от них потихоньку.

В темную ночь, пока гости их спали, они собрали пожитки и покинули город. Но второпях забыли смазать городские ворота, и те, отворяясь, заскрипели так, что жучиха проснулась. Заметив торопливую беготню жителей, она догадалась о происшедшем и разбудила мужа. Оба они тихо вышли из ворот и в отдалении следовали за муравьями.

И что же! Едва муравьи, пройдя несколько миль лесом, построили себе новый городок, жуки снова появились среди них, как ни в чем не бывало.

Но теперь разбойники жили так далеко от мирных муравьев, что ходить к последним им стало неудобно; им пришлось теперь работать самим и собирать запасы в поте лица, и притом не только для себя, но и для прожорливых гостей.

Мирные же муравьи снова зажили счастливо и благополучно.

Умную работницу, избавившую всех их от беды, они осыпали большими почестями.

Разбойникам пришлось покориться судьбе и примириться с пребыванием у них жуков.

СОДЕРЖАНИЕ

Али-Баба и сорок разбойников	3
Принц-самозванец	27
Иван-крестьянский сын и мужичок-сам с перст, усы на семь верст	43
Дюймовочка	52
Сосватанные дети	66
Загадки	69
Три собаки	71
Великан Миша	87
Заяц в Инабе	109
Лесовик и царевич	112
Белая уточка	130
В царстве сказки	133
Лесной царь	138
Господин Кубарь	141
Железный Великан	146
Пуговица	151
Король Вуг	154
Карлик	156
Опять в постельке	163
Марушка и братья месяцы	163
Сказка о Василисе-золотой косе и об Иване-Горохе	171
Чудесный цветок	181
Цветы малютки Иды	197
Кролик, на которого не угодишь	206
Змей и цыган	221
В заколдованном лесу	225
В муравьином городке	233